

76
—
285

ВОСПИТАНИЕ СЫНА.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ПИСЬМА

КЪ

МАТЕРИ

ЭРНСТА БЭМЕ.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА: «СЕМЬЯ И ШКОЛА» СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПЕДАГОГИЧЕСКАГО

W6886

БИБЛИОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Печатня В. П. Головина, Владимирская, д. № 15.

1871.

370
Б 9

ВОСПИТАНИЕ СЫНА.

~~76~~
285.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ПИСЬМА

КЪ

МАТЕРИ

ЭРНСТА БЭМЕ.

ПЕРЕВОДЪ

КОЖЕВНИКОВОЙ и РЖЕВСКОЙ.

(Изъ журнала „Семья и Школа“ 1871 г.).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головина, Владимірская д. № 15.

1871.

с

28

282

Дозволено ценсурю. С.-Петербургъ, 19 марта 1871 года.

ГОС. БИБЛИОТЕКА
ПО НАРОДНОМУ
ОБРАЗОВАНИЮ

№ 489794.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц И И.

Заглавіе этой книги не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанию. Все то, что Бэме говоритъ о „воспитаніи сына“, одинаково относится и къ воспитанію дочери; авторъ имѣлъ бы поэтому полное право назвать свои письма „*Письмами о воспитаніи*“.

Хотя переводъ книги Бэме и былъ уже помѣщенъ въ журналъ „Учитель“ (ред. Паульсонъ) за прошедшій годъ, тѣмъ не менѣе редакція журнала „*Семья и Школа*“ рѣшилась дать своимъ подписчикамъ, въ видѣ приложенія, и выпустить въ отдѣльную продажу новый переводъ той же книги, на томъ основаніи, что этотъ переводъ почти *подстрочный*, тогда какъ переводъ, помѣщенный въ журналъ „Учитель“, — только *приблизительный*, „вольный“.

Вездѣ, гдѣ было нужно, редакція сочла долгомъ сдѣлать отъ себя подстрочныя примѣчанія.

О П Е Ч А Т К А

О П Е Ч А Т К А.

На стр. 29-й, въ примѣчаніи редакціи послѣ словъ: «поддерживается у насъ до сихъ поръ» слѣдуетъ поставить заключительную скобку).

I.

Очень обрадовался я, узнавъ изъ вашего письма, что на вашу долю выпало самое большое счастье на землѣ—*сдѣлаться матерью*. Въ письмѣ вашемъ я замѣтилъ опасеніе относительно того, способны ли вы взять на себя обязанность матери, и заключаю отсюда, какимъ важнымъ дѣломъ представляется вамъ воспитаніе вашего сына. Довѣріе, которымъ я когда-то пользовался въ вашемъ домѣ, будучи воспитателемъ вашихъ братьевъ, и которое вы теперь подтверждаете вашимъ милымъ письмомъ, не только даетъ мнѣ право, но даже налагаетъ на меня обязанность помочь вамъ, на сколько я могу, въ воспитаніи вашего сына. Жанъ-Поль сказалъ однажды: *«дайте намъ лучшихъ матерей, — тогда мы будемъ имѣть лучшихъ людей»*. Чего же не достаетъ большинству матерей нашего времени? Очень просто: подготовки къ ихъ обязанности. Едва ли кто повѣритъ этому, хотя это и суцая правда. Дѣйствительно, къ такому полному значенія, почти важнѣйшему призванію женщинъ, ихъ вовсе не приготавливаютъ. Часто говорятъ, что «природный тактъ, которымъ въ гораздо большей степени одарены женщины, сравнительно съ мужчинами, уже составляетъ особенную подготовку къ материнской обязанности».

Не говоря уже о томъ, что многія матери совершенно не имѣютъ такого такта, у другихъ, вслѣдствіе воспитанія, онъ уклонился отъ истиннаго пути. Женщины умѣютъ искусно приложить свой тактъ въ обществѣ, но въ дѣтской онъ покидаетъ ихъ; онѣ не находятъ тамъ ничего пріятнаго, а ощущаютъ только

скуку и усталость, потому что имъ не внушено воспитаніемъ значенія обязанности матери. Вы сами, моя дорогая, пишете мнѣ, что васъ напугали матери своими рассказами о томъ, какъ утомительно заниматься воспитаніемъ дѣтей. Къ несчастью, такихъ матерей очень много, очень много! Но скажите, неужели никто изъ нихъ не рассказывалъ вамъ о томъ наслажденіи, которое онѣ находятъ въ дѣтской комнатѣ? Матерей такого рода можете считать хорошими и довѣряться имъ; но такія матери встрѣчаются рѣдко, особенно въ высшемъ обществѣ. Тамъ дѣвушки учатся всему возможному и невозможному, чтобы только блистать въ обществѣ; объ ожидающей же ихъ обязанности слышать онѣ нѣчто, и то случайно; и вотъ что странно, что иногда даже стараются держать ихъ какъ можно дальше отъ вопросовъ такого рода, и все это ради приличія! При такой системѣ воспитанія дѣвушекъ, должны ли мы удивляться, что есть такъ много матерей, которыя ради различныхъ удовольствій и визитовъ забываютъ своихъ дѣтей и оставляютъ ихъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, и даже недѣль, на рукахъ необразованной прислуги?

Желаніе ваше быть хорошей матерью можетъ уничтожить всякія къ тому препятствія и возвратить все прежде упущенное; и я предсказываю вамъ заранѣе, что съ каждымъ днемъ вы будете находить все болѣе и болѣе интереса въ вашихъ дѣтяхъ и наконецъ станете считать тѣ часы, которые, можетъ быть, по необходимости, случится вамъ провести не вмѣстѣ съ ними. Вамъ, при вашихъ средствахъ, воспитаніе относительно не такъ трудно. Вы можете заpastись всевозможными книгами и т. п., чтобы познакомиться съ этимъ вопросомъ, и будете имѣть достаточно времени обдумать все относительно веденія вашего дитяти, такъ какъ прислуга ваша возьметъ на себя всю черную работу. На сколько болѣе нужно удивляться женѣ, поденщика, если ей удастся, съ заботой о насущномъ хлѣбѣ и грубой работой, хорошо воспитать кучу дѣтей!

Свѣтскія удовольствія, которымъ предаются обезпеченныя женщины, скоро перестаютъ занимать ихъ, и когда наступитъ старость, то въ сердцѣ остается пустота, или оно только полно однимъ раскаяніемъ. Совсѣмъ иное, когда мать ищетъ вознаграждать себя за тѣ тяжелые часы, которые переживала она ради

своихъ дѣтей, тщательнымъ воспитаніемъ этихъ самыхъ дѣтей. Радость чистая и не проходящая, а напротивъ увеличивающаяся съ годами, будетъ ей наградой. Всѣ великіе люди съ глубокимъ *уваженіемъ* и благодарностью вспоминаютъ мать; хотя и объ отцѣ они отзываются съ глубокимъ почтеніемъ, но все-таки воспоминаніе о *матери* стоитъ на первомъ планѣ. Это можетъ служить доказательствомъ, какое большое вліяніе имѣетъ мать на чувство своего ребенка. Въ слѣдующихъ письмахъ, я постараюсь, такъ какъ вы мнѣ позволили, помочь вамъ въ вашемъ добромъ намѣреніи — сдѣлать вашего сына совершенно полнымъ человѣкомъ.

II.

Въ вашемъ послѣднемъ миломъ письмѣ, я открылъ два большихъ заблужденія, которыя извинительны, тѣмъ болѣе, что они одобряются большинствомъ матерей. Первое заблужденіе состоитъ въ томъ, что вы думаете, что «нечего еще заботиться о воспитаніи вашего Макса, потому что онъ еще мало понимаетъ». Совершенно справедливо, что въ первое время, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, человѣкъ понимаетъ очень мало; но не смотря на это, дитя можетъ быть *избаловано* уже и въ такой возрастъ такъ, что становится иногда господиномъ всего дома. Второе заблужденіе состоитъ въ томъ, что вы думаете, будто ребенку, можетъ быть, прирожденъ тотъ или другой порокъ, и что посредствомъ воспитанія *совсѣмъ нельзя, или можно только весьма немного, исправить* прирожденные недостатки. Въ этихъ-то именно двухъ заблужденіяхъ заключаются основы всего неправильнаго воспитанія, основы, на которыя въ сущности нужно смотрѣть, какъ на средства воспитателей оправдать себя въ упущеніи воспитанія дитяти. Все это внушаетъ мнѣ мысль начать съ вами науку воспитанія съ азбуки, именно съ того, какъ нужно вести здороваго ребенка въ первыя недѣли его жизни.

Когда вашъ Максъ появился на свѣтъ, умственная его дѣятельность спала еще; позднѣе она начала мало по малу пробуждаться посредствомъ впечатлѣній чувствъ. Новорожденное дитя вполне безъ сознанія: оно кричитъ, если ему чего нибудь недостаетъ, но сознательнаго ощущенія потребности—въ немъ еще нѣтъ; смотритъ вокругъ, но ничего не знаетъ изъ того,

что видитъ; къ *свету* начинаетъ дитя тянуться позднѣе, тогда, когда уже нѣсколько разъ видѣлъ его, и старается схватить.

Въ первые дни своей жизни, ребенокъ пьетъ такъ же охотно все горькое, какъ и сладкое молоко матери, и только послѣ нѣкотораго упражненія чувства вкуса, научается онъ предпочитать одно другому. Изъ этого слѣдуетъ, что ребенокъ научается различать только послѣ частаго повторенія однихъ и тѣхъ же впечатлѣній чувствъ. Въ этихъ истинныхъ словахъ содержится утѣшеніе для тѣхъ родителей, которые имѣли несчастіе видѣть болѣзнь своего ребенка и потерять его въ первыя недѣли; они могутъ быть увѣрены, что болѣзнь и смерть ощущалъ ребенокъ гораздо менѣе, нежели имъ казалось, такъ какъ жизнь груднаго ребенка почти безсознательна и похожа на сонъ.

Вашъ Максъ, какъ я слышалъ отъ васъ, — мальчикъ здоровый, а потому онъ, какъ всѣ здоровыя дѣти, долженъ первое время, какъ скоро удовлетворены всѣ его потребности, лежать смирно и осматривать все вокругъ. Какъ радуется нѣжная мать, когда ребенокъ ея все такъ умно осматриваетъ! Отъ радости она беретъ его изъ кровати, носить по комнатѣ и качаетъ на рукахъ. Такимъ образомъ уже положено начало *баловства*. Какъ скоро малютка снова погрузится въ свое спокойное созерцаніе, его опять берутъ на руки и повторяется та же исторія. Нѣсколько времени спустя, ребенокъ чувствуетъ, что ему чего-то недостаетъ, когда ему приходится лежать смирно; онъ начинаетъ кричать все громче и сильнѣе, пока наконецъ не начнетъ его обыкновенная прогулка. Тоже самое можно сказать и относительно качанія и убаюкиванья. Я не хочу сказать, что отъ *одного* раза качанія или убаюкиванія дитя можетъ быть избаловано; но если мать употребляетъ эти средства, то, навѣрно, дѣлаетъ она это по нѣскольку разъ въ день и такимъ образомъ прививаетъ ребенку потребность, которой онъ прежде совсѣмъ не имѣлъ. Скажу откровенно, что многія матери убаюкиваютъ своихъ дѣтей только для того, чтобы доставить себѣ удовольствіе, потому что въ пѣснѣ онѣ лучше, чѣмъ какъ нибудь иначе, могутъ излить свою нѣжность къ ребенку и свое счастье. Иногда же такого рода ошибки происходятъ вслѣдствіе незнакомства съ жизнью ребенка и его потребностями. Напримѣръ, ребенку неловко лежать; его, быть можетъ, давить что нибудь; онъ чув-

ствуесть боль и потому, разумѣется, кричить. Большинство матерей стараются качаніемъ, пѣніемъ и тѣмъ, что носятъ на рукахъ, успокоить ребенка. Все напрасно. Капризный ребенокъ продолжаетъ кричать; тогда какъ другое положеніе тѣла, перемѣна бѣлья и т. п. помогли бы тотчасъ же, даже безъ качанія и пѣнія.

Итакъ, когда вашъ Максъ лежитъ покойно въ своей кровати и смотритъ вокругъ, это значить, что ему хорошо въ такомъ положеніи и что всѣ его потребности удовлетворены; а потому умоляю васъ, дайте ему такъ лежать, пока ему хочется; въ противномъ же случаѣ, за удовольствіе покачать его теперь на рукахъ, поплатитесь вы многими бессонными ночами и утомительными прогулками по комнатѣ. Не позволяйте и прислугѣ дѣлать этого, иначе малютка очень скоро выучивается крикомъ добиваться желаемого. Въ противоположность этому, я замѣтилъ, что *грудныя дѣти, разумно веденныя, начинали кричать, когда ихъ брали на руки и качали* постороннія лица, приходившія въ гости; потому что они не *привыкли* къ такому движенію и ихъ *обычный покой* былъ нарушенъ. Итакъ, избѣгайте всего, къ чему *не долженъ привыкать* ребенокъ, и наоборотъ какъ можно чаще повторяйте то, что *должно сдѣлаться для него второю натурою*. Очень важно, чтобы грудной ребенокъ велъ ежедневно *правильную* жизнь. Купанье ребенка можетъ служить лучшимъ средствомъ для правильности его жизни; если вашъ сынокъ будетъ ежедневно купаться въ одинъ и тотъ же часъ, то вы будете имѣть въ день нѣсколько свободныхъ часовъ, такъ какъ здоровыя дѣти обыкновенно послѣ купанья спятъ очень долго. Когда малютка проснется, разгуляйте его на нѣкоторое время, предварительно удовлетворивъ его потребности; держите его такъ, чтобы онъ видѣлъ движеніе людей по комнатѣ, слышалъ шумъ ихъ шаговъ и т. п. Станетъ онъ постарше,—съ нимъ можно будетъ разговаривать въ это время поживѣе, забавить его чѣмъ нибудь, напимѣръ, взявши его ручки или ножки и продѣлывая съ ними различныя маленькія движенія, разумѣется при тепломъ, комнатномъ воздухѣ. Если вы сдѣлаете это нѣсколько разъ сряду, то онъ скоро привыкнетъ не спать въ назначенное время и, слѣдовательно, затѣмъ спать дольше, такъ

что, такимъ образомъ, вы будете имѣть послѣ обѣда нѣсколько часовъ свободныхъ.

Дѣлайте точно также и по вечерамъ; тогда ребенокъ не будетъ беспокоить васъ больше одного или двухъ разъ въ ночь; когда онъ проснется, слѣдуетъ взять его изъ кровати, и какъ скоро всѣ нужды его будутъ удовлетворены,—что должно случиться какъ можно *скорѣе* и *спокойнѣе*,— снова положить его въ кровать.

Чѣмъ старше будетъ вашъ Максъ, тѣмъ легче будетъ вамъ найти для него развлеченіе. Какъ только онъ начнетъ улыбаться, бить ножками и т. д., почаще освобождайте его отъ стѣсняющихъ пеленовъ, разумѣется, только въ *теплой* комнатѣ. Онъ начнетъ до утомленія работать руками и ногами, при чемъ его усердіе и радость доставятъ вамъ такое блаженство, какого напрасно стали бы вы искать среди блестящаго бала.

III.

Вы пишете мнѣ, что, желая доставить вашему Максѹ какъ можно больше чистаго воздуха, вы будете отпускать его лѣтомъ съ нянею на бульвары. Все это прекрасно; только прошу васъ убѣдительно: прежде чѣмъ вы это сдѣлаете, побывайте сами на этихъ бульварахъ, куда такъ снѣшатъ нянюшки съ довѣренными имъ дѣтьми. Вы рѣдко увидите и услышите тамъ что либо хорошее, а на оборотъ, встрѣтите такія сцены, отъ которыхъ волосъ дыбомъ становится. Съ тѣхъ поръ, какъ я увидалъ какъ обращаются тамъ съ малютками, я радуюсь за дѣтей бѣдныхъ, но добросовѣстныхъ родителей, которые оставляютъ ихъ при себѣ во время работы. Позвольте мнѣ приподнять занавѣсъ и показать вамъ сцены такого бульвара. Вотъ сидитъ маленькій, миленькій мальчикъ въ своей телѣжкѣ; солнце свѣтитъ ему прямо въ лицо; онъ можетъ уже и ходить, но нянюшка оставляетъ его въ телѣжкѣ, потому что въ противномъ случаѣ ей придется смотрѣть за нимъ, чтобы онъ не упалъ, не запачкался и т. д.; въ телѣжкѣ она покойно можетъ оставить его, чтобы отправиться искать своихъ знакомыхъ и поболтать съ ними все время. На ребенка, между тѣмъ, никто не обращаетъ вниманія, и вотъ онъ знакомится съ злѣйшимъ врагомъ дѣтства—

со скукою. Дитя начинаетъ беспокоиться, плакать, пока не услышитъ своей нянюшки; и вотъ полился на него цѣлый потокъ бранныхъ словъ, сопровождаемыхъ иногда и побоями. Бѣдный малютка еще ничего не можетъ рассказать матери! Дѣти постарше приносятъ съ прогулокъ большой запасъ бранныхъ словъ и грубыхъ выраженій, чему не мало удивляются папаша и мамаша, такъ какъ у нихъ въ домѣ господствуетъ самый приличный тонъ. И вотъ приходятъ они къ выводу, что такого рода наклонность прирожденна ихъ ребенку. Существуетъ еще другой родъ нянюшекъ, которыя, чтобы усмирить ввѣренное имъ дитя, начинаютъ пугать его, что вотъ, дескать, придетъ трубочистъ и т. п. и возьметъ его, если онъ не будетъ сидѣть смирно. Я считаю чистымъ преступленіемъ держать ребенка въ ежовыхъ рукавицахъ, посредствомъ напугиванія, и такія нянюшки не менѣе вредны, чѣмъ первыя: гнѣвъ и побои скоро забываются, напугиваніе же мучить ребенка и день и ночь. Третій разрядъ нянюшекъ нѣсколько сноснѣе описанныхъ, именно тѣ, которыя позволяютъ, не разбирая, играть ребенку со всѣми дѣтьми. Здѣсь опасность состоитъ въ томъ, что ребенокъ не научается ничему хорошему изъ среды, окружающей его, а также можетъ услышитъ *не заслуженную* брань и даже получить побои. Дѣти же удивительно сознаютъ несправедливость и сильно оскорбляются ею при ихъ деликатномъ чувствѣ-справедливости, что мы можемъ сами припомнить изъ своего дѣтства. Если такое несправедливое обращеніе будетъ часто повторяться, — что легко можетъ случиться тамъ, гдѣ дѣти отданы на руки грубой прислуги, — то въ ребенкѣ, мало по малу, начнетъ развиваться ненависть, сначала къ лицу, которое оскорбляло его, потомъ къ другимъ лицамъ, и наконецъ ко всѣмъ общественнымъ отношеніямъ; характеръ ребенка становится раздражительнымъ, угрюмымъ и замкнутымъ. Такъ какъ и вамъ, по необходимости, придется часто довѣрить кому нибудь своего ребенка, то я дамъ вамъ самый лучший совѣтъ, который я только знаю, хотя я увѣренъ, что вы не тотчасъ же согласитесь со мною: *«воспитайте себя сначала нянюшку»*. При этомъ слѣдуетъ добавить: не берите старой, такъ называемой опытной нянюшки, а возьмите молодую дѣвушку, которая только что вышла изъ ученья; потому что пожилыя женщины, особенно

нисшаго сословія, большею частію, слишкомъ неподатливы даже на самыя умныя нравоученія. Какъ молодая мать, вы не должны надѣяться на то, что будете имѣть большое вліяніе на такого рода женщину. Итакъ, возьмите молодую, веселую, разговорчивую (но не болтливую) дѣвушку. Она, будучи еще почти ребенкомъ, охотно и легко принаровится къ дитяти и кромѣ того, будетъ способна перевоспитаться сама. Прежде чѣмъ вы довѣрите ей своего ребенка, пускай она нѣкоторое время такъ поживетъ у васъ въ домѣ и присмотрится къ тому, какъ вы обращаетесь съ вашимъ Максомъ: говорите, играете и смѣетесь съ нимъ. На ребенка она должна смотрѣть, какъ на ваше самое большое сокровище, вашу драгоценность. Если вы сами, моя дорогая, съумѣете обращаться къ ребенку, то и большая часть дѣвушекъ пойметъ это. Правильнѣе всего обращаться весело, по дѣтски. Вы скоро замѣтите, такъ же ли охотно остается Максъ съ дѣвушкой, какъ и съ вами. Дѣлайте дѣвушекѣ наставленія въ самомъ ласковомъ тонѣ; она должна знать, что вы желаете ей добра. Вознагражденіемъ за ваше материнское попеченіе о нянюшкѣ будетъ та польза, которую вашъ ребенокъ получитъ отъ нея. Нянюшки должны быть не послѣднею, а главною прислугою; отсюда слѣдуетъ, что вы должны смотрѣть на нянюшку, какъ на товарища вашего дитяти, а на себя—какъ ея воспитательницу. Довѣрьте ей вашего сына сначала въ домѣ, потомъ отпустите его на короткое время гулять съ нею. Для прогулокъ нужно выбрать такое мѣсто, гдѣ мало бываетъ посѣтителей и гдѣ бы вы всегда могли захватить дѣвушку въ распахъ. Вашъ Максъ еще на столько малъ, что можетъ обойтись безъ общества дѣтей.

Чѣмъ привѣтливѣе станете вы, а также и всѣ окружающіе, говорить съ ребенкомъ, тѣмъ скорѣе дождетесь той радости, когда онъ самъ начнетъ дѣлать попытки говорить. Его безсвязные звуки доставятъ вамъ такое большое наслажденіе, что вы будете вполне вознаграждены за всѣ ваши труды. Съ этого времени въ дѣтской комнатѣ будетъ оживлено и весело. Когда вамъ случится быть, по какимъ нибудь причинамъ, въ дурномъ расположеніи духа, Максъ будетъ развлекать васъ своими опытами улучшенія нѣмецкой грамматики. Умоляю васъ, ведите съ Максомъ самую обыкновенную рѣчь; онъ долженъ слышать чис-

тое произношеніе,—еще много, кромѣ этого, найдется случаевъ посмѣяться надъ нимъ. Совѣтую вамъ также называть вещи ихъ настоящимъ именемъ, не уменьшая и не искажая названій.

Не знаю еще, можетъ ли уже сидѣть вашъ Максъ. Оставьте его къ лежачемъ положеніи до тѣхъ поръ, *пока онъ самъ начнетъ выпрямляться*; когда въ немъ будетъ достаточно силы, онъ начнетъ самъ вставать, а потомъ ходить, держась за что нибудь. Откажитесь отъ тщеславнаго желанія вызвать эту дѣятельность нѣсколькими недѣлями раньше; въ противномъ случаѣ Максъ можетъ поплатиться за это изувѣченіемъ на всю жизнь. Трудно описать то торжествующее выраженіе лица, съ которымъ Максъ будетъ вставать и ходить. Вотъ вамъ еще новый и чистый источникъ радости.

Вы спрашивали меня, нужны ли теперь Максу какія нибудь игрушки? Не нужны, потому что весь міръ представляетъ для него забаву: люди, животныя, экипажи, проѣзжающіе по улицѣ и т. д., всѣ предметы и всякаго рода дѣятельность. Когда вамъ нужно что нибудь дѣлать, приучайте его, чтобы онъ игралъ одинъ. Я опишу вамъ вкратцѣ, какъ жена поденщика, если съумѣетъ, можетъ очень хорошо, не имѣя прислуги, забавлять ребенка и въ то же самое время работать. Ребенокъ, положимъ, сидитъ на землѣ, въ своей постелькѣ; скоро время обѣда и мать должна стряпать. «Посмотри, говоритъ она, обращаясь къ дитяти, какой большой горшокъ лезетъ изъ печки! какой отъ него паръ! Ну, теперь ты, дѣточка, увидишь что-то хорошее!» При этомъ мать беретъ горшокъ, наполненный картофелемъ, и высыпаетъ картофель въ бочку, съ такимъ шумомъ, чтобы ребенокъ вытаращилъ глазки отъ удивленія. «Посмотри какъ хорошо онъ падаетъ!» Мать даетъ ребенку нѣкоторое время поиграть съ картошкой; онъ долго осматриваетъ ее и, смотря по развитію своему, выражаетъ или только звуки удивленія, или же свое собственное мнѣніе. Такъ продолжаетъ, пока возвратится отецъ. Такимъ образомъ, мать можетъ работать, и никто не скучаетъ.

Какими же средствами можетъ располагать *образованная* мать, чтобы предохранить дѣтей своихъ отъ скуки и въ то же время съ пользою занять ихъ? Для этого мать должна умѣть говорить такъ, чтобы *чувства* ребенка были въ постоянной дѣятельности; этимъ самымъ исключается всякая бессмысленная

болтовня. Въ первомъ письмѣ я уже сказалъ вамъ, что умъ ребенка развивается посредствомъ впечатлѣній чувствъ; занимая чувства ребенка, мы развиваемъ его умственную дѣятельность. Для этого не нужна игрушка, хотя бы Максъ и умѣлъ держать ее въ рукѣ; дайте ему чайную ложечку, онъ и ей будетъ радъ! Онъ беретъ ее сначала одной, потомъ другой ручкой, поворачиваетъ во всѣ стороны и наконецъ кладетъ въ ротъ. Зачѣмъ же дѣлаютъ все это дѣти? Затѣмъ, чтобы всесторонне изучить предметъ. Дѣти постарше ломаютъ многія вещи только для того, чтобы посмотреть, какъ онѣ сдѣланы и не лежитъ ли въ нихъ чего нибудь внутри. Не подавляйте въ вашемъ Максѣ склонности къ наблюденію. Если же онъ станетъ съ удовольствіемъ все рвать и ломать, однимъ словомъ—все уничтожать, то остерегайтесь, чтобы эта склонность не перешла въ страсть разрушенія. Многія матери и нянюшки потѣшаются, когда ребенокъ бросаетъ все, и доволенъ, если другіе даютъ себѣ трудъ поднимать брошенное имъ. Онѣ также не рѣдко позволяютъ таскать себя за волосы и представляются, что горько плачутъ, чтобы ребенокъ еще больше смѣялся. Такая забава кажется большинству матерей очень невинною и онѣ наслаждаются временнымъ удовольствіемъ дитяти; но этого не слѣдуетъ дѣлать, въ особенности съ дѣтьми, у которыхъ есть уже до нѣкоторой степени самосознаніе. При этомъ я долженъ снова указать на то, что точно также и забава дразнить и мучить другихъ,—повторяющаяся не одинъ и два раза, но часто, становится потребностью ребенка. Точно также не позволяйте Максѣ быстро переходить отъ одного предмета къ другому,—взявъ одинъ *тотчасъ же* бросить его и тянуться къ другому. Прежде чѣмъ дать ему другой предметъ, пускай онъ хорошенько осмотритъ *первый*, оцупааетъ его и поиграетъ съ нимъ; тогда уже присоедините и другой. Не подносите никогда предметы слишкомъ близко къ его лицу, потому что отъ этого ребенокъ можетъ сдѣлаться близорукимъ. Если вы будете находчивы въ разсказахъ и играхъ, то это вамъ будетъ доставлять столько удовольствія, какъ вы никогда не подозревали. Еще разъ повторяю вамъ, что нянюшка должна, какъ можно чаще, присутствовать при всѣхъ этихъ забавахъ; такимъ образомъ вы окажете большую услугу, какъ для будущности вашего ребенка, такъ и самой нянюшкѣ.

IV.

Вы сейчас обрадовали меня извѣстіемъ, что вашъ милый Максъ начинаеть понемногу ходить и говорить и понимаетъ все, что ему говорятъ; это три важныя приобрѣтенія. Много есть матерей, которыя жалуются, что именно съ этого времени начинаются хлопоты съ ребенкомъ: нужно постоянно слѣдить за нимъ, чтобы онъ не причинилъ себѣ какого нибудь вреда; прежде спокойно можно было оставлять его въ лежачемъ или сидячемъ положеніи, или ползающимъ по комнатѣ. Само собою разумѣется, что вашему Максѹ предстоятъ теперь различнаго рода маленькія и большія опасности: онъ можетъ упасть и ушибиться, наколоть и прищемить палецъ, обжечься и т. п., и при этомъ будетъ, слѣдовательно, почти ежедневный крикъ. Отъ серьезныхъ опасностей вы, разумѣется, должны предохранить ребенка; всѣ опасности, которымъ подвергается ребенокъ, происходятъ отъ его неловкости и неопытности. Отъ маленькихъ же несчастныхъ случаевъ нѣтъ никакой возможности предохранить дитя; для этого его нужно было бы запереть въ немеблированную комнату, устланную тюфяками. Максъ, напротивъ того, *долженъ* познакомиться съ такими маленькими несчастными приключеніями своего возраста, поэтому и онъ *долженъ* приобрѣсти *опытность* и тѣмъ сдѣлаться умнѣе. Вы, можетъ быть, назовете меня варваромъ, если я пойду дальше и скажу слѣдующее: «если вы хотите, чтобы мальчикъ былъ способенъ предохранить самъ себя отъ несчастія, то *не обращайтесь вниманія на маленькіе ушибы его*».

Выскажусь яснѣе. Легко можетъ случиться, что какъ нибудь вы сами и прислуга ваша выйдете на нѣкоторое время изъ комнаты, и Максъ останется въ ней одинъ (онъ, между прочимъ, *долженъ* привыкать оставаться безъ общества)—и положимъ подойдетъ къ печкѣ и обожжется. Отъ подобнаго случая вы можете предохранить его двумя способами: или совершенно закрыть ему дорогу къ печкѣ, или же подвести къ ней своего сына, когда она будетъ топиться, и сказать ему: «посмотри, какая добрая печка: она разогрѣваетъ твой супъ, согрѣваетъ твою постельку и всю комнату; но она можетъ сдѣлать очень больно пальчику». При этомъ пускай положитъ онъ свою ручку на горячее мѣсто, чтобы онъ почувствовалъ боль; покажите

ему также огонь такимъ образомъ, чтобы лицо его чувствовало нѣсколько времени теплоту пламени; бросьте въ другой разъ большой кусокъ бумаги въ пламя и покажите ему, какъ скоро она сгораетъ. «Ты, мой милый Максъ, никогда не долженъ подходить сюда; ты еще очень малъ, потому ничего не долженъ дѣлать возлѣ печки: ты можешь обжечься». Если вы скажете это въ то время, когда въ печкѣ сильно горитъ, то съ этого времени она станетъ для ребенка *Noli me tangere* *); при этомъ онъ все таки долженъ видѣть всю ту пользу, которую приносить намъ печка. Какое же вѣрнѣе средство для того, чтобы предупредить опасность: стараться загородить ее чѣмъ нибудь, или же познакомить съ нею ребенка?

Вы, можетъ быть, думаете, что подобнаго рода поученія можно отложить до того времени, пока мальчикъ будетъ больше *понимать*? До того времени, моя дорогая, онъ можетъ очень сильно обжечься, и тогда только *пойметъ*, что печка можетъ причинить ему вредъ. Во избѣжаніе этого вреда, я нахожу, что лучше пусть онъ приобрѣтетъ эту опытность въ вашемъ присутствіи, не самъ, а подъ вашимъ руководствомъ, тѣмъ способомъ о которомъ я говорю вамъ. Покажите ему также, что горячее блюдо, чайникъ или кофейникъ могутъ также обжечь его. Опасныя вещи, какъ напр. спички, не должны быть ему доступны, причемъ вы, разумѣется, должны немедленно *показать* ему ихъ опасное дѣйствіе, потому что нельзя быть вполне увѣренной, что онъ не найдетъ гдѣ нибудь спички,—хоть напримѣръ, на улицѣ,—и не станетъ пробовать ее,—вѣдь онъ каждый вечеръ видитъ какъ зажигаютъ свѣчку. Покажите ему, какъ огонь сжигаетъ бумагу; чѣмъ больше при этомъ будетъ пламени, тѣмъ болѣе вы можете быть убѣждены, что на найденную спичку Максъ будетъ смотрѣть крайне подозрительно и сочтетъ необходимымъ показать вамъ свою находку. Максъ долженъ также слышать, что спички полезны: они зажигаютъ свѣчу, дѣлаютъ огонь; «но ты такъ малъ и неловокъ, что не долженъ ихъ трогать, иначе можешь сгорѣть какъ эта бумага» и т. п. Точно также Максъ можетъ найти булавку, или иголку, или же другія острия вещи. Самое лучшее при этомъ

*) Не тронь меня.

показать ему, что онъ можетъ уколоться ими—дайте ему почувствовать, какъ это больно: «если ты, мой милый Максъ, найдешь иголку, то воткни ее въ швейную подушку, не бѣгай съ нею скоро, иначе ты еще сильнѣе можешь уколоться, чѣмъ я тебя уколола». Выучите его брать и втыкать иголку въ швейную подушку и можете быть совершенно покойны, увидѣвъ съ какою осторожностью онъ исполняетъ это. Не правда ли такъ лучше, чѣмъ прятать отъ него ножи, ножницы и т. п. до тѣхъ поръ, пока придетъ «пониманіе?» Развитие этого пониманія составляетъ *вашу* обязанность; *ловкость* же въ обращеніи съ этими предметами придетъ постепенно. Положимъ, что вашъ Максъ наткнется какъ нибудь на конецъ стола. «Милое дитяtko, скажете вы, когда ты проходишь около стола, стула или дивана, то ты всегда долженъ ручкою закрыть хорошенько конецъ, тогда ты не ушибешься». Наблюдайте построже, чтобы онъ исполнялъ это; тогда онъ гораздо менѣе будетъ тревожить васъ своимъ плачемъ.

Я, можетъ быть, кажусь вамъ, на этотъ разъ, слишкомъ прозаичнымъ, и вы удивляетесь, что я вхожу въ такія «мелкія подробности». Милостивая государыня, *въ воспитаніи нѣтъ мелочей*.

Мнѣ бы хотѣлось теперь указать вамъ, чего можно достигнуть въ воспитаніи посредствомъ вышеописанныхъ приемовъ. Вы, во первыхъ, обогащаете *пониманіе* ребенка тѣмъ, что дѣлаете его *опытнымъ*; во вторыхъ, вы дѣлаете его способнымъ предохранить *себя самого* отъ маленькихъ опасностей, и въ ребенкѣ возбуждается *довѣріе къ самому себѣ*, — сознание *своей силы*— «печка, иголка, ножницы не сдѣлаютъ мнѣ вреда; если я буду остороженъ»; въ третьихъ, вы *пріобрѣтаете* полное *довѣріе* мальчика: онъ видитъ, что мать говоритъ правду, онъ чувствуетъ, что вы заботитесь о немъ. Такое полное довѣріе есть основаніе послушанія дѣтей. Максъ будетъ слушаться и въ другихъ случаяхъ, *не зная даже цѣли приказанія*. Наконецъ, въ четвертыхъ, малютка чувствуетъ свою *зависимость* отъ васъ и вообще отъ взрослыхъ. Онъ не умѣетъ обращаться съ огнемъ, ножомъ и иглою, *мать* должна это сдѣлать. Это чувство составляетъ основаніе благодарности. Смотрите за прислугой, чтобы она въ томъ же духѣ обращалась съ ребенкомъ.

Не смотря на всѣ эти предосторожности, вы все таки не устережете мальчика отъ многихъ непріятныхъ приключеній, и если мальчикъ ушибется, уколется или обожжется, то скажите ему: «ты самъ виноватъ, потому что знаешь какъ можешь предостеречь себя отъ этого». Допотопныя нянюшки, въ этомъ случаѣ, заботятся систематически о томъ, чтобы приучить ребенка къ пороку *мести*. Когда ушибется ребенокъ, онѣ начинаютъ его жалѣть и, плача вмѣстѣ съ нимъ, говорятъ: «ахъ ты, злой, противный стулъ, ушибъ мое дитячко; ну, на, вотъ тебѣ палка, бей стулъ сильнѣе за это». Ребенокъ, разумѣется, скоро успокоится, но ко вреду своего характера; его спокойствіе ничто иное, какъ удовлетворенная *мечь*. Ему должно было бы сказать: «ты опять ушибся, потому что не держалъ конецъ стула своими ручками. Ну поди сюда, мы потремъ головку и подуемъ на нее, тогда все пройдетъ и мы опять станемъ играть». Еще лучше, если вы на такое ничтожное обстоятельство совсѣмъ не обратите вниманія, а напротивъ съумѣете обратить вниманіе ребенка на какой нибудь другой предметъ.

Я знаю одну маленькую дѣвочку, которая при малѣйшемъ ушибѣ начинаетъ кричать, и въ то время какъ мать жалѣетъ ее, она кричитъ еще громчѣ. Напротивъ, я замѣтилъ, что она тотчасъ же перестаетъ плакать, если ей скажешь, напримѣръ, слѣдующее: «Гретхенъ, рассказать тебѣ что нибудь про мою овечку?» — любимый ея предметъ; или же: «принести тебѣ маленькаго Георга?» — мальчикъ, котораго она очень любитъ. Въ нѣсколько минутъ изъ плачущей Гретхенъ дѣлалось веселое, говорливое дитя, безъ всякаго съ моей стороны разсужденія касательно ея маленькаго несчастія.

V.

Подобно тому, какъ вы научили своего Макса предохранять себя отъ маленькихъ несчастій, вы должны заботиться, чтобы онъ, и во всѣхъ другихъ случаяхъ, умѣлъ самъ помочь себѣ; для этого должно *какъ можно меньше ему прислуживать*. Если онъ, напримѣръ, уронитъ чтонибудь, то прикажите ему поднять самому. Если захочетъ онъ посмотрѣть въ окно, то пускай самъ придвинетъ стулъ къ окну и посмотритъ. «Придвини къ окну стулъ, къ стулу скамейку и тогда влѣзь; только крѣпче держись». Если его мячикъ подкатится подъ диванъ, то, давъ ему палку, скажите: «вотъ тебѣ палка, вытолкни его оттуда». Когда онъ ложится спать, то пускай раздѣвается самъ, на сколько можетъ, и влѣзаетъ въ свою кроватку. Старайтесь, чтобы Максъ съ раннихъ лѣтъ привыкъ самъ умываться и раздѣваться. Я не отвергаю труда, который связанъ съ этимъ, но увѣренъ, что при большой энергій онъ будетъ скоро преодолень. Хорошо, скажете вы; но что если онъ не чисто будетъ умываться, какъ быть тогда? На это я отвѣчу, что онъ до тѣхъ поръ долженъ мыться, пока не будетъ чистъ. Чтобы Максу легко было самому одѣться, старайтесь, чтобы его платье было какъ можно проще. Чтобы приучить его къ самостоятельности, отъ васъ конечно потребуется больше времени, нежели если бы вы сами дѣлали ему все, или поручили бы комунибудь; вамъ будетъ иногда это очень трудно и потребуетъ отъ васъ много терпѣнія. Но при такомъ приемѣ онъ очень скоро научится чувствовать, что онъ во многихъ вещахъ можетъ дѣйствовать независимо, самостоятельно; онъ станетъ дѣлать это съ большою охотою, и даже будетъ часто плакать, если ему сдѣлаютъ другіе то, на что онъ самъ имѣетъ достаточно силы и ловкости. Дѣти также охотно дѣлаютъ родителямъ маленькія услуги. Отецъ приходитъ, напримѣръ, домой; малютка быстро бѣжитъ къ нему на встрѣчу, здороваётся съ нимъ, беретъ у него шляпу и палку и ставитъ на мѣсто. Трудно отыскать такого отца, который не позволилъ бы этого ребенку и которому было бы пріятнѣе, чтобы это исполнила его прислуга. Давайте и вы Максу нѣкоторыя порученія, при чемъ не забывайте благодарить мальчика, въ

особенности, если помощь его, въ самомъ дѣлѣ, уменьшаетъ вамъ трудъ. Этимъ ребенокъ не только развиваетъ свои силы, но знакомится еще съ пріятнымъ чувствомъ — быть *полезнымъ* и узнаетъ, какъ выражаютъ благодарность. Воспитатели очень часто, совершенно безсознательно и не желая того, подавляютъ въ ребенкѣ самодѣятельность и довѣріе къ самому себѣ.

У вашего Макса, какъ и у всѣхъ дѣтей такого возраста, будетъ проявляться значительная наивность, какъ въ разговорѣ, такъ и въ дѣйствіяхъ, въ особенности когда онъ съ полною серьезностью начнетъ подражать взрослымъ. Какъ бы ни былъ онъ забавенъ, удержитесь отъ смѣха, — осмѣяніе ребенка не пройдетъ безнаказанно и произведетъ на него дурное вліяніе. Когда будутъ смѣяться надъ его дѣтскою рѣчью, то онъ не станетъ высказывать свои мысли, влѣдствіе чего утратитъ свою *откровенность*. Если же смѣются надъ чѣмъ нибудь забавнымъ въ его дѣйствіяхъ, то онъ теряетъ смѣлость къ дальнѣйшей дѣятельности. Смѣхъ есть выраженіе прони и насмѣшки, которыя позднѣе дѣйствительно могутъ служить хорошими средствами при воспитаніи; при чемъ не слѣдуетъ забывать, что онѣ могутъ употребляться только, какъ *наказаніе*; этими средствами часто можно излечить дѣтей, *постарше* Макса, отъ лѣни и невниманія. Смѣяться надъ дѣтскою простотою значитъ *принуждать* ребенка къ *лицемѣрію*. Не позволяйте прислугѣ дразнить вашего Макса, или же смѣяться надъ нимъ, когда онъ скажетъ или сдѣлаетъ что нибудь наивное. Мнѣ часто случилось наблюдать, что отъ этого въ сердце ребенка западаетъ оскорбленіе — первое сѣмя зла. Вы увидите сами, что лица подобнаго рода, изъ-за своихъ насмѣшекъ, скоро совершенно теряютъ любовь и довѣріе дитяти.

Вы спрашиваете меня, какія купить игрушки Максѣ къ наступающему Рождеству, любимому празднику дѣтей. Я совершенно признаю важность этого вопроса и нахожу совершенно справедливыми слѣдующія изрѣченія: *«игра есть занятіе ребенка»*, и *«въ игрѣ его отражается будущій человекъ»*. Я предоставляю вамъ полнѣйшую свободу въ выборѣ подарковъ; хочу сдѣлать лишь нѣсколько указаній относительно этого. Купите вашему Максѣ игрушку, съ которою онъ дѣйствительно могъ бы *играть*, — вотъ мое правило. Вы смѣтаетесь, вѣроятно;

но я говорю это серьезно. Въ магазинахъ вы найдете много великолѣпныхъ игрушекъ, съ которыми между прочимъ нельзя играть, потому что онѣ сдѣланы только для того, чтобы на нихъ смотрѣть. Самыя красивыя вещи скоро надоѣдаютъ ребенку, если съ ними ничего нельзя больше сдѣлать, какъ только поставить.

Во всемъ, что вы даете Максу, вы должны руководствоваться правиломъ, что для дѣтей—только самое хорошее достаточно хорошо (*das Beste ist für Kinder gut genug*). Игрушки должны быть просты, прочны и способны къ различнымъ примѣненіямъ; къ такимъ игрушкамъ принадлежатъ: мячикъ, кегли, въ особенности же ящички съ матеріаломъ для постройки, съ животными и домиками. Посмотрите на дѣтей бѣдныхъ родителей; они изъ самага простаго матеріала дѣлаютъ премиленькія вещицы: изъ бѣлой и пестрой фасоли и камушковъ дѣлаютъ они бѣлый, черный и пестрый круги, кресты, звѣзды, окна и т. п., или же украсятъ фасолью мебель, къ полному удовольствію матери. Если вы не хотите, чтобы Максъ много капризничалъ, то не давайте ему *много* игрушекъ. Какъ часто случилось мнѣ видѣть дѣтей богатыхъ родителей, скучавшихъ въ своей комнатѣ, наполненной игрушками. Отчего же происходитъ это? Сначала дѣти начинаютъ играть съ удовольствіемъ, но вскорѣ игрушки надоѣдаютъ имъ; они хватаются за другія, затѣмъ за слѣдующія, и наконецъ имъ все надоѣдаетъ и все, съ чѣмъ они играли прежде съ такимъ удовольствіемъ, лежитъ брошено. Они ничего не находятъ больше по себѣ, потому что имѣютъ слишкомъ много. Тоже самое бываетъ и со взрослыми, если у нихъ слишкомъ много удовольствій. Кто, напримѣръ, въ первый разъ посѣщаетъ Дрезденскую галерею и не умѣетъ съ *умѣренностью и выборомъ* предаться наслажденію, тотъ вскорѣ сдѣлается какъ бы ошеломленнымъ и будетъ радъ, когда выберется на свѣжій воздухъ. Дѣти не знакомы еще съ *умѣренностью* и должны пріобрѣсти ее посредствомъ немногихъ игрушекъ. Есть и еще причина тому, почему слишкомъ большое количество игрушекъ становится дѣтямъ въ тягость. Необходимо должно требовать, чтобы ребенокъ *держалъ* свои вещи въ *порядкѣ*; при такой кучѣ игрушекъ ему будетъ это безконечно трудно. Какъ скоро ребенокъ достаточно поигралъ съ игрушкою,

онъ долженъ самъ поставить ее на мѣсто, прежде чѣмъ взяться за другую. Необходимо это не потому, что ребенокъ сдѣлаетъ беспорядокъ (что тотчасъ же можетъ быть исправлено вашею прислугою), а для того, чтобы доставить вашему Максу пріятное чувство *внутренняго удовлетворенія* при видѣ порядка. Если случится, что Максъ по какой нибудь причинѣ или въ вашемъ отсутствіи ляжетъ спать, не прибравъ своихъ игрушекъ, то покажите, что вы очень сожалѣете объ этомъ: «Посмотри-ка, Максъ, твой мячикъ все еще лежитъ подъ диваномъ; онъ тамъ запачкается. Вонъ тамъ стоятъ на окнѣ три кегли, а остальные разбросаны по комнатѣ; кто нибудь можетъ споткнуться и ушибиться. Лошадка твоя стоитъ какъ разъ у двери; если отворять дверь, то она упадетъ и сломается». Если вы замѣтите, что Максъ начнетъ сильно беспокоиться объ этомъ, то скажите ему: «поди изъ своей кровати; давай, поскорѣе приберемъ все». Такимъ образомъ, дитя испытаетъ сперва чувство неудовлетворенности, а вслѣдъ затѣмъ—чувство внутренней удовлетворенности, когда приведетъ свои игрушки въ порядокъ; такъ что поддерживать этотъ порядокъ покажется ему дѣломъ хорошимъ. Громадное же количество игрушекъ дѣлаетъ это совершенно невозможнымъ. Да, скажете вы, я охотно буду исполнять вашъ совѣтъ и мало покупать Максу игрушекъ; но могу ли я запретить, чтобы бабушка, тетка и крестные не присылали ему *полныя коробки*? Что я должна дѣлать? Отсылать назадъ игрушки вы, разумѣется, не можете; но вы можете спрятать ихъ отъ Макса и выдавать ему лишь столько, чтобы онъ могъ съ ними справляться, или же вы можете удѣлить изъ нихъ лишнее бѣднымъ дѣтямъ.

Книги съ картинами служатъ лучшимъ удовольствіемъ и въ то же время средствомъ для развитія всѣхъ дѣтей. Въ ребенкѣ онѣ, главнымъ образомъ, должны развивать вкусъ къ *изящному*. Поэтому для меня всегда непонятно, какъ могутъ фабриковать для дѣтей, и даже покупать, книги съ сквернѣйшими фізіономіями, несправедливѣйшими рассказами и глупѣйшими стихами. Я считаю это чистымъ грѣхомъ. Хотя картины и имѣютъ претензію быть *юмористичными*; но все таки дѣти находятъ тамъ *образы*, наводящіе на нихъ *боязнь*, напримѣръ: отвратительный, безобразный портной отрѣзаетъ мальчику

ножницами пальцы, за то, что онъ постоянно кладетъ ихъ въ ротъ. Если ребенокъ вѣритъ этому разсказу, то онъ имѣетъ на него то же самое дѣйствіе, какъ и напугиваніе старыхъ кормилицъ и нянекъ. Если же онъ считаетъ этотъ разсказъ неправдоподобнымъ и замѣчаетъ, такъ сказать, холостой зарядъ, то онъ становится для него грубой шуткой. *Истинный* юморъ никогда не бываетъ дуренъ, грубъ и страшенъ, но напротивъ прекрасенъ. Самое же худшее послѣдствіе во второмъ случаѣ то, что въ ребенкѣ возникаетъ сомнѣніе въ истинѣ всѣхъ угрозъ, а также и въ истинѣ печатнаго слова. Хотя я и приверженецъ свободнаго мышленія и сужденія, но все таки скажу, что книги *дѣтей* (и постарше вашего Макса) должны быть для нихъ *авторитетомъ*, такъ какъ и онѣ служатъ учителями и воспитателями дѣтей. Итакъ, исключайте вонъ книги съ скверными, пугающими картинами, а вмѣсто нихъ берите хорошія; онѣ хотя и дороже, но за то ихъ стоитъ покупать. Можно рекомендовать книги съ картинами Людвиг Рихтера (въ Дрезденѣ) и новѣе — книги Оскара Плетша (въ Берлинѣ). Книги Плетша вполне подходятъ дѣтямъ и могутъ въ тоже время доставить большое удовольствіе и для самихъ родителей. Въ нихъ также находится много прекраснаго юмора, вслѣдствіе чего въ дѣтской комнатѣ на-долго будетъ весело. Одной книги, разумѣется, недостаточно для Макса; вы должны присоединить къ ней живой разсказъ по случаю каждой картинки; каждая картинка обращается тогда въ цѣлый разсказъ. Не упускайте ни малѣйшей подробности, выставленной и даже опущенной художникомъ; разсказывайте обо всемъ сами, или заставьте разсказать вашего малютку. Прежде чѣмъ вы покажете Максу другую картину, онъ вполне долженъ понять первую, узнать каждый, такъ сказать, ея штрихъ. Когда онъ потомъ самъ возьметъ книгу въ руки, то не станетъ машинально перелистывать ее отъ скуки и ради шалости рвать ее; но будетъ самъ себѣ все разсказывать и даже дѣлать новыя прибавленія, о которыхъ вы и не воображали.

VI.

Самая главная добродѣтель ребенка, на которой должно основывать его нравственное и духовное развитіе, это — *послу-*

шаніе. Приучить ребенка слушаться сразу въ сущности не такъ трудно, хотя слышѣомъ часто приходится слышать безконечныя жалобы на непослушаніе дѣтей. Къ сожалѣнію лица, напѣваюція такія жалобныя пѣсни, не рѣдко виноваты сами, что воспитанники не слушаютъ ихъ. Случается, что матери, тетуски и нянюшки безустанно жалуются на упрямство, дерзость и т. п. ребенка, отцы же и учителя напротивъ отзываются о *томъ же самомъ* ребенкѣ съ похвалою. Отсюда очевидно слѣдуетъ, что причина непослушанія дитяти зависитъ отъ *неправильнаго веденія* его. Большою частію матери терпятъ большое горе отъ непослушанія мальчиковъ, преимущественно живыхъ; такъ что онѣ не рѣдко должны прибѣгать за помощью къ отцу. Разсерженная мать часто говоритъ: «ну, подожди, вотъ придетъ отецъ; ну, ужъ я скажу про тебя отцу». Ни одному разумному отцу не будетъ пріятно служить какимъ-то пугаломъ для своихъ дѣтей. Вообще говоря, когда воспитатель бываетъ принужденъ прибѣгнуть къ чужой помощи,—это значить, что онъ не находчивъ. Дѣти очень скоро замѣтятъ эту слабую сторону и съумѣютъ воспользоваться ею. Хорошо было бы внушить нѣжнымъ матерямъ, если бы это было возможно, получше вести своихъ дѣтей, потому что непослушаніе ребенка, непослушаніе сразу, зависитъ отъ его *неправильнаго веденія*. Самыя лучшія матери часто обращаются съ ребенкомъ грубо и даже жестоко только потому, что не умѣютъ *приказывать*. Онѣ даютъ дѣтямъ приказанія, которыхъ дѣти не могутъ исполнить, и потомъ наказываютъ ихъ за непослушаніе. Мать и дитя гуляютъ, напримѣръ, въ саду; мальчикъ хочетъ забавляться такъ, какъ ему нравится. «Не ложись на траву, на твоей рубашечкѣ будутъ зеленыя пятна», говоритъ ему мать. «Не прыгай въ песокъ, твои башмаки уже и безъ того полны имъ.» «Сколько разъ говорила я тебѣ, чтобы ты не игралъ съ водою!» «Не лазь по лавкамъ!» «Ты опять наложилъ въ свою новую шляпу песокъ!» «Посмотри на, что походи твои *бѣлые* панталончики!» Подобныя наставленія по разнымъ случаямъ слышишь нерѣдко. Бѣдный ребенокъ не знаетъ наконецъ, чѣмъ заняться и что ему еще не запрещено. Въ дѣйствительности, мать и сама этого не знаетъ. Ей, разумѣется, хочется, чтобы ея ребенокъ имѣлъ какое нибудь развлеченіе;

но какое? вотъ важный вопросъ. Главный источникъ всѣхъ этихъ запрещеній, такъ стѣснительныхъ для ребенка,—забота о его платьѣ. Его одѣваютъ очень изящно, даютъ перчатки, тросточку, чтобы весь свѣтъ восхищался матерью и ребенкомъ.

А вы, многоуважаемый другъ, сдѣлайте Максу такой костюмъ, чтобы ради его онъ не долженъ былъ налагать оковы на свою дѣтскую веселость; простой, удобный костюмъ, притомъ *со вкусомъ* и въ особенности *прочный*. Если онъ будетъ такъ одѣтъ, то не къ чему будетъ запрещать ему забавляться, исключая только тѣхъ случаевъ, когда эта забава можетъ повредить ему нравственно или физически. Я не хочу сказать, что совсѣмъ не должно въ экстренныхъ случаяхъ надѣвать на него такъ называемое «парадное» платье, при чемъ онъ уже непременно долженъ беречь его; но я все таки противъ вышеупомянутыхъ постоянныхъ выговоровъ матери.

Изъ многихъ примѣровъ вы сами увидите, что частое запрещеніе затрудняетъ послушаніе. Я знакомъ со многими семействами, гдѣ цѣлый день читается дѣтямъ мораль; очень неприятно бывать тамъ и становится жаль бѣдныхъ дѣтей, которыя не знаютъ, чѣмъ заняться, не подвергаясь выговору. Не удивительно послѣ этого, что имъ пріятно провести нѣсколько часовъ гдѣ нибудь у чужихъ людей. И такіе ослѣпленные родители обыкновенно хвастаются тѣмъ, что они много обращаютъ вниманія на воспитаніе дѣтей! «Мы не даемъ нашимъ дѣтямъ воли, говорятъ они, мы постоянно останавливаемъ ихъ и дѣлаемъ имъ выговоры, а они все таки не слушаютъ насъ». Бѣдныя малютки, родители отравляютъ вамъ ваше дѣтство! Поэтому, *приказывайте и запрещайте какъ можно меньше!* Если въ вашемъ домѣ будетъ порядокъ и *Максъ будетъ подчиненъ ему*, то вы можете избѣжать многихъ излишнихъ запрещеній и приказаній. Поставьте, напримѣръ, за правило, что онъ долженъ каждый день умываться до обѣда и послѣ обѣда, и вамъ не будетъ надобности каждый разъ напоминать ему объ этомъ. Максъ также знаетъ, что долженъ поставить свою игрушку на мѣсто; если онъ къ этому привыкъ, вы опять сэкономите приказаніе; точно такъ и *со всѣми ежедневно повторяющимися занятіями*. Если забудетъ что нибудь Максъ, то не браните его, потому что брань уничто-

жаеть желаніе работать; выскажите ему, напротивъ, удивленіе, будто случилось нѣчто *новое, несмыханное*. Если же вамъ нужно что нибудь приказать или запретить ему, то употребляйте при этомъ *какъ можно меньше словъ*. Чѣмъ меньше словъ, тѣмъ болѣе они имѣютъ значенія; напротивъ, чѣмъ больше словъ, тѣмъ меньше пойметъ Максъ чего вы наконецъ хотите; онъ не отыщетъ сущности дѣла. Не приказывайте *многого за разъ* и ничего такого, чего ребенокъ не въ состояніи исполнить. И то и другое дѣйствуетъ на ребенка неободрительно.

«Прибери твои игрушки!» говоритъ мать своему ребенку и жалуется, что въ немъ нѣтъ ни малѣйшей аккуратности. Она и не подумаетъ, что такое приказаніе составляетъ для ребенка исполнскую задачу. Онъ начинаетъ прибирать; но тутъ падается ему подъ руку лошадка, которая ему особенно нравится; онъ забываетъ уборку и опять начинаетъ играть; и случается это всякій разъ, когда его что нибудь привлечетъ. Въ концѣ концовъ все приходитъ еще въ болѣе безпорядокъ чѣмъ было прежде. Маленькому ребенку нужно, по возможности, облегчать такую трудную и сложную задачу, раздѣливъ ее на нѣсколько маленькихъ, опредѣленныхъ. «Положи кегли въ ящикъ!» Онъ дѣлаетъ это. «Собери домики въ коробку; отнеси твои башмаки на мѣсто.» Такія отдѣльныя, опредѣленныя задачи ребенокъ исполнить въ состояніи и дѣлаетъ ихъ охотно, потому что тотчасъ же видитъ результатъ своей дѣятельности. Но теперь укажу на важнѣйшее правило, безъ соблюденія котораго не можетъ быть послушнаго ребенка: *будьте непоколебимо послѣдовательны; чтобы то, что приказано — исполнялось, что запрещено одинъ разъ — никогда не повторялось бы*. Важнѣйшимъ называю я это правило потому, что многія матери и, къ сожалѣнію, отцы и наставники грѣшатъ относительно его больше, чѣмъ относительно другихъ правилъ, выше описанныхъ. А почему? Потому, что слѣдовать этому правилу не рѣдко бываетъ трудно и требуетъ много времени и терпѣнія. Мальчикъ играетъ съ фасолью и насорить ею комнату. «Собери поскорѣе всю фасоль,» говоритъ ему мать, «пойдемъ сейчасъ гулять.» Она идетъ одѣваться. Сынъ между тѣмъ начинаетъ свою работу; но собирать труднѣе, чѣмъ разсыпать. Мать приходитъ и видитъ, что и половины работы не сдѣлано. «Ну,

тебя не скоро дождешься,» говорить она, и начинает сама собирать. Въ нѣсколько минутъ все приведено въ порядокъ и они отправляются гулять. Малютка замѣчаетъ очень скоро это обстоятельство и въ послѣдствіи, при всякомъ неприятномъ приказаніи, постарается примѣнить свою опытность и нарочно медленно работаетъ, поджидая, что мамаша выйдетъ изъ терпѣнія и все сама сдѣлаетъ; или же онъ сдѣлаетъ только видъ, что собралъ фасоль, тогда какъ половина ея спрячется подъ комодъ и шкафъ, отъ глазъ матери. Нагибаться она не намѣрена, потому что ея готовый уже туалетъ могъ бы пострадать отъ этого. Малютку даже похваляютъ за его *мнимое* послушаніе. Нужно ли послѣ этого удивляться, что онъ случайно придетъ къ умной мысли—въ слѣдующій разъ еще больше облегчить себѣ работу и спрятать туда же *всю* фасоль или большую ея часть. Слѣдовательно, если вы въ вашемъ приказаніи,—какъ бы оно ни было незначительно,—не строго наблюдаете за его буквальнымъ исполненіемъ, то ребенокъ приучается къ тому, что ничего еще не значитъ не послушаться одинъ разъ.

Что же должно дѣлать съ непослушнымъ ребенкомъ? Мать зоветъ умыться своего трехлѣтняго Отто; но онъ, питая къ этому естественное отвращеніе, прячется. «Если моя крошка не придетъ, говоритъ мамаша, я стану плакать.» И дѣйствительно начинается трогательная комедія. Отто сжалится и придетъ. Или же мать говоритъ: «поди ко мнѣ, я тебѣ дамъ кусочекъ сахарцу». Послѣднее еще успѣшнѣе дѣйствуетъ; ему даютъ кусочекъ сахару и онъ даетъ умыть себя. При слѣдующихъ отъ него требованіяхъ, онъ проситъ уже самъ предварительно сахару; но все таки послушенъ матери, и та *покойна*. Но развѣ это—послушаніе? Разумѣется нѣтъ. Очень печально, если за послушаніе онъ получаетъ что нибудь, потому что за послушаніе, которое принесетъ ему только пользу,—онъ долженъ былъ умыться,—никогда не слѣдуетъ награждать, даже если бы награда состояла только въ похвалѣ. Судите сами: такая мать вѣдь сама вовлекла ребенка въ непослушаніе, и приучила его притомъ къ лакомству. Если Максъ не послушался *въ первый* разъ, то онъ еще не заслуживаетъ *наказанія*; одно средство въ этомъ случаѣ можетъ быть дѣйствительно—это ударъ по извѣстному мѣсту; *угроза* была бы здѣсь совершенно не кстати,

потому что ребенокъ еще не понимаетъ ея. На этотъ ударъ не слѣдуетъ смотрѣть какъ на наказаніе, но только какъ на *усиленное приказаніе*; повторите ваше приказаніе опять совершенно спокойно, какъ будто ничего не случилось. Максъ выслушаетъ теперь его съ особеннымъ вниманіемъ *). Не будьте съ нимъ непривѣтливы, иначе ударъ будетъ служить *наказаніемъ*, чего еще не заслуживаетъ ребенокъ за свое *первое* непослушаніе, такъ какъ онъ еще совершенно не понимаетъ, что онъ сдѣлалъ дурнаго. Я убѣжденъ, что *вы* сильнѣе будете чувствовать ударъ, чѣмъ Максъ. Вы не должны называть этотъ приемъ *жестокимъ*; это продлится въ теченіи только нѣсколькихъ дней,—Максъ узнаетъ тогда, что значитъ слушаться **). *Жестокое* напротивъ то, если вы спускаете мальчику, толкуете съ нимъ о послушаніи или, вслѣдствіе ложнаго чувства жалости—что въ этомъ случаѣ было бы только слабостью—не исполните обѣщаннаго наказанія; такимъ образомъ вы сильно развиваете въ немъ непослушаніе, такъ сильно, что позднѣе его или совсѣмъ нельзя будетъ уничтожить, или же только гораздо болѣе жестокими наказаніями.

*) Мы никакъ не можемъ согласиться съ взглядомъ г. Бёме на тѣлесное наказаніе, и смѣемъ надѣяться, что большинство читателей согласны въ этомъ съ нами. Такое понятіе о значеніи и вліяніи тѣлесныхъ наказаній сильно укоренилось въ Германіи, но у насъ,—по крайней мѣрѣ, въ средѣ образованныхъ родителей,—оно, надѣмся, не найдетъ сочувствія.

Г. Бёме смотритъ на первый ударъ не какъ на наказаніе, а только какъ на *усиленное приказаніе*. Но такъ-ли смотритъ на него ребенокъ? Ребенку вѣдь неизвѣстно, какими побужденіями руководствовались вы при награжденіи его ударомъ. Ему нѣтъ никакого дѣла до того, какъ вы сами смотрите на этотъ ударъ. Онъ чувствуетъ только, что вы его ударили, и ему совершенно безразлично, къ которой категоріи вы относите этотъ ударъ—къ наказанію-ли, или къ «усиленному приказанію». Онъ во всякомъ случаѣ чувствуетъ ощущеніе, болѣзненное, оскорбительное—и этого довольно. Странно, что авторъ хочетъ придать меньшее значеніе первому удару сравнительно съ послѣдующими. Напротивъ, первый—всегда наиболѣе дѣйствующій на ребенка; впоследствии онъ можетъ привыкнуть къ ударамъ и они могутъ уже не дѣйствовать на него такъ глубоко, такимъ потрясающимъ образомъ.

Ред.

**) Итакъ, Максъ «еще совершенно не понимаетъ, что онъ сдѣлалъ дурнаго», не послушавшись матери; а мать бьетъ его за это «въ теченіи нѣсколькихъ дней!» И г. Бёме считаетъ это необходимымъ для того, чтобы Максъ узналъ, «что значитъ *слушаться!*» А по нашему мнѣнію, онъ узнаетъ только, что значитъ *бояться* матери. Вообще подобная система пригодна скорѣе для дрессированія животныхъ, чѣмъ для воспитанія разумнаго человѣка.

Ред.

Крайне неблагоприятно стараться *увещаниями* исправить непослушного ребенка (а как многие находят это самым хорошим средством!). Если возьмем счастливый случай, когда ребенок не понимает этих увещаний или не слушает их, тогда они не будут иметь никакого действия; если же возьмем неблагоприятный случай, когда ребенок понимает их и слушает со вниманием, то он становится умнее, но не лучше. Дети не любят увещаний; все же неприятное естественно вызывает в нас сопротивление; точно так и увещания внушают детям сопротивление, тем более, что они не имеют на столько понимания, чтобы ради достоинства увещаний, не обращать внимания на их неприятную форму. Если родители к приказанию прибавляют угрозу, то они уже проиграли тем самым; из этого видно, что они уже привыкли к непослушанию ребенка и ничего другого не ждут. Они наверно когда-нибудь не исполнили своей угрозы; иначе не пришлось бы им повторять снова, так как ребенок уже исправился бы. Итак, если вы пригрозили чем-нибудь Макс, то исполните вашу угрозу, хотя бы вам это было очень больно. Но будьте очень осторожны с высказыванием угрозы, потому что очень часто он бывает такого свойства, что их совсем нельзя исполнить; подумайте прежде, чем пригрозите ему. «Если ты не послушаешься сейчас-же, то не пойдешь гулять с нами,» говорит напр. отец. Угроза не помогает, и мальчик должен, следовательно, остаться дома. «Но он не может же три часа оставаться один; с ним может что-нибудь случиться», возражает мать. «Ну, пускай сегодня он идет с нами, говорит отец, в следующей же раз мы ни за что не возьмем.» Мальчик очень доволен и сейчас же догадывается, что и в следующей раз наверно пойдет гулять, потому что ему нельзя остаться одному дома. Такие необдуманные угрозы имеют очень много комичного, но они мало по малу подрывают авторитет родителей.

Позвольте мне окончить мое письмо много раз подтвержденным положением, что *хорошо воспитанный* ребенок с 4-го или 5-го года не нуждается уже ни в каком наказании за непослушание т. е. он уже не будет больше непослушным.

VII.

Въ книгѣ Бёме столько хорошихъ, теплыхъ мыслей, что мы сочли полезнымъ помѣстить переводъ ея въ нашѣмъ журналѣ. Печатаая переводъ, мы не считали себя въ правѣ измѣнить или выпустить что либо изъ оригинала. Между тѣмъ, мы охотно выпустили или, по крайней мѣрѣ, сократили бы многое въ этой и предъидущей главѣ, и будемъ крайне сожалѣть, если изданіемъ книги г. Бёме мы поддержимъ нѣкоторыхъ родителей и воспитателей въ устарѣломъ взглядѣ на значеніе тѣлеснаго наказанія. Нѣмцы сильно придерживаются еще этого взгляда; въ нѣмецкихъ школахъ и въ нѣмецкихъ семействахъ еще и теперь *пощечина* играетъ важную роль и считается въ нѣкоторыхъ случаяхъ лучшею и *необходимую* воспитательною мѣрою. Намъ случилось видѣть это не разъ. Г. Бёме направляетъ, правда, ударъ на другое мѣсто; но принципъ остается тотъ же. Главнымъ достоинствомъ удара считаютъ нѣмецкіе воспитатели—моментальное сотрясеніе, «физическое напоминаніе», «*изумленіе*»—какъ выражается г. Бёме. Но они какъ-то мало принимаютъ при этомъ въ соображеніе, что, кромѣ изумленія, ударъ сообщаетъ ребенку еще другое чувство—*оскорбленіе*. Они забываютъ, что у ребенка есть болѣе или менѣе развитое самолюбіе, и что оскорбленіе самолюбія рѣдко проходитъ безслѣдно. Быть можетъ, ребенокъ будетъ дѣйствительно послѣ перваго же удара исполнять безпрекословно всѣ ваши приказанія, не будетъ нарушать вашихъ запрещеній, боясь вторичнаго оскорбленія съ вашей стороны. Но такимъ, повидимому удовлетворительнымъ, результатомъ нельзя быть довольнымъ. Вы оскорбили его—онъ это помнить. Вы показали ему самымъ осязательнымъ и убѣдительнымъ образомъ, что вы власть, *сила*, которой онъ долженъ бояться. И онъ, дѣйствительно, будетъ съ этихъ поръ васъ бояться. Какъ бы онъ ни былъ послѣ этого ласковъ съ вами, онъ никогда не забудетъ, что у васъ поднялась на него рука, онъ будетъ постоянно чувствовать, что вы способны снова не сегодня—завтра пустить въ ходъ вашу физическую силу, ударить, оскорбить его въ его собственныхъ глазахъ и въ глазахъ всѣхъ другихъ, оскорбить его самолюбіе, унизить его человѣческое достоинство.

Весьма важно при этомъ еще и то обстоятельство, что, рѣшившись разъ ударить ребенка, допустивъ возможность и умѣтность удара, вы уже менѣе будете стѣсняться при дальнѣйшемъ примѣненіи этой мѣры. Начнете вы ударомъ «за непослушаніе», а потомъ будете бить ребенка за всякую его шалость; ударъ обратится въ привычку, въ обычай. Можетъ привыкнуть къ ударамъ и ребенокъ, и въ такомъ случаѣ онъ будетъ соединять съ тѣлеснымъ наказаніемъ лишь понятіе о физической боли, не ощущая при этомъ никакого нравственнаго впечатлѣнія. Фактъ крайне печальный: ребенокъ, значить, потерялъ сознаніе собственного достоинства, потерялъ самолюбіе, и оскорбленіе и униженіе не производятъ уже на него нравственно-болѣзненнаго ощущенія. Отсюда уже одинъ шагъ до безнравственности. Нельзя не удивляться, какъ г. Беме, высказывающійся такъ тепло и гуманно въ прочихъ письмахъ, требующій отъ матери развитія самодѣятельности и самостоятельности въ ребенкѣ, рѣшается предлагать такую мѣру, которая можетъ уничтожить въ ребенкѣ зачатки этихъ качествъ. Развѣ возможна самодѣятельность и самостоятельность въ ребенкѣ, когда онъ постоянно будетъ бояться, чтобы его не побили; когда его бьютъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ «совершенно не понимаетъ, что онъ сдѣлалъ дурнаго»? Если онъ не

понимаетъ этого, то онъ, разумѣется, не понимаетъ и того, зачѣмъ онъ долженъ былъ послушаться матери. Побой привести его, правда, къ послушанію; но развѣ это будетъ сознательное, разумное послушаніе? Развѣ къ такому послушанію,—послушанію изъ страха побоевъ,—должно вести ребенка рачіональное воспитаніе? Нѣтъ, такая система, система нравственнаго униженія человѣка, рискуеть выработать или людей безнравственныхъ, или же безпрекословныхъ исполнителей воли старшихъ и сильныхъ, людей, лишенныхъ всякаго понятія о значеніи личности и индивидуальности, пассивно подчиняющихся всякому приказанію, и давящихъ и гнущихъ въ свою очередь все то, что стоитъ ниже ихъ и осмѣливается сознательно не подчиняться ихъ желаніямъ. Возможенъ, конечно, и другой результатъ. Если ребенокъ обладаетъ значительною дозою самолюбія, то побои оскорбляютъ и въ то же время ожесточаютъ его. Изъ него можетъ выйти надломленная личность, замкнутая, вѣчно недовольная, все бранящая, никого не любящая.

Намъ замѣтять, можетъ быть, что мы говоримъ въ этомъ случаѣ о злоупотребленіи наказаніемъ. Но, во первыхъ, всякое тѣлесное наказаніе есть уже само по себѣ злоупотребленіе физической силою; а, во вторыхъ, между употребленіемъ тѣлесныхъ наказаній и злоупотребленіемъ ими такой небольшой шагъ, что его трудно даже и указать. Трудно притомъ опредѣлить степень того впечатлѣнія, которое наказаніе произвело на ребенка. Вы могли, въ порывѣ негодованія, наказать его слишкомъ сильно, такъ что наказаніе было несправедливо-большимъ возмездіемъ за вину (если можно считать физическую боль вообще разумнымъ возмездіемъ за нравственный проступокъ; къ сожалѣнію, такое возрѣніе поддерживается у насъ до сихъ поръ; вы наказали его въ то время, когда онъ этого не ожидалъ, — что можетъ его довести иногда до нервнаго сотрясенія, до испуга, — или когда по какимълибо обстоятельствамъ наказаніе для него особенно неприятно. Все это усилить впечатлѣніе наказанія. А различіе въ характерѣ, темпераментѣ ребенка? Вообще, кромѣ несостоятельности тѣлесныхъ наказаній въ самомъ принципѣ, они и въ примѣненіи оказываются самымъ неудобнымъ и рискованнымъ воспитательнымъ средствомъ. Поэтому мы еще разъ высказываемъ наше искреннее желаніе, чтобы эти двѣ главы не послужили кому-нибудь изъ читателей подкрѣпленіемъ отживающей теоріи.

Ред.

Приходилось ли вамъ видѣть очень упрямаго мальчика? Вотъ взгляните, стоитъ маленький Францъ, съ грязнымъ отъ слезъ лицомъ и такимъ выраженіемъ, которое характеризуетъ упрямство. Онъ кричитъ: «мама должна дать мнѣ кушать, а не няня! я хочу, чтобы мама мнѣ дала!» Онъ до тѣхъ поръ не дастъ никому въ домѣ покоя, пока мать не исполнитъ его желанія. Мать и отецъ чрезвычайно радуются и думаютъ: «Изъ него выйдетъ настоящій человѣкъ: онъ умѣетъ поставить на своемъ.» Такія сцены повторяются по нѣскольку разъ въ день. Позвольте мнѣ однако объяснить вамъ, кто вселилъ въ ребенка такое упрямство. Оно ему не прирожденно, хотя онъ уже и въ первыя недѣли своего существованія упрямо кричалъ, когда ему отка-

звали въ удовольствіи качать его на рукахъ. Хорошо, если бы его оставили тогда кричать! Когда мальчикъ сталъ постарше, то нѣжная мамаша каждый день спрашивала его: «хочешь молока или чаю? Изъ какой чашки хочешь пить, моя дѣточка? Хочешь булочку или сухарикъ?» Францъ хотѣлъ молока,—ему давали. Но едва только онъ его пробоваль, какъ уже говорилъ: «Нѣтъ, я хочу лучше кофѣю.» Мать думаетъ: «Онъ еще маленькій, не понимаетъ; посмотримъ, что ему больше понравится.» Если онъ не понимаетъ, что выбрать изъ двухъ, то и не слѣдуетъ этого требовать отъ него. Дѣти должны получать молоко изъ обыкновенныхъ чашекъ, для нихъ назначенныхъ. Выборъ причиняетъ заботу (Wahl macht Qual). Еще хуже то, что мать уступила сыну и принесла ему кофе; онъ очень скоро поняль, что «все дѣлается, что я хочу.»

Мальчикъ умѣль говорить, но рѣдко высказываль свое желаніе словами, а обыкновенно только плачемъ; въ это время мать и няня старались угадать это желаніе. «Хочешь лошадку? или солдатиковъ? Чего же ты хочешь? Скажи только, Францъ. Ты можешь говорить такъ мило; что съ тобой?» Въмѣсто отвѣта, мальчикъ все плакаль. Я знаю, чего ему хотѣлось. Двухъ *порядочныхъ* ударовъ отъ мамашы; они бы живо успокоили его. Если эти удары будутъ безъ брани и гнѣва, а съ спокойною серьезностью, то они удивительно какъ подѣйствуютъ: они сдѣлаютъ ребенка внимательнымъ къ самому себѣ. «Чего я въ сущности хотѣль? Зачѣмъ я плакаль?» спрашиваетъ самъ себя ребенокъ и перестаетъ упрямиться; сущность упрямства состоитъ именно въ томъ, что дѣти совсѣмъ не знаютъ, чего они хотятъ, чего имъ недостаетъ и зачѣмъ они плачуть *). Если вашъ Максъ плачетъ отъ скуки, то дайте ему безъ церемоніи *чувствительный* ударъ! Брань и увѣщанія уничтожаютъ при этомъ хороше дѣйствіе физическаго напоминанія; ударъ пробудить его, приведетъ въ изумленіе (все что отъ удара требуется). Отвлеките тогда вн-

*) Мать сдѣлаеть, по нашему мнѣнію, гораздо лучше, если въ подобныхъ случаяхъ не будетъ обращать вниманія на ребенка. Ребенокъ тогда скорѣе пойметъ, что слезы ни къ чему не ведутъ и что желаніе его исполняется только въ томъ случаѣ, если оно будетъ выражено словами. Такимъ путемъ въ немъ выработается извѣстное сознаніе, убѣжденіе; тогда какъ при пріемѣ, рекомендуемомъ авторомъ, въ него вселяется опять таки только страхъ и боязнь.

маніе ребенка на другіе предметы, весело и спокойно, такъ, какъ будто ничего не случилось. «Посмотри-ка, Максъ, вонъ тамъ на крышѣ сидятъ два голубя, одинъ бѣлый, другой сѣрый» и т. п. Если послѣ этого онъ станетъ съ плачемъ просить какую нибудь игрушку, или что другое, то слѣдуетъ напомнить ему о полученномъ ударѣ; онъ можетъ только тогда получить желаемое, когда успокоится и попроситъ какъ слѣдуетъ *).

Легко можно отличить, отъ чего происходитъ крикъ ребенка— отъ каприза и упрямства, или же отъ физической боли, что часто случается съ дѣтьми во время прорѣзыванія зубовъ. Часто, среди забавы, дѣти вдругъ вскрикиваютъ и бросаютъ свои игрушки; они берутъ все въ ротъ, несмотря на запрещеніе этого, пока десны ихъ раздражены. Хотя такіе поступки не суть слѣдствія упрямства ребенка, но его все таки нужно отучать отъ этого.

Упорство еще хуже упрямства, потому что оно переходитъ въ активное проявленіе. Дѣти не рождаются упорными, хотя этотъ порокъ бываетъ и у маленькихъ дѣтей. Къ маленькому ребенку идетъ всякая шалость; все въ немъ восхитительно. Какъ смѣшно смотрѣть, когда такой маленькій мальчикъ грозитъ матери палкой: «слышишь ли, сейчасъ принеси мою лошадку съ чердака!» Всѣ одобрительно смѣются надъ этимъ: «вѣдь онъ только грозитъ, драться онъ, разумѣется, не смѣетъ». «Къ нему будутъ всѣ питать уваженіе,» думаетъ отецъ или мать, «какъ уже хорошо онъ командуетъ надъ служанкою! Онъ очень энергичный!» Каждое новое такое проявленіе получаетъ названіе гениальной черты и рассказывается со смѣхомъ всѣмъ знакомымъ въ присутствіи ребенка. Когда ему въ чемъ нибудь отказываютъ, онъ начинаетъ кричать, бить ногами и т. п. Матери неприятно это видѣть; ей хочется имѣть покой,—крикуна какъ можно скорѣе удовлетворяютъ. Прислугѣ дается при-

*) Максъ плачетъ потому, что *скучаетъ*; и за это получаетъ «безъ церемоніи *чувствительный* ударъ!» А послѣ этого его стараются чѣмъ нибудь занять: показываютъ голубковъ на крышѣ и т. п. Но почему же не показали ему этихъ голубковъ прежде удара? Почему никто не позаботился посмотрѣть, не скучаетъ-ли Максъ, есть-ли у него какое-нибудь занятіе? Ребенокъ началъ плакать благодаря вашей невнимательности, и вы же за это бьете его!

казъ не доводить молодаго барина до крика, т. е. скорѣе исполнять его желанія.

«Не рви цвѣты,» говоритъ мамаша своему сынку, когда онъ нарушаетъ данное уже запрещеніе. Изъ дерзкаго упорства онъ срываетъ еще одинъ и потомъ по одному при каждомъ повтореніи запрещенія. Родители теперь уже не находятъ ребенка забавнымъ. «Онъ зашелъ уже слишкомъ далеко», думаетъ отецъ. «Сколько хлопотъ доставляетъ намъ сынъ, просто трудно этому повѣрить», жалуется мать своимъ подругамъ, «онъ уродился не въ меня и не въ мужа моего». Успокойтесь,—отвѣчаютъ ей, такъ бываетъ со всѣми мальчиками; теперь наступило для него самое шаловливое время; оно скоро пройдетъ. Наконецъ съ ребенкомъ нѣтъ слада; каждый день его выбиваютъ сильнѣе, нежели одежду его отца; но все напрасно! Но скажите, мой другъ, за что получаетъ онъ ежедневно такія наказанія? *За тѣ пороки, которые возбудили и заботливо развивали въ немъ его родители, его воспитатели;* за то, что его воспитатели сначала восхищались его забавнымъ упорствомъ и подкрѣпляли въ немъ этотъ порокъ, а теперь они же ужасаются отъ его непослушанія и упорства. Все это не преувеличено: много есть отцовъ и матерей, которые сначала на маленькое упрямство и дерзость со стороны дѣтей смотрятъ какъ на признакъ силы воли, тогда какъ я—думаю—доказалъ вамъ, что упрямство есть недостатокъ силы воли, а упорство—это дѣятельное, усиленное упрямство. Очень много толкуютъ о развитіи ума и нравственныхъ чувствъ ребенка, гораздо менѣе—о развитіи его силы воли, а это, между тѣмъ, должно быть главною цѣлью въ воспитаніи, потому что какъ бы сильно ни были развиты умъ и нравственное чувство, человѣкъ все таки можетъ не годиться для своей обязанности и даже быть постоянно несчастнымъ. Но если его воля направлена на истинный путь и по возможности укрѣплена, то онъ будетъ въ состояніи помочь самъ, своими собственными силами, нѣкоторымъ недостаткамъ въ развитіи ума и сердца. Наиболѣе почтенные изъ педагоговъ совершенно справедливо ставятъ цѣлью всякаго воспитанія—«способность воспитать себя;» потому что воспитаніе не оканчивается съ зрѣлымъ возрастомъ человѣка: *каждый человекъ долженъ считать своею священною обязанностию работать*

надѣ усовершенствованіемъ своихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ всю свою жизнь. Но возможно-ли это, когда его воспитатели упустили изъ виду развитіе въ немъ силы воли, такъ что онъ не научился имѣть вліяніе на самого себя? Такой человекъ—игрушка случая. Всѣ вліянія, дурныя и хорошія, дѣйствуютъ на него воспитательнымъ образомъ безъ всякой помѣхи; онъ не въ состояніи оказать имъ никакого сопротивленія. Недостатокъ энергіи есть, однако, къ сожалѣнію, характеристическая черта нынѣшнихъ поколѣній. «Какимъ же образомъ развить въ моемъ Максѣ силу воли?» спросите вы. Единственно тѣмъ, чтобы онъ самъ развивалъ свою силу воли; онъ долженъ развивать ее не тѣмъ, что будетъ не слушать васъ или другихъ воспитателей, но напротивъ—стараться побѣдить себя и всѣ препятствія, которыя мѣшаютъ ему слушаться васъ. Сначала Максъ вообще не обладалъ никакою силою, а потому также и не имѣлъ силы воли. Она возбудилась въ немъ только посредствомъ приказанія: онъ хотѣлъ дѣлать то, что вы ему приказывали. Вы, напримѣръ, сказали ему: «поди ко мнѣ Максъ.» Онъ не могъ еще хорошо бѣгать, но преодолѣлъ это препятствіе и подошелъ. Ваше приказаніе возбудило въ немъ волю—бѣгать; вслѣдствіе послушанія онъ настоялъ на своей волѣ, несмотря на трудъ бѣгать. Онъ долженъ, напримѣръ, каждый вечеръ приводить свои вещи въ порядокъ, для него это стѣснительно и трудно; вы принуждаете его къ послушанію, онъ исполняетъ это. Онъ пересилилъ, слѣдовательно, свою лѣность и исполнилъ ваше приказаніе—его воля подкрѣпилась. Итакъ, *посредствомъ умѣренныхъ приказаній возбуждается сила воли ребенка, отъ строгаго же исполненія этихъ приказаній—послушанія—она упражняется и развивается въ немъ.* Пока мальчикъ еще малъ, воля воспитателя должна быть его волею, но самыя маленькія дѣти должны уже замѣтить, что ими управляетъ не хорошее или дурное расположеніе духа и произволь со стороны воспитателя, но установленныя постоянныя правила. По мѣрѣ развитія ребенка, запрещенія и приказанія должны уменьшаться и, наконецъ, должно возстановиться такое отношеніе, чтобы воспитатель и воспитанникъ подчинились извѣстнымъ, неизмѣняемымъ законамъ. Когда Максъ играетъ, то пускай свободно бѣгаетъ, но при этомъ вы можете укрѣплять его волю тѣмъ, что будете

заставлять его играть за разъ только *одною* игрушкою и не перемѣнять ее.

Пускай онъ также выучится сдерживать свое нетерпѣніе. Если онъ, напримѣръ, строить чтонибудь, то долженъ выполнять все аккуратно. Если его постройка развалилась, то онъ долженъ принятъ за нее съ большею осторожностью. Онъ именно долженъ научиться доводить до конца то, что онъ предположилъ сдѣлать. Облегчите ему это своимъ привѣтливимъ, веселымъ участіемъ. Если въ какомънибудь занятіи, напримѣръ, въ постройкѣ или рисованіи, онъ приложилъ очень много старанія, то похвалите его выполненіе, хотя бы оно было еще плохо. Невниманіе съ вашей стороны можетъ скоро ослабить его рвеніе къ работѣ. При этомъ я рекомендую вамъ одно, очень важное правило: «Никогда не хвалите ребенка за то, что онъ хорошо исполнилъ чтонибудь, а хвалите *его работу.*» Поэтому не говорите: «ты милый мальчикъ, ты много трудился,» а скажите: «вотъ этотъ домъ очень хорошій, и даже съ трубою; попробуемъ поставить на него башенку. Посмотри, какъ это хорошо выходитъ!» Цѣль такого обращенія съ ребенкомъ я объясню вамъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ.

Остерегайтесь подавить въ вашемъ Максѣ энергію, посредствомъ неблагоприятныхъ наказаній, какъ напримѣръ страхомъ темной комнаты. Приучайте его, напротивъ, быть покойнымъ въ темной комнатѣ, на что не должно смотрѣть, какъ на геройскій подвигъ съ его стороны, но какъ на нѣчто обыкновенное. Еще неблагоприятнѣе давать ребенку въ наказаніе какуюнибудь работу. Работа *никогда* не должна быть наказаніемъ, но должна представляться ребенку какъ нѣчто хорошее. Если, изъ лѣности, ребенокъ не хорошо исполнилъ свою работу, то онъ, конечно, долженъ сдѣлать ее снова; но это не должно служить наказаніемъ, а напротивъ доставить ему удовольствіе. Максъ прибралъ свои игрушки крайне небрежно. «Милый мой Максъ, этого нельзя такъ оставить, такъ совсѣмъ не хорошо; сдѣлай такъ же хорошо, какъ ты сдѣлалъ это вчера.» Вы должны дѣйствовать такъ, чтобы дурно сдѣланная работа доставляла ему неудовольствіе, хорошо же исполненная, напротивъ, удовольствіе.

VIII.

Тщеславіе, самолюбіе и эгоизмъ, подобно всѣмъ другимъ порокамъ и достоинствамъ, не прирождены ребенку, а прививаются ему воспитаніемъ. «Ахъ, какъ идетъ это платьице дѣвочкѣ, какая она въ немъ хорошенькая! Если ты будешь слушаться, то родившійся Христосъ принесетъ тебѣ новое, хорошенькое платьице!» *). Это приходится слышать большинству дѣвочекъ; если родители ихъ на столько умны, что не говорятъ этого, то всегда найдется очень много родныхъ и знакомыхъ, которые восхищаются ребенкомъ, когда онъ надѣнетъ новое платье. Ребенокъ въ скоромъ времени начинаетъ чувствовать себя несчастнымъ или, по крайней мѣрѣ, тосковать, если не будетъ всегда въ новомъ, хорошемъ платьѣ, и много воображать о себѣ, когда на немъ будетъ надѣто дорогое платье. Что же касается вашего Макса, то трудно опасаться, что онъ будетъ тщеславенъ относительно платья. У мальчиковъ чаще встрѣчается, напротивъ, тотъ недостатокъ, что они не придаютъ никакого значенія своему платью и совсѣмъ не берегутъ его.

Тщеславіе можетъ однако въ Максѣ развиваться, напримѣръ, относительно познаній и успѣховъ. Приходить къ матери въ гости подруга; сейчасъ же призываютъ ребенка и начинаютъ имъ восхищаться. Гостыя заваливаетъ ребенка цѣлою кучею вопросовъ, льститъ ему, ласкаетъ его. «Скажи же стихи, которые ты такъ хорошо знаешь; покажи, что ты такъ мило нарисовалъ», говоритъ мать. Мальчику очень тяжело исполнить просьбу матери, но, исполнивъ, онъ блестящимъ образомъ оканчиваетъ свое испытаніе. Вслѣдъ за этимъ, мать говоритъ тихо своей подругѣ: «Онъ, въ самомъ дѣлѣ, очень смысленъ для своего возраста,» и начинается перечисленіе его умныхъ и глупыхъ дѣйствій. Мальчикъ въ то время, повидимому, очень прилежно играетъ за своимъ столикомъ и не слушаетъ разговора. Но удивительно, что дѣти имѣютъ особенно тонкій слухъ, когда говорятъ о нихъ. Естественно, что это дѣлаетъ на нихъ большое впечатлѣніе: они вѣрятъ тому, что о нихъ говорятъ, и узнаютъ тогда, какъ они умны. И если мать повторяетъ тоже самое при каждомъ при-

*) т. е. тебѣ подарятъ на Рождество, на ёлку.

ходѣ ея знакомыхъ, то ребенокъ вскорѣ убѣдится въ значеніи своей особы. Заблужденіе, слѣдовательно, состоитъ здѣсь въ томъ, что ребенокъ становится *центромъ* разговора и чувствуетъ, что отецъ и мать смотрятъ на него, какъ на свое высшее сокровище.—Нѣкоторые думаютъ возбудить въ ребенкѣ благодарность тѣмъ, что представляютъ всѣ вещи только для него существующими. «Печка грѣетъ мою дѣточку, корова даетъ ему молочка, дерево даетъ для тебя яблоки». Все это служитъ къ тому, чтобы вкоренить въ ребенкѣ идею, что «весь міръ созданъ для меня, всѣ для меня работаютъ, я господинъ надъ всѣмъ». Такое заблужденіе дѣлаетъ ребенка несчастнымъ, потому что рано или поздно ему придется разочароваться въ этомъ. Тоже самое можно сказать и относительно постоянныхъ ласкъ, которыхъ ребенокъ вовсе не требуетъ. Онъ думаетъ даже подъ часъ: «Ахъ, если бы мама оставила меня въ покоѣ, мнѣ такъ хочется побѣгать».

Замѣтите, кто изъ вашихъ родныхъ отрываетъ вашего Макса отъ его спокойной игры и мучитъ его своими ласками, и поскорѣ постарайтесь удалить вашего мальчика, когда будетъ предстоять такое посѣщеніе. Такимъ людямъ все равно, что ребенокъ можетъ совершенно испортиться отъ ихъ льстивой ласки (которая въ сущности направлена на родителей), или что вамъ будетъ затруднено воспитаніе его. Максъ больше будетъ любить тѣхъ лицъ, которыя на видъ менѣе занимаютъ имъ, нежели его вещами. Поэтому не говорите Максѹ, какъ вы любите его и сколько всѣ о немъ заботятся; въ его присутствіи говорите о немъ какъ можно меньше, хвалите и корите не его самого, а его дѣйствія. Вслѣдствіе этого, вниманіе его будетъ съ его особы обращено на его дѣятельность и на внѣшній міръ. Ребенокъ будетъ имѣть тогда столько занятій, что у него не достанетъ времени думать о великомъ значеніи своего маленькаго я. Мать и отецъ не должны также говорить при ребенкѣ касательно вопросовъ воспитанія. Дитя отъ этого становится необыкновенно уменъ и будетъ стараться дѣйствовать противъ вашихъ мѣропріятій, если они будутъ ему не по душѣ. *Дѣти совсѣмъ не должны замѣчать, что ихъ воспитываютъ.* Кто имѣетъ это всегда въ виду, тотъ можетъ быть увѣренъ въ успѣхѣ своей воспитательной дѣятельности. И къ дѣтямъ подходятъ слова Гёте: «чувствуя на-

мѣреніе, приходятъ въ дурное настроеніе» *). Когда дѣти замѣчаютъ, что на нихъ хотятъ имѣть вліяніе, то въ нихъ болѣе или менѣе возбуждается оппозиція: они не хотятъ быть предметомъ дѣятельности другихъ.

Эгоизму иногда научаются дѣти въ обществѣ другихъ дѣтей. Вашъ Максъ непременно долженъ пользоваться обществомъ дѣтей; какъ бы по дѣтски вы съ нимъ ни играли, вы все таки не можете замѣнить ему общество его сверстниковъ; ребенокъ, растущій только среди взрослыхъ, очень скоро становится уменъ не по лѣтамъ. Соединеніе дѣтей вмѣстѣ необыкновенно важно при воспитаніи еще и потому, что мальчикъ стоитъ тамъ, какъ равный среди равныхъ; здѣсь-то и должны отшлифоваться всѣ его качества и образоваться его достоинства, которыя никогда не могутъ развиваться такъ въ кругу взрослыхъ, потому что тамъ онъ, какъ существо подчиненное, чувствуетъ свою отъ нихъ зависимость. Я говорю здѣсь, конечно, о чисто *дѣтскихъ* собраніяхъ, а не о подражаніи вечерамъ взрослыхъ и не о маскарадахъ (какъ я видѣлъ эту зиму), на которые мальчики семи и осми лѣтъ приглашаютъ своихъ школьныхъ товарищей по билетамъ.

Итакъ, я замѣтилъ, что въ дѣтскомъ обществѣ ребенку очень часто прививается эгоизмъ. Положимъ, дѣти ѣдятъ фрукты. «Послушай Рудольфъ», говоритъ заботливая мамаша тихо своему любимцу, «ты не давай дѣтямъ всѣхъ хорошихъ грушъ, лучшія я отложила для тебя вотъ съ этой стороны». Въ другой разъ ему сунуть лучшій кусочекъ, такъ, чтобы товарищи этого не замѣтили. Другъ мой, постарайтесь *лучше* воспользоваться обществомъ дѣтей для своего Макса: приучайте его довольствоваться самымъ малымъ, а другимъ оставлять самое лучшее; научите его уступать, когда угрожаетъ вспыхнуть ссора. Когда уйдутъ мальчики, посѣтившіе вашего Макса, то говорите о хорошемъ, что вы въ нихъ замѣтили; при этомъ я, разумѣется, предполагаю, что у васъ будутъ только дѣти, ведущіе себя хорошо. Часто отцы и матери дѣлаютъ совершенно противоположныя замѣчанія относительно посѣщающихъ ихъ дѣтей; они говорятъ о ихъ дурныхъ поступкахъ и нерѣдко заключаютъ такъ:

*) Man fühlt die Absicht und man wird verstimmt.

«нашъ Францъ такъ не дѣлаетъ». Скажите тихонько отцу, дѣлая видъ, что Максъ не долженъ этого слышать: «Маленькій Поль былъ у насъ сегодня, и какъ хорошо онъ велъ себя за столомъ: онъ ни чуть не насорилъ, около него было совершенно чисто. И представъ себѣ, какъ онъ былъ услужливъ. Я уронила клубокъ шерсти, онъ живо бросился и поднялъ мнѣ его. Вотъ если бы нашъ Максъ былъ такимъ!» Этотъ разговоръ тѣмъ болѣе будетъ имѣть дѣйствія, чѣмъ вы болѣе дѣлаете видъ, что не замѣчаете присутствія мальчика. Онъ не долженъ замѣтить, что родители, ведя подобные разговоры, хотятъ дѣйствовать на него воспитательнымъ образомъ.

Когда вы приглашаете дѣтей играть съ Максомъ, то вы должны считать своею обязанностью помочь родителямъ въ ихъ воспитаніи. Обыкновенно маленькимъ гостямъ пропускаютъ всѣ дурные поступки изъ боязни вступить въ столкновение съ ихъ родителями, запретивъ имъ что-нибудь. Поэтому для кружка вашего Макса выбирайте дѣтей, родители которыхъ будутъ на столько умны, что поблагодарятъ васъ, когда вы обратите ихъ вниманіе на недостатки ихъ дѣтей. Требуйте той же самой услуги и отъ тѣхъ лицъ, куда Максъ пойдетъ въ гости. Въ домѣ дѣти выказываютъ себя совсѣмъ съ другихъ сторонъ, и посторонніе люди очень часто замѣчаютъ недостатки, упускаемые родителями, потому что они уже почти привыкли къ нимъ. Очень хорошо было бы поэтому, еслибъ родители, дѣти которыхъ собираются играть вмѣстѣ, откровенно высказывали другъ другу свои наблюденія. Легко можетъ случиться, что Максъ, вернувшись домой отъ какого-нибудь мальчика, съ неудовольствіемъ смотритъ на свою лошадку, или на другую какую игрушку, потому что въ гостяхъ онъ видѣлъ лучше; въ немъ родилась зависть. «Твоя лошадка, милый Максъ, тоже очень хорошая; посмотри-ка, что она можетъ продѣлывать. Мы ее сейчасъ впряжемъ въ телѣжку, дадимъ ей корма, посадимъ на нес человѣка» и т. п. Чѣмъ болѣе будетъ умѣть играть Максъ своими игрушками, чѣмъ болѣе онъ будетъ приученъ къ самостоятельности, тѣмъ дальше будетъ онъ отъ зависти. Зависть находитъ удобную почву только тамъ, гдѣ дѣти имѣютъ игрушки лишь для виду и дѣятельность не доставляетъ имъ никакого удовольствія. Если товарищъ нечаянно причинитъ Максу какую нибудь не-

пріятность, толкнетъ его или ударить, или же испортить ему какую нибудь игрушку, то объ этомъ не слѣдуетъ и толковать. «Онъ не нарочно сдѣлалъ это, Максъ, это ничего; смотри не сдѣлай и ты ему того же нечаянно, ты теперь знаешь какъ это непріятно.» Заставляйте его приносить нѣкоторыя маленькія жертвы для его товарища, для васъ и для отца. Это лучшее средство подавлять эгоизмъ. «Пусти сегодня Франца посидѣть за столикомъ, ты вѣдь можешь сидѣть тамъ цѣлый день.» «Не играй теперь кеглями, ты дѣлаешь много шума, у меня голова болитъ.» «Ходи на цыпочкахъ, папа хочетъ работать, ты не долженъ ему мѣшать.» Но дайте ему почувствовать и то внутреннее удовольствіе, которое слѣдуетъ за такими жертвами. «Папа будетъ очень доволенъ, если ты не будешь ему мѣшать, хотя онъ, можетъ быть, и ничего не скажетъ тебѣ объ этомъ.» Если вы замѣтите, что Максъ недоволенъ, когда онъ мало или ничего не выиграетъ въ играхъ, то приучайте его, въ этихъ случаяхъ, радоваться, что выигрываютъ его маленькіе друзья; покажите ему какое получить онъ удовольствіе и блаженство отъ такого сочувствія и какъ будутъ любить его за это его сверстники; какъ вслѣдствіе этого онъ приближается къ Богу, который не оставляетъ для себя ничего, а все отдаетъ своимъ созданіямъ (*).

Ребенокъ долженъ обо всемъ просить и за все благодарить. Онъ долженъ при этомъ понимать, что исполненіе его просьбы доставляетъ трудъ; этому учатся дѣти опять таки только посредствомъ самодѣтельности. Опытность, которую они приобрѣтаютъ самодѣтельностью, научаетъ ихъ цѣнить трудъ услуги;

*) Не знаемъ, о какихъ играхъ (Gesellschaftsspiel) говоритъ авторъ и что онъ разумѣетъ подъ словомъ «выигрываетъ (gevinnt).» Выгода, выигрывать каждой игры состоитъ собственно въ томъ удовольствіи, которое она доставляетъ ребенку. Но, кажется, авторъ имѣетъ въ виду матеріальный (конечно, не денежный) интересъ, съ которымъ дѣйствительно бываютъ иногда къ сожалѣнію, соединяемы домино, лото и тому подобныя игры. Во всякомъ случаѣ, все, что говоритъ авторъ, слишкомъ неестественно и сантиментально. Ребенокъ садится за игру съ тѣмъ, чтобы выиграть, а потому, проигрывая, не можетъ радоваться. Подобныхъ ходульных чувствъ невозможно ожидать и отъ взрослыхъ. Конечно, нельзя допустить, чтобы ребенокъ слишкомъ горячо принималъ къ сердцу свой проигрышъ. «Игра въ томъ и состоитъ—можно сказать ему—что одинъ выигрываетъ, другой проигрываетъ; сегодня проигралъ ты, завтра проиграетъ другой. Всѣ вы, вѣроятно, одинаково желали

ихъ благодарность будетъ тогда чистосердечна. Избалованный ребенокъ, для котораго постоянно все дѣлаютъ другіе, не понимаетъ этого; онъ смотритъ на всякую услугу, какъ на нѣчто должное, и если благодарить, то его благодарность — только слова.

Пользуясь удобнымъ случаемъ, я выскажу вамъ нѣсколько замѣчаній относительно молитвы дѣтей, такъ какъ она должна быть ничѣмъ инымъ, какъ просьбой и благодарностью къ тому, кто все даетъ ребенку. Безъ любви же и почтенія къ Богу невозможна никакая молитва. Іоаннъ сказалъ однажды о взрослыхъ: «кто не любитъ своего брата, котораго онъ видитъ, какъ можетъ тотъ любить Бога, котораго не видитъ»? Это изрѣченіе даетъ вамъ поводъ развить въ вашемъ мальчикѣ любовь къ Богу и такимъ образомъ сдѣлать его молитву — чистосердечною. Ребенокъ не понимаетъ ничего отвлеченнаго, онъ не можетъ самъ собою любить и чтить существо, котораго не видитъ; поэтому сначала онъ долженъ выучиться любить своихъ родителей, воспитателей, маленькихъ друзей, всѣхъ, отъ кого онъ получаетъ какой либо даръ, значить существа, которыя онъ *видитъ*. Максъ долженъ чувствовать свою зависимость отъ родителей, быть имъ благодаренъ; вы должны, однимъ словомъ, прежде чѣмъ думать о чистосердечной молитвѣ, хорошо воспитать его. Покажите ему затѣмъ въ явленіяхъ природы: въ перемѣнѣ дня и ночи, въ грозѣ и т. п., что всѣ люди зависятъ отъ высшаго существа, называемаго Богомъ, такъ какъ мы не можемъ ни вызвать этихъ явленій, ни измѣнить ихъ. Обратите его вниманіе на ростъ растений и на все, что дѣлается безъ помощи людей, что управляется вышею рукою.

Позднѣе онъ также узнаетъ, что даже все то, что дѣлается руками людей, первоначально было сотворено Богомъ. Что изъ выиграть: почему же ты такъ огорчаешься, что не исполнилось *именно твое* желаніе?» Если игра основана на размышленіи и разчетѣ, то укажите ему его ошибки и объясните такимъ образомъ причину его проигрыша; онъ будетъ въ такомъ случаѣ недоволенъ своею оплошностію, но не тѣмъ, что проиградъ. Но требовать отъ ребенка, чтобы онъ радовался выигрышу товарищей, сулить ему за это любовь ихъ и указывать на удовольствіе и блаженство, которое онъ будетъ отъ того ощущать — ненормально и черезъ чуръ сантиментально. Толковать о приближеніи къ Богу — также совершенно неумѣстно. Къ тому же Богъ — духъ, и поэтому фраза, что «онъ не оставляетъ для себя ничего» — такъ и остается фразой.

того, если Максъ представить себѣ Бога какъ почтеннаго старца? Совершенно *невозможно*, чтобы дѣти представляли себѣ сначала божество иначе, какъ въ человѣческомъ образѣ. Главное то, чтобы Максъ вашъ выучился любить Бога, чувствовать свою отъ него зависимость. Тогда научите его нѣкоторымъ молитвамъ, въ которыхъ ничего больше не было бы выражено, какъ просьба и благодарность къ Богу за получаемыя матеріальныя, физическія (*leibliche*) благодѣянія, потому что все отвлеченное еще очень далеко отъ ребенка.

IX.

Конечно, встрѣчаются семейства, гдѣ обращаютъ большое вниманіе на воспитаніе дѣтей и гдѣ находятся дѣйствительно хорошо воспитанныя дѣти. Но и у такихъ родителей все таки случается, что вся ихъ тяжелая работа надъ воспитаніемъ ребенка вдругъ уничтожается въ теченіи нѣсколькихъ дней и они допускаютъ зародиться всѣмъ порокамъ. Это случается, *когда ребенокъ заболѣетъ*. Я позволяю себѣ утверждать, что большинство дѣтей было бы лучше воспитано, если бы они были всегда здоровы. Каждая мать и каждый отецъ страдаютъ при болѣзни своего ребенка, страдаютъ иногда даже болѣе его самого. Главное зло при этомъ состоитъ въ томъ, что они выказываютъ ребенку это состраданіе—жалѣютъ его, что содѣйствуетъ только тому, что ребенокъ начинаетъ сильнѣе чувствовать свою болѣзнь; онъ будетъ потомъ плакать, хотя бы онъ совсѣмъ и не чувствовалъ боли.

Если вашъ Максъ заболѣетъ, чему трудно не случиться, то пускай онъ видитъ вокругъ себя только веселыя лица. Доставляйте ему больше развлеченія, чѣмъ обыкновенно, пока ему самому не захочется отдохнуть. Чѣмъ развитѣе человекъ, тѣмъ ему легче преодолѣть свое болѣзненное состояніе. У него много разнообразныхъ занятій, его занимаютъ всѣ вопросы дня, новости по наукѣ и искусствамъ; чрезъ это онъ отчасти забываетъ свою болѣзнь. Представьте себѣ напротивъ человека, который ни о чемъ больше не заботился, какъ о заработкѣ куска хлѣба, который не обладаетъ, такъ сказать, никакимъ умственнымъ фондомъ; понятно, что въ случаѣ болѣзни, онъ только и будетъ ду-

мать, что о своемъ печальномъ положеніи и потому ощущать болѣзнь въ ея полной силѣ. Ему невозможно доставить себѣ столько разнообразныхъ занятій, какъ образованному человѣку. Большимъ благомъ во время болѣзни будетъ для вашего Макса то, если вы съ раннихъ лѣтъ научите его пользоваться его чувствами, духъ его сдѣлаете бодрымъ и приучите его принимать участіе во всемъ окружающемъ. Гораздо рѣже случится тогда, что онъ не найдетъ ни въ чемъ удовольствія и останется совершенно безучастнымъ ко всему. Къ самодѣтельности у него въ это время, разумѣется, будетъ менѣе расположенія, чѣмъ обыкновенно; поэтому почаще забавляйте его и какъ можно веселѣе.

Совершенно не цѣлесообразно дѣйствовать такъ, чтобы дѣти боялись доктора, или грозить имъ. Ребенокъ долженъ смотрѣть на приходъ доктора какъ на счастье; старайтесь, чтобы онъ питалъ къ доктору большое довѣріе и облегчите ему послушаніе докторскимъ предписаніямъ.

- Если вашъ Максъ вообще хорошо воспитанъ и сила воли хорошо развита въ немъ, то въ болѣзни у него рѣдко будетъ дурное расположеніе духа и капризь. Упрямству и требованію вредныхъ вещей *не должно потворствовать и во время болѣзни*. Только ребенокъ за это не получаетъ никакихъ наказаній; нужно постараться заставить его забыть объ этомъ какимъ нибудь веселымъ развлеченіемъ. Вы должны помнить, что исполненіе желанія больного ребенка обыкновенно *не удовлетворяетъ* его: онъ бросаетъ игрушку, которую только что просилъ.

Докторамъ часто бываетъ очень трудно съ больнымъ ребенкомъ, они не могутъ угадать, что съ нимъ. Заботьтесь, чтобы Максъ могъ говорить обстоятельно, правильно называть части своего тѣла и чтобы онъ самъ привыкалъ слѣдить за собою. Когда онъ заболѣетъ, то сдѣлайте надъ нимъ маленькое изслѣдованіе въ шутовой формѣ, такъ, чтобы онъ ничего не замѣтилъ о вашемъ намѣреніи. Докторъ можетъ тогда узнать отъ васъ все нужное. Итакъ, воспитательное обращеніе съ больнымъ ребенкомъ должно отличаться отъ обращенія съ здоровымъ только тѣмъ, что не нужно наказывать его за дурное расположеніе духа и упрямство, а постараться отвратить ихъ посредствомъ интересныхъ развлеченій, но не лакомствомъ.

(Я не хочу однако этимъ укорять тѣхъ родителей, которые исполняютъ всевозможныя желанія лежащаго передъ ними *безнадежно-больнаго* ребенка, *въ послѣдніе часы его жизни*, стараясь этимъ доставить ему еще нѣсколько радости). При наступающемъ же выздоровленіи, разумѣется, нужно мало по малу прекратить постоянное услуживанье ребенку, постоянныя забавы съ нимъ, снова возбуждать его собственныя силы, и мало по малу опять возобновить прежній родъ обращенія. Если не сдѣлать этого, то ребенокъ станетъ охотно какъ можно дольше представляться больнымъ, или по крайней мѣрѣ болѣзненнымъ, нежели онъ есть на самомъ дѣлѣ, чтобы такимъ образомъ не потерять такъ скоро тѣхъ льготъ, которыми онъ пользовался.

Лечить болѣзни составляетъ обязанность врача, но объ ихъ *предупрежденіи* долженъ заботиться каждый человекъ. Не изнѣживайте вашего Макса, (послѣдствія изнѣживанія общеизвѣстны); но точно также можетъ быть вредна и противоположная система—укрѣплять ребенка, если она дурно понята. Есть періоды, въ которые дѣти больше, чѣмъ обыкновенно, расположены къ болѣзнямъ, напр. во время прорѣзыванія зубовъ. Въ это время должно избѣгать холода, въ особенности холоднаго вѣтра. Но вашъ Максъ долженъ выходить иногда и въ суровую погоду; онъ не долженъ бояться непріятнаго чувства т. е. долженъ окрѣпнуть. Дайте же ему средство устоять отъ холода. Выпускайте его гулять на короткое время въ холодную погоду, одѣвайте его достаточно тепло, впрочемъ не слишкомъ закутывая его, и, что еще важнѣе,—накормите его до прогулки теплымъ кушаньемъ и питьемъ, а послѣ прогулки дайте ему напитокъ теплаго молока. Такимъ образомъ, онъ будетъ предохраненъ отъ вреднаго вліянія холода, что и составляетъ *разумное укрѣпленіе* ребенка. Если бы постоянно исполнялось правило кормить и поить дѣтей чѣмъ нибудь теплымъ до и послѣ прогулки, то навѣрное число маленькихъ дѣтей, умирающихъ отъ горловой болѣзни, было бы значительно менѣе. Лѣто представляетъ также много удобныхъ случаевъ для укрѣпленія тѣла дитяти. Пускай онъ пріучается къ дальнимъ прогулкамъ, пускай пріучается къ перенесенію голода и жажды; онъ долженъ выходить гулять и въ жаркій день. Не позволяйте ему вообще жаловаться на погоду; теперь очень много встрѣчается несносныхъ людей, кото-

рымъ не нравится никакая погода, хотя бы она была хороша какъ только возможно. Касательно физическаго воспитанія вашего Макса, я вамъ очень усердно рекомендую, кромѣ книги Бока «О здоровомъ и больномъ человѣкѣ» *) — «Первыя обязанности матери и первое ухаживаніе за ребенкомъ», Аммона **). Вы можете получить эти сочиненія въ каждомъ книжномъ магазинѣ (въ Германіи).

Х.

Между мужчинами настоящаго времени очень много встрѣчается такихъ, которые не заслуживаютъ даже названія «мужчины»; они придаютъ очень много цѣны различнымъ пустякамъ, любятъ лакомиться и не привыкли ни въ чемъ себѣ отказывать. Причиною этому только одно воспитаніе. (Нужно замѣтить, что вообще все распредѣленіе времени, однимъ словомъ все, что на ребенка дѣйствуетъ, — я считаю воспитывающимъ его средствомъ). Многіе родители не хотятъ вѣрить, чтобы ребенку дома были привиты такого рода наклонности. Часто дома малютки получаютъ много лакомствъ; ѣдятъ, не будучи голодными; за столомъ они попробуютъ всего, даже того, что дѣтямъ вредно. Маленькій Эрнстъ, прежде чѣмъ родители успѣютъ сѣсть за столъ, выберетъ себѣ самыя лучшіе кусочки въ блюдѣ, потому что, какъ его родители думаютъ: «мальчикъ долженъ сдѣлаться какъ можно ранѣе самостоятельнымъ». Воспитывайте, мой другъ, вашего Макса такъ, чтобы ему доставляло удовольствіе отказывать себѣ въ чемъ нибудь и владѣть собою. Давайте ему кушать въ назначенное время, и въ промежуткахъ — ничего, въ особенности же не давайте ему кушать, когда онъ жалуется на голодъ за нѣсколько минутъ до обѣда. Онъ долженъ привыкать ждать, пока отецъ и мать сядутъ за столъ, и получать кушанье послѣ нихъ. Вообще вы не должны говорить съ нимъ много о кушаньѣ; на пищу онъ долженъ смотрѣть только какъ на потребность природы. Не хвалите кушанья за ихъ вкусъ, хвалите ихъ питательность. Мальчика легко можно довести до того, что онъ будетъ находить достоинство въ своей сдержанности.

*) Vom gesunden und kranken Menschen.

***) Die ersten Mutterpflichten und die erste Kinderpflege.

Во время прогулки хорошо говорить съ ребенкомъ только о томъ, что его окружаетъ, а не заставлятъ его перечислять гласныя буквы или протверживать другаго рода уроки; онъ долженъ пріучаться къ наблюденію. Здѣсь онъ смотритъ, что за домъ строится; тамъ замѣчаетъ, что растеніе выросло со времени ихъ прогулки; онъ долженъ, однимъ словомъ, интересоваться всѣмъ міромъ, въ которомъ живетъ, всѣмъ, что въ немъ въ настоящую минуту происходитъ. Учителямъ очень часто приходится наблюдать въ школѣ, что дѣти богатыхъ родителей имѣютъ *слишкомъ мало* топографическихъ свѣдѣній, между тѣмъ какъ бѣдные дѣти вполне знакомы съ мѣстомъ своего жительства и всею окрестностью. Разгадка этой загадки слѣдующая: богатые дѣти *ездятъ*, бѣдные—*ходятъ*.

Самое главное зло нашего времени, это, безспорно, страсть къ удовольствіямъ, какое бы ни было ея направленіе. Причина этому опять же лежитъ въ воспитаніи, потому что дѣти слишкомъ рано начинаютъ принимать участіе въ удовольствіи взрослыхъ, не умѣя при этомъ одинаково съ ними трудиться. Ихъ слишкомъ часто берутъ съ собою въ концертъ и въ театръ, какъ взрослыхъ. Точно также приносятъ много вреда господствующая страсть къ чтенію. Чего можемъ мы достигнуть посредствомъ поверхностнаго чтенія легкихъ журналовъ? Мгновенное удовольствіе и больше ничего; умъ нашъ не получаетъ отъ нихъ никакой прибыли. Я также назову *безплоднымъ* и чтеніе ученой книги, если читатель ничего при этомъ не дѣлаетъ: не думаетъ, или не записываетъ достойнаго примѣчанія, и не слѣдуетъ нѣкоторымъ хорошимъ даннымъ совѣтамъ.

Доставьте вашему Максѹ пораньше, и доставляйте почаще, удовольствіе отъ *самодѣтельности*. Спрашивайте его каждый вечеръ, что онъ дѣлалъ и училъ въ теченіи дня, радуйтесь вмѣстѣ съ нимъ за хорошо исполненную работу и ведите его къ тому, чтобы онъ горько раскаявался въ потерянномъ днѣ. Я ни въ какомъ случаѣ не отношу къ благородной самодѣтельности страсть дѣтей «къ собиранію», которая теперь стала опять часто встрѣчаться, и предостерегаю васъ отъ вполне бесполезнаго *собиранія письменныхъ марокъ*, что очень любятъ дѣти и занимаются этимъ дома и въ школѣ. Эта страсть очень часто доводила дѣтей до обмана и подавала поводъ къ различной мелоч-

ной торговлѣ между ними и т. п. непріятностямъ. Въ коллекціяхъ съ ученою цѣлью, нужно также быть очень осторожнымъ; въ противномъ случаѣ дѣти, вмѣсто пользы, получаютъ только одинъ нравственный вредъ. Подъ этими коллекціями я разумѣю любимое мальчиками собираніе минераловъ, бабочекъ, жуковъ и растений. Я считаю составленіе коллекцій за слишкомъ трудное предпріятіе для ребенка; оно и должно поэтому быть предоставлено взрослымъ. Судьба коллекцій, сдѣланныхъ дѣтьми, можетъ оправдать мой взглядъ на это дѣло: онѣ еще въ началѣ своего существованія приходятъ въ совершенное разрушеніе, валяясь гдѣ нибудь въ кладовой, а о томъ, какъ вредно дѣйствуетъ на ребенка неоконченный трудъ, дѣятельность безъ результата, я уже говорилъ вамъ прежде. Составленіе коллекцій бабочекъ, жуковъ, ведетъ, хотя и къ ненамѣренному, мученію насѣкомыхъ; дѣтямъ приходится притомъ брать въ руки вредныя вещества, какъ напр. сѣрный эфиръ. Эти коллекціи, дающія въ школѣ нѣкоторыя облегченія при преподаваніи, даютъ также поводъ къ мнѣнію между дѣтьми и другимъ дурнымъ послѣдствіямъ. Я не противъ такихъ коллекцій, дѣлайте ихъ, но я совѣтую вамъ подождать, пока Максъ вырастетъ и пока у него разовьется страсть къ такимъ занятіямъ. Сдѣланная коллекція должна содержаться въ строгомъ порядкѣ и быть ведена послѣдовательно; Максъ даже въ зрѣломъ возрастѣ будетъ нуждаться въ этомъ отношеніи въ указанія опытнаго человѣка. Въ своихъ занятіяхъ, пускай Максъ остается какъ можно дольше *ребенкомъ*.

XI.

Мнѣ было очень пріятно читать въ вашемъ письмѣ, между прочимъ, вопросъ о томъ, какъ нужно подготовить вашего сына къ школѣ, въ которую онъ на слѣдующій годъ поступитъ. Изъ этого вопроса я вижу, что вы не принадлежите къ числу тѣхъ матерей, которыя находятся въ заблужденіи, будто имъ не нужно никакихъ указаній и поученій въ воспитаніи ихъ дѣтей, или къ числу тѣхъ, которыя совершенно оставляютъ дѣтей на произволъ судьбы, случая и прислуги.

Я очень хорошо знаю, что нѣкоторыя матери и отцы, изъ боязни, что дѣти ихъ будутъ стоять въ познаніяхъ ниже дѣтей,

поступившихъ съ ними въ одно время въ школу, даютъ имъ отдѣльные уроки, или поручаютъ кому нибудь готовить къ школѣ. Къ сожалѣнію, есть и такіе родители, которые дѣлаютъ это ради глупаго *тщеславія*, чтобы ихъ ребенокъ могъ отличиться предъ другими. На вашъ вопросъ я могъ бы представить вамъ программу нашей школы, гдѣ значитъ, что особенныхъ приготовленій для поступающихъ въ 8-й классъ не требуется; но мнѣ хочется поговорить съ вами подробнѣе объ этомъ предметѣ. Я буду сначала говорить о томъ, что ребенокъ долженъ *необходимо* принести съ собою въ школу, за тѣмъ о томъ, что для насъ, учителей, было бы *желательно*, чтобы онъ принесъ, и наконецъ о томъ, что совершенно *излишне* и даже приноситъ *вредъ*, но между тѣмъ все таки считается многими родителями необходимымъ. Чтобы школьное образованіе имѣло на ребенка благотворное вліяніе, онъ долженъ получить хорошее нравственное воспитаніе въ первыя шесть лѣтъ своей жизни. У многихъ же малютокъ, поступающихъ къ намъ, это воспитаніе не совсемъ удовлетворительно, не смотря на то, что у насъ дѣти принадлежатъ къ образованному сословію; учителя должны тратить много времени,—которое должно бы быть посвящено на преподаваніе,—чтобы уничтожить въ ученикахъ ихъ старыя, закоренѣлыя недостатки. Такъ напр., какой нибудь ребенокъ ни за что не хочетъ жить въ ладу съ своими товарищами и находитъ удовольствіе дразнить ихъ. Всякое замѣчаніе, которое ему дѣлаютъ въ школѣ, прерываетъ, хотя и не надолго, преподаваніе. Другой ученикъ дѣлаетъ постоянный беспорядокъ, да онъ и вообще не знаетъ, что такое порядокъ. Книга, совершенно новая, которую дастъ ему учитель, въ теченіи недѣли дѣлается ни на что не похожа. Нерѣдко жалуется тогда отецъ или мать, что ребенка не приучаютъ въ школѣ къ порядку, что онъ не привыкаетъ беречь свои книги. Какимъ же образомъ можетъ учитель въ теченіи четверти или полу-года достигнуть того, чему не научили его родители въ теченіи 6 лѣтъ? Въ школѣ учитель видитъ дѣтей ежедневно только часа 4; тогда какъ мать имѣла ихъ передъ глазами цѣлый день. Поступаетъ, напримѣръ, премилый мальчикъ, съ очень хорошими способностями, но онъ до того вѣтренъ и невнимателенъ, что ни на минуту не можетъ сосредоточить своихъ мыслей на одномъ предметѣ. Вотъ и предстоитъ

школѣ задача исправить въ одну минуту то, что было упущено дома. Тутъ же сидитъ мальчикъ безъ всякой энергіи и боязливый, свой урокъ онъ отвѣчаетъ нерѣшительно, хотя отвѣты его большею частью вѣрны; у него недостаетъ самоувѣренности, она подавлена въ немъ при воспитаніи, быть можетъ, слишкомъ большою строгостью, или самоуправствомъ, или насмѣшками. Я надѣюсь, вы поймете теперь почему я сказалъ, что самое лучшее приготовленіе къ школѣ, это—хорошее нравственное воспитаніе. Въ указанныхъ мною случаяхъ, я говорилъ только о небольшихъ недостаткахъ, потому что отъ болѣе важныхъ,—какъ напр. неопрятность, привычка лгать и т. п.—вы навѣрное сохранили своего Макса; къ сожалѣнію эти недостатки очень часто приносятъ съ собою въ школу маленькія дѣти.

Необходимо, чтобы дѣти, поступаая въ школу, умѣли правильно употреблять свои органы чувствъ. Вамъ вѣроятно покажется страннымъ, если я вамъ скажу, что въ элементарномъ классѣ встрѣчаются ученики, которые не умѣютъ какъ слѣдуетъ смотрѣть и слышать, хотя у нихъ здоровы и глаза и уши. Когда такого ребенка спрашиваютъ, что онъ видѣлъ на улицѣ, что ему поручили отецъ и мать, онъ не знаетъ, что отвѣтить. По улицѣ онъ идетъ погруженный въ свои мысли и часто не знаетъ, гдѣ шель, потому что воображеніе его въ то время было занято совершенно посторонними предметами. Такъ какъ его не приучили обращать вниманіе на происходящее около него, онъ въ первое время поступления въ школу не будетъ обращать вниманія на слова учителя, пока не научится этому. Когда онъ пишетъ, то не смотритъ на свое перо; читая, не смотритъ въ книгу; когда учитель пишетъ или рисуетъ что нибудь на доскѣ, онъ не замѣчаетъ написаннаго, но видитъ совершенно посторонніе предметы: какъ держитъ себя учитель, или же смотритъ на крючокъ, на которомъ виситъ доска. Развѣ нельзя сказать о такомъ ребенкѣ, что онъ еще не умѣетъ смотрѣть? — Когда учитель объясняетъ что нибудь, то очень можетъ быть, что ребенокъ дѣлаетъ про себя очень умныя сужденія относительно его фізіономіи, платья, или чего другаго, которыя, быть можетъ, свидѣтельствуя о долгомъ размышленіи съ его стороны; но онъ не слышитъ словъ учителя, не можетъ долго слѣдить за преподаваніемъ, даже тогда, когда говорятъ съ нимъ понятнымъ для ре-

бенка языкомъ. Можно-ли же сказать о такомъ мальчикѣ, что онъ умѣетъ слышать? Разумѣется нѣтъ. Его чувства управляютъ имъ, а не онъ ими; онъ еще не научился сосредоточивать своего вниманія т. е. направлять дѣятельность своихъ чувствъ на данный предметъ, его умъ наполненъ тѣмъ, что кажется для него пріятнымъ. Если вы хотите хорошенько подготовить вашего сына къ школѣ, то научите его видѣть и слышать.

«Какъ же начать мнѣ»? спросите вы. Дѣло не очень трудное. Давайте ему уже и теперь различныя порученія и аккуратно смотрите, чтобы онъ правильно исполнялъ ихъ и точно передавалъ всѣ отвѣты, которые ему даютъ. Когда онъ вернется съ прогулки, спрашивайте его, что онъ видѣлъ на улицѣ, обращайтесь его вниманіе на всѣ подробности въ его картинахъ. Когда вы говорите съ нимъ, то онъ не долженъ прерывать вниманія, даже если бы въ то время по улицѣ проходили солдаты съ музыкой. Такимъ образомъ можно достигнуть того, что онъ будетъ господиномъ своихъ чувствъ, научится видѣть и слышать.

Низшіе органы чувствъ не требуютъ такого развитія, они развиваются сами собою и иногда въ слишкомъ сильной степени. Это относится особенно къ чувству вкуса, который поэтому слѣдуетъ въ особенности обуздывать, чтобы онъ не взялъ перевѣса надъ всѣмъ человѣкомъ.

Для учениковъ элементарнаго класса, кромѣ развитія чувствъ, почти столько же необходимъ и хорошій выговоръ. Вамъ уже извѣстно, что относительно выговора грѣшатъ многія матери; изъ выговора поступившихъ дѣтей можно сдѣлать любопытные выводы объ ихъ домашнемъ воспитаніи. Иногда мальчикъ называетъ всѣ предметы въ уменьшительной, ласкательной формѣ, другой говоритъ такимъ образомъ, какъ прислуга между собою, третій совершенно не можетъ произносить нѣкоторыхъ звуковъ (буквъ), хотя у него нѣтъ никакого органическаго недостатка. Первый мальчикъ—въ своихъ дѣтскихъ выраженіяхъ былъ такъ очарователенъ, что ихъ хотѣлось сохранить какъ можно подольше; даже взрослые говорили съ нимъ такимъ же языкомъ. Второй мальчикъ былъ отданъ вполнѣ на руки прислуги, и родители не могли замѣтить недостатка въ его выговорѣ. Что же касается послѣдняго, то матери было слишкомъ неудобно взять на себя трудъ научить ребенка произносить правильно отдѣльные звуки,

потому она предоставляла это школь, думая, что это ея обязанность. А между тѣмъ какъ облегчаетъ ребенку ученіе хорошей выговоръ! Онъ не только облегчаетъ ему научиться хорошо читать, но и правильно писать, потому что дитя обыкновенно въ первые годы пишетъ такъ, какъ говоритъ. Если онъ говоритъ невнятно, такъ что нѣкоторые звуки не вполне слышны или совершенно не слышны, то онъ или пишетъ эти звуки совсѣмъ неправильно, или же совсѣмъ пропускаетъ ихъ. Особенно нужно бываетъ хорошее произношеніе, когда въ школѣ начинаютъ дѣлать сочиненія, потому что правильное произношеніе, съ должнымъ удареніемъ на слогахъ, имѣетъ значеніе не только для рѣчи, но и для ясности мыслей. Потому хорошо сдѣлаютъ родители, если будутъ заботиться о хорошемъ выговорѣ ребенка. Но не слѣдуетъ заставлять ребенка слишкомъ рано говорить стихи, молитвы и т. п.—все это выходитъ изъ сферы пониманія ребенка, вслѣдствіе чего онъ привыкаетъ къ бессмысленному повторенію словъ. Другое дѣло рассказывать ему маленькія исторійки, какъ вы уже дѣлали. Но только одного слушанія рассказа недостаточно, потому что ребенокъ чувствуетъ только одно наслажденіе, у него развивается страсть къ такому наслажденію, которая позднѣе перейдетъ въ пагубную страсть читать романы. Максъ долженъ отдавать отчетъ въ томъ, что ему рассказываютъ. Онъ не долженъ слышать другаго рассказа до тѣхъ поръ, пока не отвѣтитъ хорошо на вопросы, предложенные ему относительно перваго. Вотъ и всѣ требованія, исполненіе которыхъ можетъ сдѣлать преподаваніе въ школѣ полезнымъ для Макса.

Еще очень хотѣлось бы кое-чего, что стоитъ въ связи съ развитіемъ чувствъ, а именно: чтобы дѣти поступали въ школу съ нѣкоторыми уже понятіями о числахъ. Я вообще не могу себѣ представить, чтобы шестилѣтній ребенокъ совсѣмъ не имѣлъ о нихъ понятія, если его уже научили правильно видѣть и слышать. Большинство дѣтей, поступающихъ въ школу, конечно, знаетъ, что у человѣка двѣ руки, двѣ ноги и пять пальцевъ на каждой рукѣ, потому что имъ было говорено объ этомъ; нѣкоторые даже умѣютъ бѣгло считать до 100. Если же спросить одного изъ этихъ дѣтей, что больше: 9 или 5?—то большею частію онъ не выдержитъ этого экзамена. Отчего это происхо-

дить? Отъ того, что онъ совершенно машинально выучился перечислять одну цифру за другою, не связывая съ ними никакого представленія. Такіе ученики доставляютъ своему учителю часто очень много непріятностей; все, что они учили, оказывается совершенно бесполезнымъ, и родители нерѣдко удивляются, отчего сынъ ихъ дѣлаетъ такъ мало успѣховъ въ ариѳметикѣ, тогда какъ, при поступленіи въ школу, онъ уже умѣлъ считать. Нѣкоторые родители весьма старательно учатъ своихъ дѣтей таблицъ умноженія, думая оказать этимъ для школы и для ребенка большую услугу. Если вы уже научили чему нибудь подобному вашего Макса, то мнѣ прискорбно, что приходится назвать трудъ вашъ совершенно бесполезнымъ. Если вы хотите подготовить его къ ариѳметикѣ, то не учите исчислять бессмысленно цифры, но старайтесь, чтобы онъ соединялъ съ ними и представленія. Вы поймете, что я не требую отъ васъ правильнаго преподаванія ариѳметики, такъ какъ методическое обученіе принадлежитъ только одной школѣ, а никакъ не родителямъ. Только при удобномъ случаѣ, въ игрѣ, въ прогулкѣ или въ разговорѣ, вы должны дать Максѣ первыя понятія о числахъ. Къ этому дѣти сами очень часто подають поводъ. Вы имѣли, вѣроятно, случай замѣтить, что Максъ спрашивалъ у васъ: «сколько ты мнѣ сегодня дашь вишень или сливъ? сколько стоитъ кегель и сколько упало»? Этими вопросами онъ показываетъ вамъ правильный способъ, которымъ онъ можетъ достигнуть понятія о числахъ, потому что онъ спрашиваетъ о числѣ *предметовъ*; онъ, значить, не хочетъ числа безъ названій, что составляетъ для него только пустыя слова. Поэтому вы мало доставите ребенку удовольствія (и еще меньше — умственной прибыли), если спросите у него: «Сколько будетъ 2 да 1? или: что останется если я возьму 2 изъ 3-хъ»? и т. п. Вы напротивъ доставите ему удовольствіе и пользу, когда будете считать предметы, находящіеся у него передъ глазами и, еще лучше, тѣ, которые онъ по своему желанію можетъ прибавить и убавить. Спрашивайте его о числѣ картинъ, зеркалъ, стульевъ и другихъ предметовъ, находящихся въ комнатѣ; задавайте ему иногда маленькія задачи, гдѣ бы онъ могъ примѣнить свои познанія въ счисленіи, какъ напримѣръ: «принеси мнѣ изъ кухни три ложки! Придвинь къ столу четыре стула! Вотъ тебѣ шесть сливъ, три отдай сестрѣ, а другія ос-

тавь у себя» и т. д. Есть очень хорошій способъ дать ребенку ясное понятіе о числахъ, это—игра въ домино; на косточкахъ онъ видитъ очки, постоянно стоящіе въ одномъ и томъ же порядкѣ. *Четыре* онъ представляетъ себѣ какъ *два и два*; *пять*—какъ *четыре и одинъ*; *шесть* представляется ему какъ *два раза три*. Другое прекрасное образовательное средство для счисленія—это ящикъ съ кубиками, изъ которыхъ ребенокъ можетъ строить столбики различной величины, и такимъ образомъ, играя, можетъ при помощи матери научиться прибавлять и убавлять. Скажите Максу: «построй башню изъ шести, четырехъ и десяти камней, сними одинъ камень съ первой башни и положи его на вторую. Какъ высока первая и какъ высока вторая башня? Пристрой къ башнямъ двѣ стѣны, каждую въ четыре камня; сколько разъ положилъ ты по четыре камня?»

Если вы будете играть такимъ разумнымъ образомъ съ вашимъ Максомъ, то для васъ и для него очень скоро пройдетъ время, а отъ часу такой забавы я общаю вамъ больше пользы, чѣмъ отъ многихъ часовъ ариѳметическаго преподаванія въ школѣ. Но ребенокъ не долженъ замѣчать заключающейся въ этой игрѣ цѣли, а то у него скоро пройдетъ охота къ этому занятію.

Я привелъ только немногія игры, другія вы выдумаете сами, какъ напримѣръ, игра въ купца, въ солдаты и т. д., при которыхъ точно также дается случай познакомить ребенка съ понятіемъ о числахъ.

Если вы такимъ образомъ передадите вашему Максу понятіе о числахъ (но ни въ какомъ случаѣ болѣе, чѣмъ до 10-ти), то этимъ вы принесете большую пользу, какъ самому ребенку, такъ и школѣ. Если же вамъ кажется такая работа слишкомъ ничтожною и, вмѣсто этого, вы захотите лучше выучить вашего Макса считать подъ-рядъ числа и таблицу умноженія, читая ему и то и другое до тѣхъ поръ, пока онъ не запомнитъ всѣ цифры подъ рядъ, или захотите давать ему отдѣльные уроки; то лучше ничего не дѣлайте: вы такъ, по крайней мѣрѣ, не принесете вреда ни ребенку, ни школѣ.

У васъ было также намѣреніе научить Макса еще до поступленія въ школу азбукѣ и, если возможно, то и чтенію. Но такъ какъ другія дѣти, поступившія въ одно время съ нимъ,

не будутъ такъ подготовлены, то Максѹ придется скучать въ часы чтенія; заставить же ребенка скучать—значить повредить ему въ нравственномъ и умственномъ отношеніи. Вы уже достаточно подготовите его къ обученію чтенію тѣмъ, что обратите должное вниманіе на его произношеніе. Еще менѣе цѣлесообразнымъ признаю я желаніе приготовить ребенка къ школѣ относительно письма, хотя я вполне признаю въ этомъ случаѣ хорошее намѣреніе родителей. Вамъ незнакомъ способъ преподаванія письма въ школѣ, матеріалъ для него дома обыкновенно назначенъ для взрослыхъ и, наконецъ, взглядъ на держаніе пера и корпуса можетъ быть такъ различенъ, что школѣ часто приходится дѣтей, уже учившихся дома, начинать учить писать сначала и искоренять нѣкоторые недостатки.

Вотъ вамъ мой взглядъ касательно приготовленія мальчика къ школѣ. Родители могутъ даже не дѣлать никакихъ подготовокъ къ школѣ; только одного не должны они упускать изъ виду—это дать дѣтямъ хорошее нравственное воспитаніе, безъ котораго все послѣдствіе школьнаго преподаванія будетъ вопросомъ.

ХП.

На вашъ вопросъ относительно того, слѣдуетъ-ли наблюдать за школьными занятіями дитяти и помогать ему въ нихъ, отвѣчаю немедленно, такъ какъ именно теперь мое вниманіе обращено на этотъ предметъ. Одинъ отецъ, къ моему сожалѣнію, выразилъ мнѣ свое неудовольствіе за то, что сынъ его не хорошо учится изъ ариѳметики и нѣмецкаго языка. У него,—какъ отецъ мнѣ самъ сообщил,—не было недостатка въ помощи; но какъ скоро онъ долженъ былъ обходиться безъ нея, то не шель дальше. Впрочемъ, отецъ не обвинялъ въ этомъ школу, но самого мальчика, и надѣялся на его скорое исправленіе. Точно такъ же и я не былъ вполне доволенъ успѣхами этого ученика, какъ въ упомянутыхъ, такъ и въ другихъ предметахъ, что я и отмѣтилъ въ его аттестатѣ за мѣсяць. Куртъ — такъ имя этого мальчика — имѣетъ хорошія способности, хотя и не принадлежитъ къ самымъ способнымъ ученикамъ въ классѣ; тѣмъ болѣе казалось мнѣ страннымъ, что работы, которыя онъ дѣлалъ въ

классъ, отличались невѣрностью, и онъ вообще употреблялъ на нихъ много времени, между тѣмъ какъ работы, сдѣланныя дома, были всегда удовлетворительны. Я имѣю основаніе предполагать, что причиной такой малоуспѣшности Курта была домашняя помощь. Хотя этотъ мальчикъ, вслѣдствіе непродолжительной болѣзни, нѣсколько отсталъ отъ другихъ учениковъ, но, при домашней помощи, онъ, съ его способностями, давно могъ бы ихъ догнать. Слѣдовательно, причина его медленныхъ успѣховъ могла заключаться только въ томъ способѣ, какимъ оказывалась ему эта помощь. Я утверждаю, что «всякая помощь, хотя бы она была и очень нужна ученику, можетъ быть очень опасна; ее нужно употреблять притомъ съ крайнею осторожностью, иначе она можетъ имѣть дурное вліяніе на развитіе ума и характера ученика.» Въ какомъ же случаѣ необходима помощь ребенку? Только въ томъ, когда ученикъ, вслѣдствіе болѣзни или по недостатку умственныхъ способностей, отсталъ отъ своихъ товарищей. Куртъ былъ боленъ и пропустилъ три недѣли. Когда онъ снова вернулся въ школу, гдѣ начали новое дѣйствіе ариѳметики, онъ не могъ уже слѣдить съ пользою за преподаваніемъ. Тутъ помощь была кстати, чтобы возстановить пропущенное ученикомъ, на что не потребовалось бы много времени; но за тѣмъ слѣдовало бы его опять предоставить самому себѣ. вмѣсто того отецъ, какъ онъ говорилъ мнѣ самъ, далъ ему учителя, который помогалъ ему дѣлать задаваемые въ школѣ ариѳметическія задачи, сочиненія и пр. Такимъ образомъ, Куртъ, къ нашему удивленію, приносилъ въ школу очень хорошо написанныя сочиненія, безошибочные переводы и правильно рѣшенные задачи. Возьмемъ самый благоприятный случай, именно тотъ, когда учитель исполняетъ это съ большимъ знаніемъ, заставляя ученика самого выполнять задачи, при чемъ онъ умѣетъ хорошо ставить вопросы, чтобы такимъ образомъ облегчить ему трудъ. Что выйдетъ изъ этого? Мальчикъ работаетъ не самостоятельно, но ожидаетъ, чтобы учитель сперва возбудилъ его къ занятію; самъ онъ не побуждаетъ себя къ дѣятельности, потому что знаетъ, что урокъ, надъ которымъ ему пришлось бы, пожалуй, очень долго думать, можетъ быть скоро исполненъ при помощи домашняго учителя, который вѣдь все равно придетъ. Такой ученикъ будетъ лѣнивъ

на размышленіе и въ школѣ (что замѣчается учителями нерѣдко), онъ будетъ постоянно ждать возбужденія извнѣ, въ котормъ онъ, въ сущности, совершенно не нуждается. Я очень хорошо знаю, что нѣкоторыя матери и нѣкоторые отцы садятся съ ребенкомъ помогать ему въ его урокахъ, съ добрымъ намѣреніемъ заставить его исполнить заданное и образовать изъ него развитаго человѣка. Если я и здѣсь предположу, что всѣ родители имѣютъ на столько ума, что не дѣлаютъ сами части работы своего сына, а только руководятъ имъ въ ея исполненіи, то и въ этомъ счастливомъ случаѣ, помощь дѣйствуетъ совершенно обратно тому, какъ этого желаютъ: именно, она способствуетъ развитію въ ученикѣ лѣни къ размышленію и отнимаетъ охоту къ труду. Вслѣдствіе этого, дѣти не могутъ стать на свои ноги, ихъ самостоятельность исчезаетъ, какъ и вниманіе къ занятіямъ въ школѣ. Ребенокъ какъ во снѣ слушаетъ развитіе какой нибудь идеи или объясненіе задачи; онъ вѣдь знаетъ, что дома ему еще разъ будетъ все хорошо объяснено. Самое же худое состоитъ здѣсь въ томъ, что ребенокъ знакомится съ обманомъ, хотя и въ невинной формѣ, такъ какъ на сдѣланнѣя не имъ работы будутъ смотрѣть въ школѣ, какъ на его собственное произведеніе. Учитель долго не знаетъ, что ребенокъ изображаетъ собою куклу на пружинѣ, приводящуюся въ движеніе другими лицами. Такимъ образомъ ученикъ за ничтожный трудъ получаетъ похвалу и находится самъ въ заблужденіи, будто онъ заслужилъ ее, потому что совѣмъ не чувствуетъ, что въ сущности онъ не самъ сдѣлалъ работу. Учителю въ этомъ случаѣ представляются большія затрудненія; если онъ ничего не знаетъ касательно помощи, оказываемой ученику дома, онъ предполагаетъ, что дитя само дѣлаетъ свои уроки, онъ очень доволенъ имъ и, думая, что онъ понялъ его объясненіе, спокойно идетъ далѣе; слѣдующія работы ребенку тоже удаются, такъ что учитель считаетъ возможнымъ дать ему задачи потруднѣе; между тѣмъ какъ уже первая была ему не по силамъ, такъ что онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ чужой помощи. И такимъ образомъ, дома дѣйствуютъ противно цѣли школы, хотя это было бы и съ добрымъ намѣреніемъ. Вслѣдствіе помощи, оказанной ребенку не встати, изъ него не можетъ образоваться человѣкъ, достигшій до чего нибудь сво-

имъ собственнымъ трудомъ и силою, но—слабохарактерный, котораго можетъ принудить къ работѣ только внѣшнее побужденіе; не мыслитель, но человѣкъ, усвоивающій себѣ все, что ему съ перваго взгляда покажется вѣроятнымъ, и выдающій потомъ это за свое собственное мнѣніе; съ нечестнымъ и не откровеннымъ характеромъ, онъ не постыдится скрыть всѣ съ нимъ случившіяся заблужденія; человѣкъ, который наряжается въ чужія перья, и хорошую мысль, гдѣ либо украденную, выдаетъ за свою собственную.

Многіе родители выражали желаніе, чтобы учителя записывали заданные ихъ дѣтямъ уроки въ особенную книжечку, такъ какъ они часто не знаютъ, что имъ задано. Мы съ охотою взяли бы этотъ трудъ на себя, но принесетъ-ли это дѣтямъ пользу—это другой вопросъ. Будетъ ли ктонибудь впоследствии записывать дѣтямъ ихъ ежедневныя обязанности, или они должны будутъ сами заботиться объ этомъ? У насъ въ школѣ число и свойство уроковъ всегда соотвѣтствуетъ возрасту ученика, такъ что онъ, при надлежащемъ вниманіи, можетъ очень хорошо запомнить что ему задано и выучить. Другое дѣло, если ученикъ самъ ведетъ такую книжечку. Гораздо полезнѣе будетъ для ребенка, если онъ вовсе не сдѣлаетъ заданнаго урока или сдѣлаетъ его дурно и будетъ за это наказанъ, нежели если его будутъ постоянно водить на помочахъ и охранять отъ малѣйшей оступы. Маленькимъ дѣтямъ, разумѣется, надо напоминать иногда о приготовленіи ихъ уроковъ, но и имъ не должно показывать, какъ они должны ихъ дѣлать, что имъ уже будетъ сказано въ школѣ. Часто старшіе дѣти, не задолго до ухода въ школу, сами приходятъ къ отцу или къ матери и говорятъ: «спроси меня, пожалуйста!» Но и въ самой этой просьбѣ уже слышится баловство: это указываетъ, что ребенокъ хочетъ только провѣрить, знаетъ ли онъ свой урокъ, слѣдовательно, онъ самъ въ себѣ еще не увѣренъ. «А развѣ ты самъ не можешь рѣшить, знаешь ли ты свои стихи?» спроситъ каждый разумный отецъ или разумная мать. Если ребенокъ отвѣтитъ «нѣтъ,» то самъ пойметъ, что ему затѣмъ остается дѣлать; если же отвѣтитъ «да,» то провѣрка его знанія тѣмъ болѣе излишня. Кромѣ того, не слѣдуетъ предаваться сладкому заблужденію, будто дитя, котораго добрая маменька

по три по четыре раза провѣряетъ дома,—при чемъ, въ первый разъ онъ отвѣчаетъ плохо, во второй немного лучше, а въ третій весьма посредственно,—будетъ много тверже отвѣчать въ школѣ. Вовсе нѣтъ; дитя полагается на то, что учитель, подобно его доброй баловницѣ маменькѣ, поможетъ ему гдѣ нужно, подсказавъ хотя бы только начальный слогъ слова. Если учитель замѣтитъ ему, что онъ не хорошо знаетъ свой урокъ, ребенокъ сошлется на мать и скажетъ, что она провѣряла его; но при этомъ онъ или давно уже забылъ, или, можетъ быть, совсѣмъ и не замѣтилъ, что мать помогала ему при малѣйшемъ затрудненіи. На основаніи этого, вліяніе матерей, не слишкомъ заботливыхъ,—а такихъ, говоря кстати, не мало,—бываетъ менѣе вредно для дѣтей, чѣмъ вліяніе тѣхъ, которыя въ приготовленіи уроковъ, равно какъ и во всемъ другомъ, постоянно направляютъ ребенка, такъ сказать—водятъ его на помочахъ, и тѣмъ не допускаютъ ни до какой самостоятельности.

Взрослымъ мальчикамъ отнюдь не слѣдуетъ напоминать о заданныхъ имъ въ школѣ урокахъ или о какихъ либо другихъ обязанностяхъ, они сами легко могутъ сосредоточиваться на мысли о добросовѣстномъ ихъ исполненіи; въ достиженіи этого и заключается главная цѣль задаваемыхъ дѣтямъ на домъ уроковъ.

Знанія, которыя ученикъ пріобрѣтаетъ при домашнихъ занятіяхъ, далеко не такъ благотворны и важны, чтобы ради ихъ стоило жертвовать развивающеюся въ немъ способностью продолжать свою *природную* лѣнь,—готовиться къ самостоятельной, свободной дѣятельности и такимъ образомъ развивать въ себѣ добросовѣстность и вѣрность къ своему будущему призванію. Впродолженіе самаго урока эти качества никакимъ образомъ не могутъ привиться къ дѣтямъ; въ это время они и безъ того болѣе способны къ воспріятію, ибо присутствіе учителя, его болѣе или менѣе увлекательное изложеніе, требуютъ отъ нихъ полнаго вниманія. При домашнихъ же своихъ занятіяхъ, они вполне предоставлены самимъ себѣ, и потому, воогласно запасу нравственной силы каждаго, могутъ исполнять ихъ небрежно или старательно. Нецѣлесообразная, въ этомъ случаѣ, помощь родителей ослабляетъ, или даже вполне уничто-

жаетъ благотворное вліяніе самостоятельнаго труда на дѣтскую нравственность.

Ежели для дѣтей способныхъ, по случаю какой либо болѣзни, часто оказывается нужною помощь, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ допустить ее, и на болѣе продолжительное время, для дѣтей менѣе способныхъ; здѣсь этому исключительному воспитанію ставится и цѣль совершенно другая. Даже въ томъ случаѣ, когда возрастъ дѣтей, о которыхъ идетъ рѣчь, не позволяетъ помѣстить ихъ въ нисшій классъ, — хотя бы это и лучше было, — помощь имъ можно допустить не съ цѣлью помогать ученикамъ въ исполненіи ихъ школьныхъ уроковъ, но чтобы подобными же занятіями возбуждать ихъ, и какъ можно болѣе развивать въ нихъ еще дремлющія умственные способности. Если школьныя занятія этихъ дѣтей идутъ плохо, то учитель, по крайней мѣрѣ, знаетъ въ чемъ дѣло и, исполняя свою обязанность, можетъ дать дѣтямъ болѣе наглядныя и ясныя объясненія или задавать имъ уроки болѣе легкіе, соотвѣтствующіе ихъ способностямъ; это для него невысказано, когда дѣти, безъ его вѣдома, находятъ дома всегда готовую помощь. Понятно, что слѣдуетъ отличать помощь дѣтямъ, и поддержку ихъ въ приготовленіи уроковъ, отъ повторенія того, что было пройдено въ школѣ, и что — въ особенности для предметовъ, требующихъ положительныхъ знаній, какъ напримѣръ: географіи и исторіи — не можетъ остаться безъ благотворныхъ послѣдствій.

Такое повтореніе нисколько не препятствуетъ свободной, самостоятельной дѣятельности; напротивъ, повторяя дома то, что рассказывалось въ школѣ (на что, между прочимъ, слѣдовало бы обратить болѣе вниманія, чѣмъ обращается теперь), ученикъ бываетъ вынужденъ ясно и отчетливо запоминать рассказанное. При правильномъ требованіи этого со стороны родителей, такое ежедневное самоиспытаніе ребенка будетъ поощрять его къ вниманію, а слѣдовательно и благотворно дѣйствовать на всю его умственную дѣятельность.

ХІІІ.

Такъ какъ время поступленія Макса въ школу все болѣе приближается, то я считаю себя въ правѣ обратить ваше вни-

маніе на одно неудобство, причиняющее мнѣ ежегодно новую заботу и новый трудъ. Именно, я имѣю обыкновеніе разузнавать у родителей о свойствахъ и недостаткахъ характера вновь поступающихъ воспитанниковъ, чтобы соображаться по этому съ мѣрами воспитанія. Мнѣ пріятно было бы знать не только всѣ недостатки ученика, но и вообще все, что до него касается; это избавило бы какъ меня, такъ и родителей, отъ многихъ заботъ и затрудненій; тѣмъ болѣе, что желаніе родителей скрыть отъ воспитателей недостатки своихъ дѣтей имѣетъ часто самыя печальныя послѣдствія. Я увѣренъ, что родители, отдавая своихъ дѣтей въ какое-нибудь заведеніе, поступаютъ такъ съ тѣмъ убѣжденіемъ, что здѣсь именно употребятъ всѣ средства, чтобы образовать изъ мальчика порядочнаго человѣка, не только со стороны познаній и способностей, но и со стороны развитія его характера. Но незнаніе всего, касающагося характера вновь принимаемаго питомца, сильно затрудняетъ дѣятельность учителей въ отношеніи къ каждому изъ учениковъ. Недостатокъ знаній и способностей легко обнаружится; нравственные же недостатки труднѣе узнаются: новизна мѣста, лицъ и вообще всей обстановки ставитъ cadaго вновь поступившаго ученика въ необходимость строго слѣдить за собой, а чрезъ то казаться лучше, чѣмъ онъ въ дѣйствительности есть;—впрочемъ надо замѣтить также, что большею частью ученикъ поступаетъ въ школу съ добрыми намѣреніями. Непривычная для него новизна всего окружающаго держитъ его въ нѣкоторомъ напряженіи и такъ поглощаетъ его вниманіе, что невыгодныя стороны его характера не имѣютъ еще случая выказаться. Только сроднившись съ обстановкой, является онъ такъ, какъ онъ есть. Если же тогда жалуются на него за его шалость, лѣность или невниманіе, то воспитатель приходитъ въ недоумѣніе—считать ли эти недостатки только преходящимъ явленіемъ случайности, или они уже глубоко вкоренились въ мальчикѣ; онъ не знаетъ, какъ о немъ судить и какъ съ нимъ поэтому обходиться. Снисходительное обхожденіе укрѣпило бы его еще болѣе въ вышеупомянутыхъ недостаткахъ, между тѣмъ какъ строгое наказаніе легко могло бы быть несправедливостью. Такъ всегда и случается, когда воспитатель не имѣетъ возможности узнать особенностей, свойственныхъ характеру cadaго вновь поступающаго ученика;

у него одинъ опытъ въ ресурсѣ, и онъ только послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго времени узнаетъ своего питомца. А между тѣмъ въ этотъ столь важный и благопріятный для воспитанія періодъ вступленія въ новую обстановку, не мало можно повредить всему дѣлу воспитанія, если не воспользоваться тѣми средствами, которыя могли бы наставить мальчика на истинный путь. Но еще хуже, когда родители, отдавая своего сына въ школу и описывая его характеръ, умалчиваютъ о нѣкоторыхъ его недостаткахъ, изъ ложнаго ли стыда, или же потому, что считаютъ ихъ крайне неважными. Я же съ своей стороны, предполагая, что родители вполне описали мнѣ ребенка, составляю себѣ, на основаніи этого, планъ воспитанія; и только много недѣль или даже мѣсяцевъ спустя, узнаю, что у ребенка были недостатки, о которыхъ мнѣ его родители не говорили, и которые могли еще болѣе укрѣпиться въ немъ тѣмъ обращеніемъ, которымъ онъ пользовался во все это время.

Правда, что коренные недостатки дѣтей служатъ часто прямымъ обвиненіемъ ихъ воспитателей, и въ особенности ихъ первоначальныхъ воспитателей, какъ-то: матерей, бабушекъ, тетушекъ и мамушекъ.

Но тѣмъ не менѣе я думаю, что стыдъ со стороны родителей—открывать недостатки своихъ дѣтей лицамъ, которымъ они поручаютъ ихъ дальнѣйшее воспитаніе,—совершенно ложный. Каждый докторъ имѣетъ право строго требовать отъ пользующихся у него подробнаго описанія состоянія ихъ здоровья, хотя бы это и принуждало больныхъ сознаться въ томъ, что они сами неосторожностью или невоздержностью причинили себѣ болѣзнь. Ложный стыдъ могъ бы въ этомъ случаѣ надѣлать много вреда, ибо докторъ употреблялъ бы тогда невѣрные средства. Точно также бываетъ и въ воспитаніи. Если родители не открываютъ всѣхъ недостатковъ своихъ дѣтей, даже тѣхъ, которые развились въ нихъ въ домашней жизни отъ примѣра родителей, то воспитателю невозможно удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя вы въ правѣ ему предъявить. Ни одинъ благоразумный человѣкъ не скроетъ отъ доктора своего состоянія, думая, будто докторъ самъ долженъ все узнать чрезъ изслѣдованіе. Такимъ же точно довѣріемъ долженъ бы пользоваться и воспитатель.

Гораздо менѣе заботъ доставляли мнѣ дѣти, родители которыхъ не стѣсняясь открывали мнѣ всѣ ихъ невыгодныя стороны, и даже сознавались, что сами, по своей винѣ, развили въ нихъ какіе либо недостатки (жадность, тщеславіе и т. п.), чѣмъ тѣ, которыхъ представляли мнѣ ихъ въ видѣ непорочныхъ ангеловъ. Первыхъ; когда случалось имъ провиниться, я скоро опять обращалъ на путь истинный. За то я всегда страшусь, когда родители отзываются о своемъ сынѣ, какъ о такомъ ангелѣ, отъ котораго они, будто бы, *никогда* не слыхали ни одного лживаго слова. Съ такими-то ангелами большею частью гораздо больше хлопотъ, чѣмъ съ тѣми, о которыхъ я выше говорилъ. Изъ этого я заключаю, что родители первыхъ смотрѣли на недостатки своего ребенка не ослѣпленными глазами, тогда какъ родители послѣднихъ, будучи слѣпы и глухи къ ихъ недостаткамъ, видѣли ихъ хорошія качества сквозь увеличительное стекло.

Всего непріятнѣе, когда приходится принимать мальчика, представляемаго намъ какъ идеаль правдивости, между тѣмъ какъ онъ уже изоцрялся во лжи. Въ такомъ именно положеніи я нахожусь теперь съ однимъ изъ своихъ питомцевъ. Такъ какъ мнѣ ничего не сообщили о лживости мальчика, то я долженъ былъ вполне довѣрять ему; а онъ, пользуясь этимъ, долгое время меня обманывалъ. Если бы онъ былъ новичекъ во лжи, то попался бы при первомъ покушеніи на нее, потому что только опытный лжець достигаетъ той степени увѣренности, что можетъ не выдать себя выраженіемъ лица и не запутываться въ противорѣчіяхъ. Это доказываетъ между прочимъ, что лживость никогда не бываетъ единственнымъ недостаткомъ ребенка, такъ какъ ложь помогаетъ ему скрывать другіе его проступки и недостатки. Лгунъ всегда кажется лучше, чѣмъ онъ въ дѣйствительности есть, и тѣ, которые не вполне его знаютъ, относятся къ нему съ довѣріемъ; а это-то довѣріе и имѣетъ часто самыя дурныя послѣдствія, потому что укрѣпляетъ его въ его пороки.

Постараюсь показать вамъ, какъ дѣти постепенно могутъ стать на самую нисшую ступень нравственности, и какъ много бываютъ виноваты въ этомъ сами воспитатели; при этомъ я укажу вамъ немедленно тотъ путь, которымъ вы можете оградить вашего Макса отъ подобнаго порока.

XIV.

Я нахожу совершенно естественнымъ, что васъ встревожило то, что я сообщилъ вамъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ. Я этому очень радъ, потому что этимъ вы еще разъ доказываете мнѣ, какъ горячо вы принимаете къ сердцу интересы вашего сына. Мнѣ гораздо менѣе понравилась однажды одна мать, которую я просилъ къ себѣ, чтобы передать ей нѣчто нерадостное о ея сынѣ. Дѣло состояло въ томъ, что онъ взялъ у своихъ родителей денегъ и употребилъ ихъ на разнаго рода ненужныя вещи въ свою пользу. «Только то?»—сказала мнѣ успокоившись мать; «а я думала не заболѣлъ ли онъ!»—«Гораздо лучше было бы ему заболѣть, но не дѣлать этого», отвѣтилъ я, и вѣрно показался ей очень жестокимъ человѣкомъ.

Совершенно понятно, что вы укоряете меня въ преувеличеніи послѣдствій первой лжи. Но я, съ своей стороны, долженъ еще указать вамъ, какъ дѣти образованныхъ родителей, не довольно серьезно смотрящихъ на первое проявленіе лжи, могутъ мало по малу дойти до очень серьезной испорченности.

Родители часто жалуются на то, что дѣти ихъ, всегда правдивые, вдругъ начинали упорно лгать. Но этого быть не можетъ. Дѣло только въ томъ, что родители прежде не довольно строго или вовсе даже не слѣдили за ребенкомъ; да и гдѣ же имъ было обращать вниманіе на такія «мелочи», когда они были заняты болѣе важными дѣлами! Поэтому дѣти часто обманывали ихъ, и родители, открывъ неожиданно лживость своего ребенка, остаются при томъ заблужденіи, что онъ внезапно измѣнился и разомъ такъ сильно испортился. Только первую *основу* нравственнаго паденія можно положить сразу, а потому и надо преслѣдовать строго въ дѣтскомъ сердцѣ склонность къ дурному, при первомъ ея появленіи. Это такъ же важно, какъ и трудно, потому что зародыши зла такъ глубоко скрыты въ душѣ, и проявляются въ такой невинной формѣ, нерѣдко даже возбуждающей похвалу, что родителямъ и воспитателямъ кажется жестокимъ и педантичнымъ изъ за этого отказывать въ чемъ ребенку, бранить или наказывать его. А между тѣмъ это необходимо, имѣя въ виду не одно только настоящее, но и бу-

дущее ребенка, и зная, что иногда отъ маленькаго огонька загорается громадный лѣсъ.

Маленькія дѣти, едва только начинающія говорить, рассказываютъ иногда удивительныя вещи, перепутывая при этомъ время, мѣстность происшествія и даже самые факты. Это, разумѣется, совершенно невинно и не можетъ назваться ложью. Родители и всѣ окружающіе ребенка забавляются этимъ, потому что дѣйствительно премило выходятъ иногда самыя комическія сопоставленія. А между тѣмъ, не смотря на эту видимую невинность, и тутъ уже можетъ быть положено воспитателями основаніе лжи. Дѣйствительно, весьма часто вопросами поощряютъ ребенка повторять передъ другими его сплетенные рассказы, чтобы и имъ доставить подобное же удовольствіе. Всѣ отъ души смѣются и счастливая мать нерѣдко награждаетъ своего ребенка поцѣлуемъ.

Представивъ себѣ, что это повторяется часто; вы согласитесь со мною, что ребенокъ мало по малу начнетъ замѣчать, что его выдумка забавляетъ другихъ. Если это хоть сколько нибудь смысленный ребенокъ, то онъ скоро самъ привыкнетъ искажать съ намѣреніемъ то, что съ нимъ случилось, чтобы этимъ легкимъ способомъ заслужить расположеніе всѣхъ его окружающихъ. При нѣкоторой наблюдательности, такихъ дѣтей встрѣтишь нерѣдко; но это умышленное искаженіе истины не бываетъ уже такъ дѣтски наивно и комично, какъ первыя, бессознательныя выдумки. Тутъ невольно вспоминаешь слова Гёте: *Man fühlt die Absicht und wird verstimmt* *). Родители дѣйствительно раздражаются, замѣтивъ наконецъ въ ребенкѣ слѣды ихъ первоначальной системы воспитанія, и ихъ пустыхъ занятій съ ними. За этимъ открытіемъ слѣдуютъ неизбѣжно выговоры и даже наказанія; матери большею частью употребляютъ въ дѣло угрозы, а иногда и легкіе шлепки, при чемъ онѣ сами едва сдерживаютъ улыбку; и думаютъ такими то средствами приучить ребенка къ правдивой передачѣ фактовъ! Поступая такъ, онѣ вдвойнѣ несправедливы. Позволяя ему сначала комическое искаженіе фактовъ и неправильное употребленіе словъ, отчасти даже поддерживая его въ этомъ, онѣ положи-

*) Чувствуя намѣреніе, раздражаешься.

тельно затрудняютъ для него во первыхъ ясное пониманіе всего окружающаго, во вторыхъ усвоеніе различныхъ впечатлѣній и правильнаго выговора. Такія дѣти, несмотря на всю ихъ умственную живость, оказываются впослѣдствіи въ школѣ туманными головами: они смѣшиваютъ справедливое съ ложнымъ, потому что съ ранней молодости ихъ не приучали отличать правды отъ вымышленнаго, а напротивъ съ намѣреніемъ не разъясняли имъ этого для удовольствія другихъ.

Нравственный вредъ вышеописаннаго воспитанія еще гораздо больше. Если ребенокъ, съ которымъ такъ обращались, утратить тонкое чувство правдивости, врожденное собственно всѣмъ дѣтямъ, то это еще наименьшее зло; еще хуже, если онъ съ малолѣтнаго возраста научится заслуживать разными шутливыми неправдами расположеніе окружающихъ его и такимъ образомъ привыкнетъ извлекать для себя пользу изъ лжи. На пятомъ или шестомъ году, ребенокъ становится непріятенъ своими шутками, но привычка такъ уже глубоко укоренилась въ немъ, что онъ, во избѣжаніе чего нибудь непріятнаго для себя, принимается за свое дѣло только съ большею обдуманностью и съ большимъ искусствомъ.

Итакъ, Милостивая Государыня, какъ бы наивны ни были неправдивые рассказы вашего сына, не возбуждайте его къ нимъ изъ личнаго удовольствія; эти наивныя выраженія безъ того будутъ часто повторяться. Старайтесь напротивъ пояснить вашему еще маленькому Максу то, что онъ по ошибкѣ невѣрно рассказывалъ. Такимъ образомъ вы не только образовываете его разумъ, но и сохраняете въ немъ неиспорченный нравъ, единственный источникъ наивныхъ проявленій.

Во всемъ вышесказанномъ ясно видно было, что только внѣшнее вліяніе отклонило шаги ребенка съ пути истины. Однако я имѣлъ случай видѣть примѣры, какъ дѣти въ самомъ юномъ возрастѣ, не видя никакого дурнаго примѣра, сами по себѣ привыкли извлекать для себя пользу изъ неправдивости. Такъ на примѣръ, я зналъ одного мальчика, которому еще не было двухъ лѣтъ, и который изъявлялъ разнаго рода потребности для того только, чтобы заставить подойти къ нему его «Адду» (такъ онъ называлъ свою няню). До подобной хитрости онъ дошелъ путемъ собственнаго опыта. Хотѣлось ли ему

выйти из своей кровати, или из дѣтской телѣжки, онъ прибѣгалъ къ этому и, къ сожалѣнію, очень успѣшно, до тѣхъ поръ, пока не пришлось ему испытать серьезной неудачи. Въ *устыль*-то и заключается рѣшеніе загадки о нравственной испорченности столькихъ людей, испорченности, которая иногда заходитъ такъ далеко, что не даетъ имъ высказать ни одной правдивой фразы. Маленькій мальчикъ, о которомъ была рѣчь, хотя еще не понималъ, что ложь безнравственна, но за то успѣлъ уже приобрести частымъ опытомъ приятное для себя свѣдѣніе, что съ помощью неправды онъ можетъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, исполнять свою собственную волю. Если бы ему позволили дѣйствовать такъ далѣе, то онъ, вѣроятно, при большей зрѣлости разсудка, нашелъ бы способъ еще иначе примѣнять свою систему дѣйствій. Онъ убѣдился бы, что неправдивость есть весьма легкое и удобное средство къ достиженію своей цѣли, не находилъ бы въ этомъ ничего предосудительнаго, и тогда уже чувство правдивости возбуждалось бы въ немъ съ очень, очень большимъ трудомъ.

Легковѣріе родителей, въ особенности матерей, и нежеланіе ихъ утруждать себя (*ihre Bequemlichkeit*)— суть средства, всего болѣе облегчающія для дѣтей ложь и затрудняющія развитіе въ нихъ чувства любви къ истинѣ. Чтобы не дать вамъ возможности понять меня превратно, повторяю еще разъ, что я теперь разумѣю только тѣхъ дѣтей, которыя не сознаютъ еще всей безнравственности, заключающейся въ неправдивыхъ разсказахъ. Такъ на примѣръ, маленький мальчикъ, рассказывая своимъ товарищамъ о своихъ играхъ, передаетъ имъ совершенно баснословныя выдумки; воображеніе его возбуждено до того, что онъ изъ мухи дѣлаетъ слона. Мать или вѣритъ ему вполнѣ, или, замѣчая отчасти утрировку, считаетъ это обстоятельство слишкомъ незначительнымъ и невиннымъ, чтобы вмѣшиваться съ своимъ замѣчаніемъ; а, можетъ быть, хочетъ дать высказаться вполнѣ мальчику-болтуну, чтобы скорѣе отъ него отвязаться. Многимъ матерямъ такое преувеличиваніе со стороны дѣтей доставляетъ даже особенное удовольствіе, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что мальчикъ, который въ разсказѣ своемъ представляетъ полную свободу фантазіи, передать всякое происшествіе гораздо интереснѣе,

чѣмъ тотъ, который будетъ разсказывать одни только сухіе факты.

Какія же бывають послѣдствія такого поведенія воспитателей? Во первыхъ то, которое мы уже представляли выше, а именно: недостатокъ развитія въ мальчикѣ тонкаго чувства правдивости. Во вторыхъ, оно сдѣлаетъ ему неяснымъ понятіе о незаконности лжи. Затѣмъ, такого рода веденіе ребенка имѣетъ дурное вліяніе на его образъ сужденія онъ будетъ смотрѣть на все съ пристрастной точки зрѣнія, соображаясь съ нею въ своихъ разсказахъ, и никогда поѣтому не приобрѣтетъ объективнаго, безпристрастнаго взгляда на вещи, но будетъ смотрѣть на все сквозь свои прикрашенные очки.

Нравственный же ущербъ, причиняемый такимъ нерадѣніемъ воспитателей, еще значительнѣе. Несмотря на то, что склонность дѣтской фантазіи къ прикрашиванію пережитой ими дѣйствительности не имѣетъ въ своемъ основаніи ничего дурнаго, дитя всетаки привыкаетъ, такимъ образомъ, сначала совершенно безсознательно, а впослѣдствіи и съ сознаніемъ, разсказывать неправду, не стыдясь и не краснѣя нисколько; оно понемногу все болѣе втягивается въ это и наконецъ не можетъ уже передать самаго простаго происшествія вполне согласно съ истиной. Тогда только замѣчаютъ воспитатели плоды своего обращенія съ дѣтьми. Одна мать упрекала однажды своего сына въ томъ, что онъ украсилъ разнаго рода варіаціями какое-то самое незначительное происшествіе, при которомъ и она присутствовала; а мальчикъ отвѣчалъ ей: «хорошо; но если я не прикрашу, тебѣ не понравится». Спѣшу замѣтить, что всѣ приведенные мною примѣры—не вымышленные факты, а въ дѣйствительности при мнѣ случившіеся. Упомянутой матери, вѣрно, правилась привычка ея сына все сочинять и прикрашивать; она поощряла его въ этой привычкѣ, думая, можетъ быть, что этимъ высказывается въ немъ талантъ къ авторству. Однако пришло время, когда она замѣтила, что этотъ талантъ черезъ чуръ уже развивается въ ея сынѣ.

Такія дѣти не только могутъ впослѣдствіи сдѣлаться хвастунами, самохвалами и т. п., людьми, искажающими истину съ цѣлью блеснуть въ свѣтѣ своимъ разсказомъ и своими способностями, но они запутаются наконецъ въ такія обстоятельства, ко-

торыя поставятъ ихъ въ невозможность говорить правду. Это покажется неправдоподобнымъ тѣмъ, которые не наблюдали за такими людьми. Когда мнѣ говорили, что такой-то господинъ не говоритъ ни единого правдиваго слова, я считалъ это за пустое преувеличиваніе и не вѣрилъ, пока самъ не получилъ подобнаго ученика. Каждое изъ его показаній было лживо; онъ большею частью говорилъ на перекоръ тому, что было въ дѣйствительности; въ немъ положительно образовался непреодолимый духъ противорѣчія, и онъ всегда лгалъ, даже когда эта ложь не приносила ему никакой пользы. Послѣ долгаго, осторожнаго съ нимъ обращенія, первая степень исправленія замѣтна была уже въ томъ, что онъ хотя и лгалъ еще, по старой привычкѣ, но вслѣдъ за тѣмъ поправлялъ себя, говоря: «нѣтъ, это неправда.»

Во всѣхъ приведенныхъ мною въ этомъ письмѣ примѣрахъ, воспитатели виноваты только отрицательно: они не вызывали ребенка на ложь, но только не пользовались случаемъ пробудить въ немъ любовь и уваженіе къ правдѣ, или, иначе сказать, оставляли душу ребенка—въ нейтральномъ состояніи, не поселяя въ ней ни отвращенія къ лжи, ни любви къ правдѣ. Но какой громадный вредъ причиняется этимъ!

Положимъ, что питомцы подобныхъ воспитателей не сдѣлаются злонамѣренными лгунами, но они много теряютъ со стороны способности сужденія, ихъ чувство сознанія истины и справедливости притупляется, и они въ состояніи надѣлать непомѣрно много зла, какъ себѣ, такъ и другимъ. Каждый лжець, при началѣ, не можетъ еще быть приписанъ къ разряду тѣхъ людей, которые лгутъ съ злымъ намѣреніемъ, но они пока стоятъ еще въ ряду тѣхъ, которые, не убѣдившись въ незаконности лжи, сначала шутятъ этимъ по привычкѣ, а впослѣдствіи привыкаютъ извлекать для себя изъ этого возможную выгоду.

XV.

Сегодня я прежде всего постараюсь показать вамъ, какъ часто родители, совершенно ненамѣренно и безсознательно, вызываютъ своихъ дѣтей на ложь, и сами облегчаютъ и укрѣпляютъ ее въ ней. Причина этому заключается въ *недостаткѣ*

строгости при исполненіи своей обязанности, не только относительно дѣтей, но и относительно самихъ себя, и въ нежеланіи утомить себя, занимаясь воспитаніемъ, а также въ боязни узнать при этомъ что-либо для себя непріятное. Оговариваюсь впередъ, что я имѣю въ виду не только ложь словесную, но и ту, которая выражается въ поступкахъ, какъ-то: обманъ, притворство и лицемѣріе.

Дѣти весьма легко обучаются обманывать; но ихъ почти насильно доводятъ до этого въ тѣхъ домахъ, гдѣ слишкомъ много требуютъ отъ нихъ, больше даже, чѣмъ ребенокъ можетъ исполнить, и гдѣ весьма рѣдко или даже никогда не удостоверяются, въ самомъ ли дѣлѣ ребенокъ сдѣлалъ то, что ему приказано. Но такое излишнее требованіе и запрещеніе всего незаконнаго дѣлается всегда съ наилучшимъ намѣреніемъ, ибо этимъ хотятъ удержать ребенка на пути истинномъ, и оградить его отъ всякой возможной ошибки. Въ особенности свойственно это слишкомъ заботливымъ матерямъ, которыя не знаютъ, что такимъ именно способомъ онѣ и отклоняютъ ребенка отъ прямого пути. Я уже прежде имѣлъ случай замѣтить, что слишкомъ большія требованія затрудняютъ дѣтямъ *повиновеніе*—имъ трудно запомнить всѣ запрещенія, а слѣдовательно и невозможно добросовѣстно исполнить всѣ требованія.

Я намѣренъ теперь объяснить вамъ—какимъ образомъ дѣти дѣлаются обманщиками и лгунами, вслѣдствіе многосторонняго и постояннаго ограниченія ихъ личной свободы. Сначала мальчикъ исполняетъ охотно приказанія матери; но когда эти приказанія сыплются на него градомъ, то, при всей его доброй волѣ, ему невозможно повиноваться имъ. Притомъ онъ и самъ скоро замѣтитъ, что они не имѣютъ большаго значенія, потому что тѣ матери, которыя, повидному, держатъ своихъ сыновей въ ежовыхъ рукавицахъ, въ сущности весьма рѣдко въ состояніи прослѣдить, поступилъ ли ребенокъ согласно ихъ приказанію или нѣтъ. У нихъ слишкомъ мало на то времени, да онѣ и сами часто не помнятъ, что онѣ сказали. Поэтому и не надо удивляться, когда ребенокъ, это крошечное созданіе, маленькій человѣчекъ, уже не стѣсняется материнскими приказаніями: или совсѣмъ не обращаетъ на нихъ вниманія, или слушаетъ только одно изъ нихъ и, исполнивъ его нехотя и дурно, спѣ-

шить возвратиться къ своимъ играмъ. Онъ замѣчаетъ, что мать совсѣмъ не смотритъ на это *такъ серьезно*, и знаетъ, что если ей и случится когда нибудь замѣтить дурно исполненную, или даже вовсе не исполненную работу, то она поворчитъ только немного на непослушнаго ребенка, побранитъ его, и все таки *сама* за него все сдѣлаетъ. Ребенокъ учится такимъ образомъ обману, потому что неоткрытое и не наказанное непослушаніе есть уже первое начало его: онъ обманулъ мать, которая ожидала, что найдетъ работу исполненною.

Продолжая дѣйствовать съ такимъ же небрежнымъ и слабымъ наблюденіемъ за исполненіемъ своихъ приказаній, воспитатели затрудняютъ все болѣе и болѣе повиновеніе ребенку, и приучаютъ его къ мысли, что онъ можетъ удовлетворять требованію, исполняя работу только на половину, или даже показывая видъ, что исполняетъ ее. Такъ развивается въ ребенкѣ лѣнь, и онъ подъ конецъ не станетъ уже пренебрегать никакими средствами, чтобы только избавиться отъ докучливаго труда; онъ станетъ исполнять его только въ половину, или даже совсѣмъ *не исполнять*, а, *поручивъ это кому нибудь другому*, выдаетъ послѣ за свое собственное дѣло.

Итакъ повторяю, что небрежность въ надзорѣ за исполненіемъ заданнаго дѣла и излишнія требованія—не только затрудняютъ для ребенка повиновеніе, но и приучаютъ его прибѣгать къ незаконнымъ средствамъ, слѣдовательно къ обману.

«Пойдемъ гулять!» говоритъ однажды мать своему сыну; но вдругъ вспоминаетъ, что должна прежде справиться—приготовилъ ли мальчикъ свои школьные уроки. Ей было бы весьма неприятно узнать теперь, что они еще не исполнены; это разстроило бы не только прогулку, но и измѣнило бы теченіе всего дня. Во избѣжаніе этого неудовольствія, мать говоритъ ему, не сознавая хорошенько сама, какое впечатлѣніе должны произвести ея слова: «школьные твои уроки ты, вѣроятно, уже приготовилъ?»—«Да»—отвѣчаетъ ребенокъ, и не можетъ дать другаго отвѣта, когда ясно видитъ, что *сказавъ «нѣтъ»*, онъ поразитъ свою мать слишкомъ неприятною неожиданностью. Изъ искренняго чувства любви къ ней, онъ не хочетъ этимъ огорчить ее; поэтому онъ лжетъ, и въ данную минуту обѣ стороны довольны результатами своихъ словъ. Мать чувствуетъ,

что совѣсть ея покойна, потому что она освѣдомилась о исполненіи школьныхъ уроковъ; а сынъ, избѣгнувъ непріятной сцены, вѣроятно, совершенно безсознательно успокоивается мыслью, что мать не желала получить другаго отвѣта. Очевидно, что она сама навела своего сына на ложь своимъ косвеннымъ вопросомъ.

Весьма часто случается, что отцы, а въ особенности матери, боятся открыть въ своемъ ребенкѣ что либо для нихъ непріятное, а потому, не замѣчая этого, ставятъ свои вопросы такъ, что они заключаютъ въ себѣ желаемые отвѣты, и этимъ они сами подаютъ дѣтямъ поводъ лгать и способствуютъ такимъ образомъ развитію въ нихъ этого порока.

Здоровымъ и хорошо воспитаннымъ дѣтямъ всегда непріятно, когда родители тревожатся за малѣйшее ихъ нездоровье и представляютъ себѣ разнаго рода опасности. Но не смотря на это, легко можно довести дѣтей до того, что они будутъ сказываться больными изъ какой нибудь личной выгоды. «Что съ тобою? ты такой блѣдный; у тебя вѣрно опять голова болитъ?» Такъ говорятъ обыкновенно всѣ боязливыя матери, и не могутъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока Павлуша или Карлуша не скажетъ: «да, невозможно;» и тогда уже волей или неволей онъ *долженъ* сознаться въ какой нибудь изъ предполагаемыхъ въ немъ болѣзней. Послѣ этого, разумѣется, въ школу ему идти никакъ нельзя, о приготовленіи уроковъ и говорить нечего и т. п. Какъ ни непріятно мальчикамъ вообще казаться болѣзненными, но излишняя заботливость матерей наводитъ ихъ часто на мысль *притворяться*, т. е. сказываться нездоровымъ при какомъ нибудь удобномъ случаѣ, напримѣръ, ради какого нибудь непріятнаго для него испытанія въ школѣ. Плачевный видъ лица, легкая зубная боль, или что нибудь въ этомъ родѣ, выводятъ его изъ бѣды, и онъ сверхъ того еще пользуется той выгодой, что ему, какъ *больному* ребенку, позволяютъ гораздо больше, даютъ лишній сладенькій кусочекъ, лишнее лакомство, и во всемъ исполняютъ его волю. Если только хоть разъ удастся ребенку счастливо разыграть такую комедію, то путь къ дальнѣйшимъ обманамъ для него уже проложенъ. А какъ часто бываютъ подобные случаи! Дѣти жалуются, что у нихъ слишкомъ много уроковъ въ школѣ, тогда какъ они сами накопили ихъ много изъ

лѣности или перадѣнія. Они жалуются на трудность уроковъ, обвиняютъ учителей въ недовольно ясномъ объясненіи; между тѣмъ какъ они ихъ не поняли только чрезъ свое невниманіе. Вслѣдствіе этого, часто приходится слышать отъ матерей и отцовъ не слишкомъ лестные отзывы о школѣ. На сколько рѣже случались бы подобные факты, если бы отцы и матери не боялись взять на себя трудъ освѣдомиться гдѣ нужно о сущности дѣла при какихъ нибудь сомнительныхъ случаяхъ! Пока ребенокъ знаетъ, что дома никто не имѣетъ времени повѣрить истину его разсказовъ, онъ будетъ все смѣлѣе и смѣлѣе пускаться на разнаго рода риски. Такъ напримѣръ, одинъ мальчикъ, получивши неудовлетворительный аттестатъ, объяснилъ своей матери, что это ошибка учителя, и что аттестатъ этотъ былъ написанъ не для него, а для другаго мальчика. Мать вполне повѣрила его словамъ. Она не считала это дѣло на столько важнымъ, чтобы потрудиться разузнать о немъ въ школѣ. Какъ часто случается, что дѣти, возвратясь поздно изъ школы, оправдываются тѣмъ, что учитель толковалъ съ ними послѣ урока; тогда какъ они путешествовали въ это время неизвѣстно гдѣ, но только не были въ школѣ. Смѣлость этихъ дѣтей во лжи происходитъ отъ увѣренности, что никто *не узнаетъ* правду ли они сказали. Но это только немногіе изъ слабѣйшихъ случаевъ обмана; при нѣкоторой наблюдательности можно найти ихъ множество.

Итакъ, недостатокъ строгости, снисходительность, или, лучше сказать, слабость родителей утверждаютъ дѣтей во лжи и даютъ имъ смѣлость обманывать съ большою увѣренностью, иногда даже въ ущербъ доброй славы другихъ.

Многіе родители, наоборотъ, считаютъ необходимымъ строго обращаться съ дѣтьми и, разъ замѣтивъ ихъ во лжи, постоянно относятся къ нимъ съ недовѣріемъ. Они считаютъ это самымъ дѣйствительнымъ наказаніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшимъ средствомъ исправленія. Но такое обращеніе не есть все таки доказательство строгости родителей; оно, напротивъ, обнаруживаетъ ихъ слабость, такъ какъ мы знаемъ, что принимать каждое слово ребенка сурово и недовѣрчиво легче, чѣмъ разбирать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ—говорилъ ли ребенокъ правду или нѣтъ.

Постоянное недоверіе нимало не содѣйствуетъ исправленію лгуна, но, напротивъ, поддерживасть его еще болѣе во дни; ибо упорное недоверіе можетъ наконецъ показаться ребенку недостаткомъ любви со стороны родителей. Онъ станетъ равнодушнѣе къ ихъ приговору; отъ равнодушія перейдетъ къ упорному сопротивленію, и остановится наконецъ на мысли: «вы мнѣ не вѣрите, вы считаете меня за изощрившагося лгуна, стало быть, васъ и нужно обманывать». Недостатокъ уваженія къ родителямъ, на который эти послѣдніе такъ часто жалуются и которому сами подають поводъ, дѣлаетъ то, что дѣти не только позволяютъ себѣ въ отношеніи къ нимъ различныя неприличныя выраженія, перебываютъ ихъ на словѣ, но также и лгутъ относительно ихъ.

Они считаютъ родителей равными себѣ, позволяютъ себѣ противъ нихъ много несправедливыхъ обвиненій, обдумываютъ для себя оправданія и противорѣчатъ всему, что только скажутъ родители. Кому не случалось встрѣчать дѣтей, поступающихъ такимъ недостойнымъ образомъ! Матери, по самой природѣ, всего больше подвергаются этому неприятому положенію, потому что большее уваженіе, которымъ вообще—хотя также не безъ исключенія—пользуются отцы, само по себѣ принуждаетъ дѣтей обращать большее вниманіе на свои слова и быть правдивѣе.

Я буду очень доволенъ, если этимъ письмомъ укрѣплю въ васъ убѣжденіе, что благо и несчастіе вашего сына въ вашихъ рукахъ, и что вамъ придется отдавать отчетъ въ его нравственности.

XVI.

«Мой Павелъ не лжетъ!» сказалъ мнѣ однажды одинъ отецъ, когда я не хотѣлъ вѣрить жалобамъ его сына на другихъ мальчиковъ. Подобно этому отцу и многіе родители говорятъ: «мой ребенокъ не лжетъ.» Они подразумѣваютъ подъ этимъ несознаніе, отсутствіе признанія въ сдѣланномъ поступкѣ. *Въ этомъ* смыслѣ у меня также не было доказательствъ, что этотъ мальчикъ лжетъ; но я хорошо зналъ, что онъ преувеличиваетъ и, жалуясь на кого нибудь изъ своихъ товарищей, не совсѣмъ справедливо рассказывалъ объ обидѣ. Странное дѣло, что многіе ро-

дители ложью называютъ только «несознаніе въ проступкѣ,» а другія неправдивости они не замѣчаютъ, если только дѣти въ отношеніи къ нимъ всегда говорятъ правду. Родители всегда имѣютъ полное право радоваться, когда они увѣрены, что ихъ дѣти «ничего не скрываютъ.» Но бываютъ также случаи, когда эта откровенность дѣтей обнаруживаетъ невыгодную сторону ихъ характера; именно, когда они, не затрудняясь нисколько и не краснѣя, сознаются въ какомъ нибудь проступкѣ; когда они становятся совершенно равнодушны къ безнравственности своихъ дѣйствій, что можетъ дойти наконецъ до того, что они будутъ открыто, безъ малѣйшаго страха, хвастаться самыми постыдными поступками.

Эта «откровенность» вообще считается повсюду хуже несознанія въ какомъ нибудь проступкѣ и называется «наглостію.»

Несознаніе есть еще одна изъ слабѣйшихъ формъ лжи, которую скорѣе еще можно извинить, потому что она происходитъ отъ страха. Главнымъ поводомъ къ этому служитъ излишняя и неумѣстно примѣняемая строгость. Если мальчикъ, разбившій какую нибудь любимую вещь отца или матери, знаетъ, что ему предстоитъ за это жестокое наказаніе, онъ не сознается при допросѣ. Въ первый разъ ему это, конечно, трудно и онъ съ большою борьбой рѣшается говорить неправду; его замѣшательство и краска въ лицѣ выдаютъ его. Въ слѣдующіе разы это уже дѣлается легче, и онъ, даже въ томъ случаѣ, если его несознаніе обнаружилось, все таки не воздержится отъ лжи, если его отецъ въ подобныхъ случаяхъ будетъ обходиться съ нимъ съ тою же строгостью. Онъ будетъ считать ложь за лучший исходъ, будетъ стараться усовершенствоваться въ ней, и достигнетъ наконецъ того, что съ совершеннымъ спокойствіемъ духа будетъ выдерживать испытующій взглядъ отца, упорствуя въ несознаніи. Это достигаетъ такихъ же размѣровъ, какіе часто встрѣчаемъ у преступниковъ, которые упорно не сознаются, когда уже найдены всѣ улики ихъ вины; не сознаются даже тогда, когда этимъ ничего нельзя достигнуть.

Такъ какъ дѣти совершенно естественно испытываютъ чувство страха при допросѣ, то они, приобрѣтая большую опытность, стараются отдѣлаться отъ него, обративъ подозрѣніе на другихъ. Разбитый предметъ снова искусно составляется, и

проступокъ открывається лишь тогда, когда другое лицо беретъ его въ руки; потерянные вещи тайно замѣняются другими, прежде, чѣмъ правда откроется.

Какъ бы ни казалась честна эта послѣдняя выходка, но въ сущности она все таки ничто иное, какъ ложь; и страхъ, чтобы не открыли истины, такъ великъ въ ребенкѣ, что онъ присоединяетъ къ этой лжи еще и мошенничество, чтобы какимъ бы то ни было средствомъ отклонить изобличеніе, а съ нимъ и наказаніе.

Есть очень много благоправныхъ, хорошо воспитанныхъ дѣтей, которыя сильно любятъ своихъ родителей и, чтобы избавить ихъ отъ огорченья, скрываютъ многое отъ нихъ, а во многомъ даже прямо не сознаются. Они это дѣлаютъ отъ того, что видятъ, какъ ихъ родители, изъ за малѣйшаго ихъ проступка, чрезмѣрно волнуются и приходятъ въ отчаяніе, считая своего сына погибшимъ. Это наводитъ на дѣтей такой страхъ, что они—сначала неохотно, а потомъ съ убѣжденіемъ—рѣшаются скрывать и лгать ради того, чтобы избавить своихъ родителей отъ горя.

— Страхъ унизиться и показаться смѣшнымъ въ особенности часто заставляеть дѣтей прибѣгать ко лжи. Дурно направленное, чрезмѣрное самолюбіе дѣлаетъ часто то, что дѣти считаютъ дурнымъ сознать свою ошибку. Они заботятся только выказать себя хорошими съ виѣшней стороны, а не стараются расположить къ себѣ неспорченностью сердца и развитіемъ разума. Они хорошо знаютъ, что у нихъ есть и слабости, и недостатки; но сознаться въ нихъ не хотятъ, и не хотятъ также, чтобы ихъ и замѣтили. Этотъ страхъ показаться смѣшнымъ свойствененъ также и маленькимъ дѣтямъ, и вынуждаетъ ихъ часто скрывать сдѣланные проступки и не сознаваться въ нихъ. Одинъ только страхъ отцовской власти, безъ любви, есть уже большой залогъ ко лжи. Прибавьте еще къ этому манеру многихъ отцовъ приступать къ разбору какого нибудь дѣла совершенно ложнымъ путемъ. Они, считая себя судьями ребенка, и предвидя, что ихъ могутъ обмануть, на первыхъ же порахъ такъ всплывать на провинившагося, что тотъ, совершенно растерявшись, лжетъ отъ страха. Точно также не хорошо выпытывать у мальчика то, что почти навѣрное уже извѣстно, и при подобномъ испытаніи да-

вать ему возможность не сознаться въ своей винѣ. Къ подобнымъ же результатамъ приходятъ и тѣ родители, которые съ помощью насилія всего скорѣе думаютъ добратся до истины; но едва ли найдется отецъ, который считающій своей обязанностью облегчать ребенку ложь, чтобы чрезъ это испытать его правдивость.

Мы видимъ, что страхъ наказанія, страхъ огорчить другихъ, страхъ показаться смѣшнымъ, однимъ словомъ *страхъ* въ какомъ бы то ни было проявленіи, всегда при извѣстныхъ обстоятельствахъ дѣлается сильной пружиной къ несознанію истины, и я впослѣдствіи укажу вамъ средство, которое можетъ служить этому лучшимъ противодѣйствіемъ.

XVII.

«Beispiel wirkt besser als Regel» (примѣръ дѣйствуетъ лучше правила), говоритъ старая пословица, и потому мы должны смотрѣть на дурной примѣръ — особенно если онъ подается самими воспитателями—какъ на главный источникъ лжи. Вы пугаетесь? вы не вѣрите, чтобы воспитатель могъ дойти до того, что выкажется передъ ребенкомъ лгуномъ? Однако это такъ. Я говорю это имѣя въ виду не однѣхъ только матерей, но также отцовъ и учителей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ помѣщенъ въ «Семейномъ Журналѣ» небольшой рассказъ, въ которомъ доказывалось, что настоящія отношенія людей такъ вполне сроднились съ ложью, что произошелъ бы всеобщій переворотъ, если бы только всѣ люди вздумали хоть въ продолженіи одного дня говорить чистую, неподдѣльную правду, и на такихъ людей все общество смотрѣло бы какъ на сумасшедшихъ, что и было съ героемъ того рассказа. Положимъ, что самыя послѣдствія и были преувеличены, съ цѣлью произвести этимъ рассказомъ сильнѣйшее впечатлѣніе; но дѣло въ томъ, что нельзя не признать за дѣйствительный фактъ, что въ основѣ человѣческаго общества лежитъ, большею частью, неправда и ложь, и что всѣ люди болѣе или менѣе находятся подъ ея властью. И мы, воспитатели, также нерѣдко слишкомъ легко относимся къ истинѣ, не всегда взвѣшиваемъ на золотыхъ вѣсахъ наши слова. Всего болѣе надо остерегаться преувеличиваній! Какъ часто го-

ворять заботливыя матери: «я тебѣ уже *тысячу* разъ говорила, чтобы ты не выходилъ на улицу такъ легко одѣтый.» Или: «ты *никогда* не сдѣлаешься порядочнымъ человѣкомъ, потому что *всегда* бросаешь *всѣ* твои вещи.» И какъ же можетъ ребенокъ не чувствовать тутъ преувеличенія? Онъ понимаетъ, что мать преувеличиваетъ только съ хорошею цѣлью, для его же блага, но онъ чувствуетъ также и то, что такъ ясно выражаетъ Логау:

„Wer Lügen sagte, die blos Nutzen
Und niemals Schaden nach sich zogen,
Was meinst du wohl von einem Solchen?
Ich meine doch: er hat gelogen!“ *)

Ребенокъ, самъ того не сознавая, составляетъ себѣ на основаніи этихъ примѣровъ извѣстную мораль и для достиженія какой нибудь, также, по его мнѣнію, хорошей цѣли, употребляетъ въ дѣло ложь. Всего болѣе встрѣчается преувеличенія именно въ обыденныхъ выраженіяхъ; окружающіе ребенка не достаточно добросовѣстно выбираютъ слова, что вселяетъ ребенку равнодушіе къ неправдивымъ рѣчамъ. Такъ на примѣръ, одинъ изъ моихъ воспитанниковъ пишетъ къ своимъ родителямъ, что почти *всѣ* пансіонеры болѣны корью, тогда какъ больныхъ было всего только *десять*. Не есть ли этотъ примѣръ вѣрный образецъ преувеличеній, такъ часто замѣчаемыхъ въ словахъ воспитателей? Родители часто видятъ въ своихъ дѣтяхъ чистыхъ ангеловъ, не замѣчая въ нихъ никакихъ недостатковъ, и иногда съ нѣкоторою гордостью рассказываютъ о какихъ нибудь подвигахъ ребенка, приписывая ему при этомъ гораздо больше достоинствъ, чѣмъ онъ имѣетъ на самомъ дѣлѣ. Дитя очень хорошо замѣчаетъ это, и неудивительно, если въ другой разъ онъ и самъ постарается выставить себя въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, чѣмъ слѣдуетъ. Въ этомъ отношеніи, особенно много грѣшатъ съ маленькими дѣтьми. «Посмотрите, какую хорошенькую лошадку нарисовалъ Карлъ, и совершенно одинъ», говоритъ мать; между тѣмъ какъ она сама водила его руку при рисованіи. Одинъ отецъ сказалъ мнѣ однажды *въ присутствіи* своего сына: «я хочу показать вамъ, какъ хорошо пишетъ вашъ новый ученикъ; вотъ посмотрите—это онъ самъ написалъ.»—Въ самомъ

*) Кто говорилъ ложь, которая всегда приносила пользу, а не вредъ, что ты думаешь о томъ? Я думаю, что онъ все таки—лгалъ!

дѣлѣ?—спросилъ я съ удивленіемъ. «Тебѣ вѣдь никто не помогаль?» спрашиваетъ отецъ мальчика. Впослѣдствіи же оказалось, что ребенокъ не провелъ буквально ни одного штриха самостоятельно. Учителя рисованія поступаютъ часто подобнымъ же образомъ. Бѣдныя дѣти, при частомъ повтореніи подобныхъ фактовъ, привыкаютъ наконецъ не обращать вниманія на истину и выдавать за собственное, самостоятельное произведеніе то, что они дѣлали съ помощью другихъ или подъ ихъ руководствомъ.

Одинаковыхъ послѣдствій можно достигнуть какъ преувеличенной похвалой, такъ и преувеличеннымъ порицаніемъ. Если мать въ дурномъ расположеніи духа (что, нужно сказать правду, случается нерѣдко), она бранитъ ребенка за малѣйшую ошибку, за ничтожный проступокъ, называя его при этомъ негоднымъ мальчишкой, неисправимымъ сорванцомъ, негодяемъ, въ которомъ не осталось больше ни на волосъ хорошаго; случается даже, что мальчика несправедливо наказываютъ. *Всякая же несправедливость есть ложь.*

Положимъ, что мать, о которой мы говорили, обыкновенно бываетъ очень ласкова съ ребенкомъ, и что онъ скоро забудетъ обиду, нанесенную ему несправедливымъ обращеніемъ. Но все таки воспоминаніе о томъ, что «мать была не права» останется у него навсегда; вслѣдствіе этого въ немъ будетъ съ трудомъ укрѣпляться уваженіе къ правдѣ. Одна маленькая дѣвочка разбила что-то. «Какая ты неловкая,» говорятъ ей; «посмотри, съ твоимъ братомъ этого никогда не случается, онъ всегда осторожень.» Когда же черезъ нѣсколько времени съ братомъ ея случилась таже самая бѣда, ему дѣлаютъ такой же выговоръ и ставятъ въ примѣръ сестру. Мы нерѣдко видимъ, такимъ образомъ, что родители, сравнивая дѣтей въ ихъ же присутствіи, всегда преувеличиваютъ для того, чтобы сильнѣе произвести впечатлѣніе на провинившагося ребенка. Но дѣти замѣчаютъ, что родители ошибаются въ нихъ и—что еще хуже—преувеличиваютъ. Въ ихъ глазахъ родители не только не правы, подавая имъ такой примѣръ, но, кромѣ того, теряютъ право на уваженіе ихъ. Одна очень образованная мать останавливала своего мальчика, который громко кричалъ, довольно рѣзкими словами: «если ты сейчасъ не перестанешь кричать, то я тебя ударю объ

стѣну.» Мальчикъ, конечно, не унялся—доказательство того, что ему уже не разъ грозили этимъ, но никогда не исполняли угрозы. Что же такое, однако, неисполненныя угрозы? Въ глазахъ ребенка, это — ложь. Къ сожалѣнію, это встрѣчается довольно часто, какъ въ домѣ родителей, такъ въ школѣ и всюду. Нѣкакимъ образомъ не слѣдуетъ къ каждому приказанію прибавлять угрозу, потому что угроза до тѣхъ поръ только можетъ вліять на послушаніе ребенка, пока онъ не узнаетъ, что она въ сущности ничего не значитъ. Ребенокъ легко замѣтитъ, что угрожающій не можетъ исполнить угрозу: «онъ только такъ говоритъ, чтобы меня постращать.» Какъ часто, напримѣръ, говорятъ маленькимъ дѣтямъ: «постой же, капризный, вотъ я уйду и больше не приду къ тебѣ». При частомъ повтореніи подобныхъ угрозъ, ребенокъ станетъ наконецъ думать: «хорошо, говорите себѣ, а я знаю, что все это неправда.» Дѣтямъ постарше, въ случаѣ какого либо столкновенія въ школѣ, говорятъ часто такъ: «ну, подожди, я справлюсь объ этомъ у директора школы». Но имѣютъ ли смыслъ эти слова, когда ребенокъ слишкомъ хорошо знаетъ, что этого никогда не будетъ. Случается также и наоборотъ, что воспитатели подаютъ дѣтямъ примѣръ во лжи и несправедливости, тѣмъ, что обѣщаютъ что нибудь и не исполняютъ своего обѣщанія. Не худо было бы имъ руководиться въ подобныхъ случаяхъ словами Рюкертъ:

Gieb nicht zu schnell dein Wort, so brauchst du 's nicht zu brechen;
Viel besser ist es mehr zu halten, als versprechen *).

Трудно повѣрить, какъ вообще легко смотрятъ въ обращеніи съ дѣтьми на все то, что касается правды. Нѣкоторые родители, вообще очень строгіе и добросовѣстные въ исполненіи своихъ обязанностей, позволяютъ себѣ часто нѣкоторыя послабленія относительно дѣтей; слѣдствіемъ этого бываетъ то, что власть воспитателя въ семьѣ становится не такъ дѣйствительна. При подобныхъ случаяхъ обыкновенно успокоиваются возможностью замѣнить чѣмъ нибудь другимъ свое неисполненное обѣщаніе. Мать говоритъ, напримѣръ, своимъ дѣтямъ: «если до самаго вечера никто не будетъ жаловаться мнѣ на васъ, то я расскажу вамъ преинтересную исторію.» Дѣти стараются вести

*) Не давай слишкомъ скоро слово, дабы тебѣ не пришлось нарушить его; гораздо лучше исполнять болѣе, чѣмъ обѣщать.

себя какъ можно лучше, пока наконецъ наступить вечеръ. Но у матери найдется столько хлопотъ, что она принуждена отложить свой рассказъ, иногда даже на нѣсколько дней; или же она просто устала, нерасположена, и потому обѣщаетъ дѣтямъ рассказать исторію завтра, не предвидя при этомъ, что, быть можетъ, завтра ей будетъ это еще труднѣе. Я не думаю, чтобы эта мать давала обѣщаніе съ мыслью не исполнить его, какъ это часто дѣлается, для того, чтобы только въ ту минуту успокоить дѣтей и пріохотить ихъ къ какому нибудь занятію; нѣтъ, она дала обѣщаніе съ намѣреніемъ дѣйствительно привести его въ исполненіе. Но «духъ силенъ, а плоть немощна», говоритъ св. писаніе. Когда насталъ часъ исполненія обѣщаннаго, тогда у матери неостало силы воли преодолѣть свою усталость. Чтобы сдержать свое слово, дѣтямъ доставляютъ какое нибудь другое удовольствіе, и они легко удовлетворяются. Но тѣмъ не менѣе опасенъ для дѣтей примѣръ, который они, невольнымъ образомъ, извлекаютъ для себя изъ поведенія матери. Они видятъ, что мать не слишкомъ *серьезно относится къ данному ея слову*, и заключаютъ изъ этого, что еще не такъ велико преступленіе не сдержать своего обѣщанія, и что его можно всегда замѣнить чѣмъ нибудь другимъ, какъ это и сдѣлала мать. Дурной примѣръ всегда заразителенъ, если не сейчасъ, то позднѣе. Впослѣдствіи дѣти привыкаютъ не цѣнить въ человѣкѣ правдивости и надежности и сами они наконецъ поступаютъ согласно этимъ убѣжденіямъ, не находя въ этомъ ничего дурнаго. Послѣ этого воспитателямъ не слѣдуетъ удивляться, что воспитанники не исполняютъ къ данному сроку своей обѣщанной работы. Къ чему же послѣ этого служатъ всѣ поученія матери относительно достоинства человѣка, на котораго можно положиться, и безнравственности того, который не исполняетъ своего обѣщанія? и наконецъ къ чему вообще всѣ увѣщанія матери, чтобы дитя точно исполняло обѣщанное слово? Ребенокъ будетъ думать, а, можетъ быть, и прямо скажетъ: «вы сами дѣлаете не лучше меня.» Онъ будетъ необдуманно давать слово и, замѣтивъ, что такимъ образомъ можетъ легко избавиться отъ чего нибудь для себя непріятнаго, станетъ безъ зазрѣнія совѣсти обѣщать все, что отъ него потребуютъ, иногда даже прямо съ намѣреніемъ не исполнить этого. Я не хочу

сказать, чтобы въ этихъ мелкихъ, ничтожныхъ, всякій день повторяющихся фактахъ было большое преступленіе; я хочу только указать какъ незначительны тѣ начала (зародыши, Anfänge), которыя могутъ образовать изъ человѣка лжеца, и на то, какъ сами воспитатели невольнo этому содѣйствуютъ, и какъ вообще многія изъ тѣхъ условій, въ которыхъ находится наше общество, мало приспособлены къ пробужденію и развитію чувства правдивости.

Нельзя укорять родителей за то, что они радуются каждому проявленію умственныхъ способностей въ ихъ дѣтяхъ; но только они не въ правѣ радоваться этому, когда дѣти свои умственные способности отдають въ распоряженіе несправедливости. Но какъ часто случается, что болѣе или менѣе хитрая ложь, или какая нибудь смѣшная или ѣдкая выходка ребенка возбуждаютъ общій смѣхъ и удивленіе, и даже съ видимымъ удовольствіемъ повторяются въ его же присутствіи. Разумѣется, это чаще случается съ младшими дѣтьми, чѣмъ съ старшими, такъ какъ въ маленькихъ дѣтяхъ все имѣетъ невинный оттѣнокъ. И выходки эти только тогда возбуждаютъ смѣхъ, когда онѣ не касаются самихъ родителей; иначе поведеніе ребенка совсѣмъ не кажется такъ мило, а, напротивъ, вызываетъ строгое наказаніе. Какъ же долженъ смотрѣть ребенокъ на такую непослѣдовательность? Его такъ часто хвалили за умныя выходки и такъ часто смѣялись надъ ними, а теперь вдругъ наказываютъ и обращаются съ нимъ, какъ съ ребенкомъ сильно провинившимся! Однажды я слышалъ, какъ въ обществѣ отецъ рассказывалъ разныя свои похожденія во время охоты; какъ вдругъ маленькій его сынъ, къ общему удовольствію всѣхъ присутствовавшихъ, перебилъ его словами: «ахъ, папаша, вѣдь это неправда.» Отецъ, которому не разъ уже приходилось слушать подобныя возраженія своего сына и который, какъ видно, уже привыкъ къ нимъ, продолжалъ рассказывать, нисколько не смущаясь. А какъ часто дѣти бываютъ свидѣтелями неправдивыхъ рассказовъ своихъ родителей. Между многими подобными фактами, особенно часто повторяются тѣ случаи, когда родители рѣзко высказываются о комъ нибудь въ его отсутствіи, тогда какъ въ его присутствіи показываютъ ему всевозможную ласку и предупредительность, что дѣти также видятъ. Или родители черезъ самихъ же дѣтей

велятъ отказывать гостю, говоря, что ихъ нѣтъ дома. Въ особенности матери любятъ разбирать и перетолковывать слова и поступки другихъ, стараясь найти въ нихъ какую нибудь заднюю мысль: «что онъ хотѣлъ этимъ сказать?» Если же кто сдѣлалъ что нибудь хорошее, то невольно спрашиваютъ: «что побудило его на это, какая у него была цѣль?» Потому что никакъ не предполагаютъ, чтобы кто-нибудь могъ сдѣлать хорошее ради хорошаго. Поэтому часто приходится вспоминать слова Талейрана: «способность говорить дана человѣку только затѣмъ, чтобы скрывать свои мысли.» Это искусство притворяться и вообще всѣ эти интриги (единственная цѣль которыхъ—взять перевѣсъ надъ другими посредствомъ своихъ лживыхъ словъ или поступковъ) еще менѣе доступны дѣтямъ, чѣмъ простая ложь, выраженная въ словахъ. Дѣти видятъ какъ фальшиво всегда относятся ихъ родители къ нѣкоторымъ личностямъ (притворство и лицемѣріе—это родъ продолжительной, постоянной лжи) и видятъ, что они чрезъ это стараются достигнуть извѣстныхъ цѣлей. Я знаю по собственному опыту, что дѣти, не утратившія вполне своей природной прямоты, недоумѣвая просили пояснить имъ то, что передъ ними происходило, и выслушивали это съ удивленіемъ. Говоря это, я вовсе не имѣю въ виду какого нибудь рѣдко случающагося факта, потому что врядъ ли найдется у насъ семейство, въ которомъ ребенокъ не былъ бы поставленъ въ подобное же положеніе: всѣ наши общественныя отношенія, большею частью, основаны на неправдѣ и на обоюдномъ обманѣ. «Мамаша,» говоритъ на примѣръ ребенокъ своей матери, «ты была такъ любезна съ той дамой, которая была недавно у насъ, такъ хвалила ее, и даже поцѣловала, а помнишь, нѣсколько дней тому назадъ, ты рассказывала про нее столько дурнаго.» Или онъ видитъ, какъ отецъ его относится съ величайшимъ уваженіемъ къ высшему своему начальнику, а потомъ, нѣкоторое время спустя, коснувшись какъ нибудь его при разговорѣ, говоритъ, что этотъ человѣкъ ничего не смыслить въ своемъ дѣлѣ, что онъ заставляетъ другихъ работать и что онъ достигъ своего мѣста не прямымъ путемъ. Въ такихъ случаяхъ, которые, какъ я уже говорилъ, бываютъ въ каждомъ семействѣ, хотя и въ менѣе поражающей формѣ, ребенокъ ничего не высказываетъ при открытіи такихъ отношеній; но у него

составятся очень превратныя понятія о свѣтѣ, и онъ только мало по малу успокоится. Когда же ему самому придется выйти изъ какого нибудь затруднительнаго положенія при помощи лжи, то онъ скоро примирится съ мыслью, что въ свѣтѣ вездѣ неправда, и потому съ меньшимъ укоромъ совѣсти станетъ прибѣгать ко лжи. Я пойду дальше и скажу, что у насъ въ свѣтѣ ребенокъ видитъ иногда такого рода обстановку, что родители считаютъ себя обязанными указать дѣтямъ на тотъ путь, посредствомъ котораго они могутъ избѣгнуть неприятныхъ столкновений, именно—лгать въ случаѣ нужды. «Ты не долженъ говорить всего того, что думаешь,» научала одна мать своего сына, отпуская его въ общество дѣтей, «иначе надъ тобою будутъ смѣяться. Если тебѣ что не понравится тамъ, то ты все-таки похвали, а то тебя почтутъ за невѣжу.» Иногда же матери учатъ ребенка тому, что онъ долженъ отвѣчать на предлагаемые ему вопросы; «если тебя спросятъ, отчего я у нихъ такъ долго не была, скажи, что я была больна; имъ не зачѣмъ все знать.» И дѣйствительно, не рѣдко случается, что ребенокъ, говоря сущю правду, ставитъ своихъ родителей и даже постороннихъ въ весьма неловкое положеніе, или же бываетъ жестоко осмѣянъ другими дѣтьми, уже испорченными. Что же удивительнаго, если ребенокъ пойметъ наконецъ и убѣдится совершенно, что правдивость нерѣдко навлекаетъ различнаго рода неприятности?

Но ни одни родители не желаютъ, чтобы изъ ихъ дѣтей вышли дурные люди, даже и тѣ, которые своимъ примѣромъ внушаютъ имъ неправдивость. Родители часто боятся услышать что нибудь дурное о своихъ дѣтяхъ, соглашаясь даже лучше оставаться въ томъ заблужденіи, что дѣти ихъ представляютъ какъ бы образецъ добродѣтели; иногда они даже съ намѣреніемъ вдаются въ такое заблужденіе. Я зналъ одну мать, сынъ которой, понавшись въ какой то глупой шалости, готовъ уже былъ во всемъ открыто сознаться; но она ничего такъ не боялась, какъ открытія сущности дѣла, которюю она уже имѣла поводъ подозрѣвать. Поэтому она поспѣшила сказать своему сыну: «не правда-ли Францъ, ты этого не сдѣлалъ?» «Нѣтъ?» продолжала она въ волненіи, когда замѣтила, что мальчикъ готовъ уже былъ сказать: да. «Нѣтъ, вѣдь ты не виноватъ?

говори-же правду, скажи «нѣтъ.» Мальчикъ, видя, что ему ничего больше не остается, какъ сказать «нѣтъ,» говорить: «нѣтъ.» Подобно тому, какъ эта мать принуждала своего ребенка солгать, такъ точно вынуждаютъ иногда дѣтей (неволь-но, и даже съ лучшими намѣреніями) притворствоваться. Маленькимъ дѣтямъ часто не даютъ покоя, пока они не отвѣ-тятъ на вопросъ: «любишь ли ты меня»? Когда же они на-чинаютъ сами ласкаться и увѣрять въ своей любви, то не-рѣдко получаютъ за это и какое нибудь лакомство. Ребенокъ однако вмѣстѣ съ тѣмъ еще не сознаетъ, что такое слово «любить», и отвѣчаетъ только то, что его спрашиваютъ; но замѣчая, что своимъ отвѣтомъ онъ можетъ получить для себя какую нибудь выгоду, онъ всегда будетъ готовъ на ласки, и слѣдовательно—на притворство. «Объщай мнѣ, что ты этого не будешь больше дѣлать; проси прощенія!»—такъ обыкновенно говорятъ провинившемуся ребенку. Оба эти дѣйствія для ре-бенка неправдивы, когда онъ не дѣлаетъ ихъ добровольно. Каж-дый, хотя сколько нибудь смысленный ребенокъ, очень хорошо понимаетъ, что онъ опять можетъ попасться въ какой нибудь шалости и ему невозможно будетъ сдержать своего обѣщанія. Напротивъ, надо удерживать ребенка отъ обѣщанія исправиться: «не общай мнѣ этого, мой милый; я знаю, что тебѣ трудно будетъ сразу исправиться; но дѣйствуй такъ, какъ будто ты уже общалъ мнѣ.» Многія дѣти прибѣгаютъ къ обѣщанію, какъ къ средству избавить себя отъ заслуженнаго наказанія, и на каждомъ шагу надѣляютъ своихъ воспитателей подобными обѣщаніями. Тоже самое относится и къ принужденію ребенка просить прощенія. Просьба о прощеніи имѣетъ смыслъ въ томъ только случаѣ, когда ребенокъ своимъ поступкомъ оскорбилъ своего воспитателя или кого нибудь другаго; но если ребенокъ, положимъ, былъ лѣнивъ и слѣдовательно принесъ этимъ вредъ только самому себѣ, то въ этомъ случаѣ заставлятъ его просить прощенія было бы бессмысленно. Требовать отъ ребенка, чтобы онъ давалъ обѣщаніе и просилъ прощенія, значитъ принуждать его выражать чувства, которыхъ у него нѣтъ въ дѣйствитель-ности. Пока такое чувство не возбуждено, каждая просьба о прощеніи будетъ притворство, лицемѣріе. Задача воспитателя въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы довести ребенка до

сознанія, какъ сильно своимъ поступкомъ онъ огорчилъ близкихъ ему людей! Тогда онъ самъ попроситъ прощенья, хотя и не тотчасъ-же, но въ скоромъ времени, особенно если онъ видитъ, что и родители въ подобныхъ случаяхъ дѣлаютъ тоже самое. Къ сожалѣнію, родители сами часто поручаютъ дѣтямъ *передать* несправедливыя оправданія самихъ себя, и подобные случаи встрѣчаются чаще въ образованномъ обществѣ; чѣмъ бы слѣдовало ожидать. Раза два мнѣ случалось видѣть, какъ дѣти, пропустивъ урокъ въ школѣ, приносили отъ родителей письменныя удостовѣренія въ своей болѣзни, тогда какъ я навѣрное зналъ, что они были на вечерѣ и не пришли на слѣдующее утро въ школу потому, что проспали. Если мы теперь возьмемъ ребенка, который находится въ самой лучшей обстановкѣ, родители котораго, а слѣдовательно и воспитатели, самымъ добросовѣстнымъ образомъ стараются показывать ему примѣръ строгой правдивости, то все таки этотъ ребенокъ не будетъ спасенъ отъ множества дурныхъ условій, вызывающихъ въ немъ неправдивость. Между ними нельзя, напримѣръ, не указать отношеній ребенка съ прислугою. У прислуги часто бываютъ различныя тайны отъ господъ. Часто прислуга отправляется съ дѣтьми куда не позволяютъ имъ идти родители; тамъ она совершенно не заботится о дѣтяхъ и занимается только разговорами съ своими знакомыми. Понятно, что въ такихъ случаяхъ, она лакомствомъ старается привлечь дѣтей на свою сторону, запрещаетъ имъ говорить родителямъ, гдѣ они были, и научаетъ ихъ что слѣдуетъ говорить. Поступая такимъ образомъ, она приучаетъ дѣтей лгать; при этомъ ее не укоряетъ совѣсть, потому что это не ея дѣти, а иногда она видитъ, что и сами родители обращаютъ на это мало вниманія. Во вторыхъ, склонность ко лжи дѣти приобрѣтаютъ также отъ другихъ дѣтей, уже испортившихся, которыя или прямо уговариваютъ ихъ сказать неправду, или надсмѣхаются надъ вполне невиннымъ ребенкомъ, говорящимъ правду. Насмѣшка-же составляетъ для дѣтей очень сильное запугивающее средство; ребенокъ будетъ затѣмъ бояться быть смѣшнымъ, и вслѣдствіе этого будетъ избѣгать правды, такъ какъ она можетъ имѣть непріятныя послѣдствія.

Итакъ, Милостивая Государыня, ребенокъ видитъ вездѣ

примѣръ неправды; со всѣхъ сторонъ его преслѣдуетъ искушеніе; ложь представляется ему, какъ самое удобное средство выйти изъ какого нибудь затруднительнаго положенія и доставить себѣ ея разнаго рода выгоды. «А правда?» спросите вы. — Ея оболочка гораздо суровѣе; съ нею подвергаешься многимъ неприяностямъ и столкновеніямъ; вообще, всѣ условія нашей цивилизаціи, къ сожалѣнію, такъ исполнены неправды, что мы не должны удивляться, если ребенокъ дѣлается лгуномъ. Но мы видѣли, что общая причина этому все таки заключается въ воспитаніи, въ обширномъ смыслѣ этого слова, именно—во вліяніи всего, окружающаго ребенка. А такъ какъ родители всего ближе стоятъ къ дѣтямъ и могутъ поэтому имѣть опредѣленное вліяніе на ихъ послѣдующія дѣйствія, то я постараюсь указать вамъ въ слѣдующемъ письмѣ какимъ образомъ родители должны исполнять свою обязанность, чтобы воспитывать дѣтей своихъ въ духѣ правдивости.

XVIII.

Трудно, и часто даже невозможно, вылечивать тѣлесныя болѣзни, и много есть совершенно неизлечимыхъ болѣзней; гораздо легче предупредить ихъ. Тоже самое можно сказать и относительно душевныхъ болѣзней. Ложь, на примѣръ, легче предупредить, чѣмъ излечить. Предупредить же ее можно строгою правдивостью, какъ въ нашихъ словахъ, такъ и дѣйствіяхъ, потому что, считая дурной примѣръ за главный источникъ лжи, мы должны смотрѣть на хорошій примѣръ, какъ на главное средство противъ нея. Мы должны съ глубокимъ уваженіемъ относиться къ правдѣ въ обращеніи даже съ самымъ маленькимъ ребенкомъ. Поэтому не должно забавляться, обманывая его, до вѣрливаго и невиннаго, и оставляя его въ заблужденіи для нашего же удовольствія; уже съ этихъ поръ его нужно приучать только къ правильнымъ представленіямъ. Многимъ покажется это педантизмомъ и они найдутъ даже, что подобное требованіе исключаетъ изъ жизни ребенка всякую поэзію; но это неправда! Что лучше: дать ли ребенку мѣлъ и сказать ему: «вотъ тебѣ кусокъ сахару», съ цѣлью позабавиться надъ выраженіемъ его лица; или дать ему кусокъ сахару и кусокъ мѣлу, заставить

его назвать тотъ и другой, и объяснить ему разницу между ними? Признаюсь, я не нахожу болѣе *зубаго* удовольствія, какъ злоупотребленіе дѣтскимъ довѣріемъ, и мнѣ непонятно, какъ могутъ родители шутить съ этимъ зародышемъ самыхъ святыхъ чувствъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, единственный подобный обманъ можетъ мгновенно отравить душу ребенка, какъ наприимѣръ въ слѣдующемъ случаѣ. Однажды мать, чтобы позабавить свою маленькую дочку, представлялась плачущей, и когда ребенокъ началъ утѣшать ее, она съ громкимъ смѣхомъ отняла руки отъ своего лица. Но ребенокъ, который не шутилъ своими чувствами, вмѣсто того, чтобы тоже смѣяться, началъ плакать; въ его глазахъ разомъ пропадало, такъ сказать, обаяніе, которое мать имѣла въ глазахъ ребенка, а съ нимъ утрачивалось и безграничное къ ней довѣріе.

Когда ребенокъ только что начинаетъ говорить, всѣ смѣются надъ его очаровательно-наивными ошибками. Этихъ ошибокъ, разумѣется, не слѣдуетъ поддерживать въ ребенкѣ, и думать, что отъ поправки ихъ пострадаетъ его наивность. Ложный взглядъ ребенка на вещи тогда только наивенъ, когда онъ вполне естествененъ; но лишь только онъ вызывается и поощряется искусственно, онъ дѣлается непріятенъ, потому что онъ уже выказывается какъ ложь.

Едва только дѣти начинаютъ говорить, надо употреблять всѣ мѣры, чтобы предохранить ихъ отъ лжи; для этого прежде всего слѣдуетъ уничтожить эту ложь *въ самомъ себѣ*. Родители должны быть въ обращеніи съ ребенкомъ безукоризненны касательно любви къ правдѣ. Если что было приказано ребенку, нужно строго слѣдить, чтобы это было исполнено. Для того, чтобы это было возможно для родителей, или, лучше сказать, чтобы они имѣли на это право, не надо приказывать и запрещать необдуманно, дѣлать это по возможности меньше, взвѣшивать поакуратнѣе свои слова; тотъ, кто поступаетъ не такъ, не имѣетъ по настоящему и права наказывать за непослушаніе. Въ этомъ отношеніи много грѣшатъ какъ въ школѣ, такъ и дома. Дома часто случается, что отъ дѣтей требуютъ того, чего они не въ состояніи еще исполнить, а въ школѣ задаютъ имъ уроки, которые они не въ состояніи сдѣлать, потому что еще не подготовлены на столько. Они прибѣгаютъ за помощью къ

родителямъ, товарищамъ и учителямъ и выдаютъ такимъ образомъ чужой трудъ за свой собственный. У ребенка отнимается возможность лгать и обманывать посредствомъ добросовѣстно обдуманнхъ словъ, такъ какъ, приказывая ребенку только самое необходимое и задавая ему уроки по силамъ, мы не даемъ ему повода обманывать; если же, несмотря на все это, ребенокъ все таки будетъ обманывать, то родители, по крайней мѣрѣ, ни въ чемъ не будутъ упрекать себя. Трудно сердиться на ребенка за преувеличеніе въ его разсказахъ; напротивъ, радуешься проявленію его ума; но не надо забывать, что такого рода ложь, чаще встрѣчающаяся у мальчиковъ, нежели у дѣвочекъ, ведетъ къ тому, что человекъ подъ конецъ дѣлается вполне лгуномъ и даже самъ считаетъ свои выдумки истинными. Когда вы замѣчаете, что вашъ ребенокъ начинаетъ преувеличивать, то не слушайте его разсказа, остановите его и заставьте самого поправиться въ его неточномъ изложеніи, какъ бы умно и наивно оно ни было. «Подумай хорошенько, что ты сказалъ. Развѣ нашъ домъ въ самомъ дѣлѣ такъ же великъ, какъ церковь? Развѣ ты уже много разъ былъ въ Х... что ты такъ хвастаешься передъ твоимъ товарищемъ?» Если дѣти замѣтятъ, что мать всегда настаиваетъ на точномъ, правдивомъ изложеніи, то сами будутъ чувствовать, какъ скверно хвастаться, и имъ будетъ въ высшей степени не нравиться эта слабость въ другихъ дѣтяхъ. Воспитывая хорошо дѣтей, легко можно предохранить ихъ отъ лжи, потому что хорошій примѣръ точно также вліяетъ на нихъ, какъ и дурной. «Хорошо воспитывая дѣтей!»—въ этихъ немногихъ словахъ заключается все то, что нужно для предохраненія ребенка отъ лжи, именно—общее хорошее нравственное воспитаніе. Дурно воспитанному ребенку часто сами воспитатели, какъ я уже говорилъ вамъ въ предъидущихъ письмахъ, даютъ поводъ лгать и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дитя и не знаетъ даже, какъ ему быть иначе. Хорошо воспитанный ребенокъ рѣдко находится въ томъ положеніи, гдѣ ложь представляется ему удобнымъ средствомъ спасенія. Ребенокъ не станетъ лгать вслѣдствіе только одной склонности къ неправдѣ; ложь всегда сопровождается какой-нибудь другой порокомъ, прикрываетъ имѣющійся уже нравственный недостатокъ, или же служитъ для достиженія какого нибудь желанія, и потому она

никогда не бывает сама по себѣ, самостоятельно. Если мы уничтожимъ остальные дурныя наклонности, то и ложь уничтожится. Какъ ни разнообразны внутреннія побудительныя причины лжи, но онѣ всѣ безъ исключенія происходятъ изъ одного источника— эгоизма. Мальчикъ прикрашиваетъ фактъ для того, чтобы приобрести *себя* извѣстность хорошаго разскащика; онъ хвастается, чтобы *ему* удивлялись; обманываетъ, чтобы предохранить *себя* отъ чего нибудь неприятнаго и приобрести болѣе выгодное положеніе; онъ не сознается, чтобы избавить *себя* отъ наказанія; онъ притворяется и льститъ ради какихъ нибудь для *себя* выгодъ; и вездѣ и во всемъ, съ весьма немногими исключеніями, ложь есть слуга собственнаго «я». Если искоренить въ ребенкѣ этотъ эгоизмъ, то чувство правды будетъ гораздо сильнѣе въ немъ; сдѣлать же это можно посредствомъ удовлетворенія только законныхъ требованій эгоизма (или, лучше сказать, себялюбія, честолюбія) и подавленія требованій незаконныхъ. Маленькій лгунъ, примѣшивая, можетъ быть и очень ловко, разными небылицы къ своему разсказу, дѣлаетъ это ради честолюбія, желая представиться интереснымъ собесѣдникомъ, или, передавая свои собственные геройскіе поступки, хочетъ, чтобы ему удивлялись. Если вы замѣтите въ ребенкѣ такую цѣль, то очень кстати будетъ сдѣлать ему за это строгій выговоръ и, въ случаѣ повторенія того же самаго, сдѣлать этотъ выговоръ еще построже, за то, что онъ хотѣлъ увѣрить всѣхъ въ истинѣ его вымышленныхъ разсказовъ и стать такимъ образомъ выше другихъ. Если онъ разъ убѣдится, что не вездѣ найдетъ людей, которые будутъ вѣрить въ его сказки, то станетъ осторожнѣе. Таковъ въ этомъ случаѣ отрицательный способъ обращенія съ ребенкомъ. Положительный же способъ будетъ слѣдующій: надо въ извѣстной степени удовлетворить честолюбію дитяти. Если вы замѣчаете, что вашъ сынъ прикрашиваетъ и искажаетъ фактъ изъ любви къ разсказу, накажите его, какъ было сказано, но при томъ скажите ему: «видишь ли что: разсказать что-нибудь хорошо, прибавляя разные небывалыя исторіи и выдавая ихъ за истинныя, еще не составляетъ большаго искусства; было бы гораздо лучше и похвальнѣе, если бы ты ни въ чемъ не измѣнилъ правдѣ; наблюдай за всѣмъ какъ можно лучше и потомъ разсказывай о случившемся какъ можно подробнѣе и вѣр-

нѣе; это выйдетъ гораздо лучше твоихъ выдумокъ, которымъ могутъ повѣрить только одни глупые люди.»

Если ребенокъ хвалить свои поступки, то это часто происходитъ отъ того, что воспитатели не отдають ему должной похвалы, и его тщеславіе ищетъ удовлетворенія незаконнымъ образомъ, посредствомъ преувеличенной похвалы самому себѣ. Не мало есть родителей и учителей, которые считаютъ опаснымъ похвалить ребенка и всегда только осуждаютъ его, не замѣчая, что чрезъ это они становятся лгунами въ глазахъ дѣтей, потому что дѣти скоро понимаютъ что ложно и несправедливо. Воспитатели своимъ постояннымъ порицаніемъ еще болѣе затрудняютъ для ребенка и безъ того уже трудную борьбу съ природной лѣнью и побуждаютъ его другимъ путемъ приобрести себѣ уваженіе. Если же, напротивъ, воспитатели хвалятъ ребенка за его трудъ и стараніе и порицають его за его недостатки, то ребенокъ чувствуетъ, что къ нему справедливы, его честолюбіе или, лучше сказать, чувство справедливости, удовлетворено, что поощряетъ его къ новой дѣятельности, и онъ не нуждается искать себѣ одобренія какимъ нибудь ложнымъ путемъ.

Вышеприведенныя слова: «если ребенокъ будетъ хорошо воспитанъ» должны постоянно напоминать родителямъ, что они обязаны вести своихъ дѣтей добросовѣстно, и что прежде всего они должны обратить вниманіе на самихъ себя, помня слова Апостола Павла, который говоритъ: «вы, отцы и матери, оставьте ложь и говорите истину.» Если дурной примѣръ можетъ имѣть дурное вліяніе на характеръ, то точно также хорошей примѣръ можетъ имѣть хорошее вліяніе; если ребенокъ со всѣхъ сторонъ видитъ примѣръ правдивости и, при правильномъ воспитаніи, не имѣетъ повода лгать, то мы никакимъ образомъ не можемъ допустить развитіе въ немъ порока лжи. Нечего слѣдовательно объяснять, что отъ воспитателя прежде всего требуется *правдивость*; каждый понимаетъ это самъ; я совѣтую только быть какъ можно осторожнѣе въ разговорахъ и добросовѣстнѣе въ исполненіи обѣщаннаго. Родители также, вѣроятно, согласятся со мною, что ихъ дѣти не должны быть свидѣтелями ихъ лицемѣрія и притворства; я не могу указать на средства, которыми родители совершенно уничтожили бы въ себѣ эти пороки, потому что современ-

ныя общественныя отношенія, большею частью, основываются на обоюдномъ обманѣ. Мы бы могли исправить многое, еслибы у насъ хватило силы не обращать вниманія на пустыя формальности ложной учтивости, и если бы мы говорили правду какъ она есть; а главное, если бы у насъ хватило силы охотнѣе слушать истинную правду, чѣмъ учтивую ложь. Встрѣчаются нѣкоторыя лица, которыя, чувствуя все безобразіе такихъ отношеній, уклоняются отъ непріятныхъ посѣщеній такого рода, просто говоря, что они не могутъ принять; такія лица не могутъ удержаться, чтобы не сказать правду, вслѣдствіе чего они слывутъ въ высшемъ обществѣ за грубыхъ и необразованныхъ, или же оригиналовъ. Есть много воспитателей, отцовъ, матерей и учителей, которые умѣютъ отдалить отъ ребенка ложь, и ихъ воспитанникамъ не приходится бороться съ этимъ порокомъ. Отчего же эти воспитатели имѣютъ такое благотворное вліяніе на ребенка? *Единственно отъ того, что они сами — чистыя, нравственныя личности.* Ребенокъ, чувствуя, что отецъ превосходитъ его во всѣхъ отношеніяхъ и что онъ желаетъ ему добра, будетъ питать къ нему *уваженіе* и *любовь*. Чѣмъ больше отецъ имѣетъ силы поддержать это чувство, тѣмъ рѣже будетъ приходиться ребенку мысль обмануть своего отца. Но для этого недостаточно только одной *любви* къ отцу; — мы часто видимъ, что дѣти обманываютъ и тѣхъ воспитателей, которыхъ они очень любятъ, потому что не чувствуютъ къ нимъ *уваженія*. *Уваженіе* основывается единственно на нравственномъ и умственномъ превосходствѣ воспитателя; но если воспитатель пользуется только однимъ *уваженіемъ* со стороны воспитанника (что при недостаткѣ любви есть ничто иное какъ страхъ), то онъ одинаково подвергается обману: дѣти большею частью боятся и ненавидятъ такого человѣка и безъ стыда обманываютъ его, стараясь только о томъ, чтобы какъ можно искуснѣе обмануть, дабы не быть открытыми. Итакъ, чтобы воспитатель совершенно былъ увѣренъ въ правдивости своего воспитанника, онъ долженъ *нераздѣльно* пользоваться какъ его любовью, такъ и уваженіемъ. Любовь такого рода отца или матери не выражается въ ласкахъ и доставленіи ребенку различныхъ лакомствъ, но въ обращеніи къ нему съ *полнымъ уваженіемъ*, не позволяя себѣ

того, что можетъ нарушить его права, и оказывая ему полное довѣріе.

Часто въ этомъ отношеніи поступаютъ съ дѣтьми очень недобдуманно: ихъ совсѣмъ *не уважаютъ*, а только *любятъ*, какъ какую нибудь хорошенькую вещицу. Со стороны матеріальной доставляютъ имъ все, чего только они пожелаютъ, со стороны же нравственной и духовной, ихъ не считаютъ отдѣльною личностью и не даютъ никакихъ правъ. Любовь же, главнымъ образомъ, заключается въ томъ, когда родители не считаютъ преступленіемъ, какъ это нерѣдко случается, каждую шалость своихъ дѣтей. Родители думаютъ, что за каждой проказой ребенка должно неизбѣжно слѣдовать наказаніе, какъ бы въ жизни общественной, и считаютъ незаконнымъ оставлять шалости ненаказанными. Въ такихъ семействахъ не прекращаются поэтому наказанія, увѣщанія, угрозы и — ложь дѣтей. Ребенокъ чувствуетъ, что такое обращеніе несправедливо, что родители слишкомъ много отъ него требуютъ и часто наказываютъ за то, что нерѣдко дѣлаютъ сами. Гораздо лучше въ нѣкоторыхъ случаяхъ совсѣмъ не обращать вниманія на шалости ребенка; но если онѣ таковы, что невозможно обойтись безъ наказанія, то на это наказаніе не пужно смотрѣть какъ на искупленіе, какъ на возмездіе за проступокъ (мечь), но какъ на средство предохранить ребенка отъ будущихъ заблужденій. Въ ребенкѣ всякій недостатокъ есть болѣзненное состояніе, и потому воспитатель, прежде чѣмъ наказывать его, долженъ обдумать — не самъ ли онъ это вызвалъ. Дѣти охотно подчиняются власти воспитателя, если только замѣчаютъ, что онъ уважаетъ въ нихъ человѣка и относится къ нимъ съ любовью. Родители, *любящіе* и *уважающіе* своихъ дѣтей, заботятся о нихъ, интересуются тѣмъ, что они дѣлаютъ, и охотно бываютъ въ кругу людей, занимающихся воспитаніемъ. Уже этимъ самымъ *легко можно предохранить ребенка* отъ лжи; ему даже не придетъ мысль солгать, если онъ знаетъ, на примѣръ, что угроза отца — разузнать о случившемся отъ директора — не есть только одно средство пострадать его; ребенка легко будетъ предохранить отъ лжи, если ему не будетъ повода къ этому ни дома, ни въ школѣ. Уваженіе и авторитетъ, которыми отецъ и мать пользуются въ глазахъ ребенка, есть главное средство предохранить его отъ лжи,

конечно сначала только въ отношеніи къ *этимъ лицамъ*, но уже и этого достаточно. Если ребенокъ привыкъ говорить всегда правду своему воспитателю, то это уже составляетъ значительную ограду противъ обольщенія другихъ дѣтей. Мальчикъ, который боится солгать своему отцу, будетъ также бояться солгать учителю и станетъ смотрѣть на ложь другихъ дѣтей какъ на нѣчто отталкивающее. Несмотря на это, всегда нужно быть осторожнымъ и обращать вниманіе на отношенія ребенка съ прислугою, потому что нельзя предвидѣть въ какое положеніе можетъ его поставить окружающее его общество. Соблазнъ солгать тогда только будетъ имѣть дурныя послѣдствія, если ребенку удалось сдѣлать уже что нибудь запрещенное. При правильномъ воспитаніи требуется также хорошей выборъ товарищей для ребенка, и я снова долженъ повторить, что хорошо воспитанныя дѣти не такъ легко поддаются искушенію лжи.

Хорошимъ средствомъ противъ лжи оказывается также внушеніе ребенку религіознаго чувства. Уже въ маленькихъ дѣтяхъ можно возбудить сознаніе, что Богу извѣстны всѣ наши мысли, слова и дѣйствія; что людей намъ еще удастся обмануть какъ нибудь, но Бога никогда, и что рано или поздно придетъ время, когда наша ложь обнаружится. Много дѣтей было бы посредствомъ этого предохранено отъ лжи. Дѣти относятся къ Богу точно также, какъ къ своимъ родителямъ. Страхъ одного не достаточно, чтобы предохранить ребенка отъ лжи; въ этомъ случаѣ ребенокъ будетъ только рабски подчиняться истинѣ, а не будетъ имѣть убѣжденія въ томъ, что лгать дурно; *страхъ долженъ быть непременно соединенъ съ любовью*. Ребенка, конечно, нельзя научить любить Бога, но за то можно посредствомъ хорошаго воспитанія возбудить въ немъ эту любовь и поддерживать ее. Религіозное чувство, правильно развитое въ ребенкѣ, есть лучшее средство противъ всякаго соблазна лжи.

Итакъ, еще повторяю, что легче всего предохранить дѣтей отъ лжи хорошимъ нравственнымъ воспитаніемъ, потому что ложь есть только спутникъ другихъ недостатковъ. Хорошее же воспитаніе основывается, главнымъ образомъ, на авторитетѣ родителей и религіозномъ развитіи дитяти. Нѣтъ сомнѣнія, что

такое воспитаніе *можетъ* предохранить ребенка отъ лжи; но такъ какъ на землѣ нѣтъ ничего вполне совершеннаго и, точно также, нѣтъ безукоризненно хорошаго воспитанія, то, слѣдовательно, *ни одинъ ребенокъ не останется чистымъ отъ лжи*. Каждый ребенокъ, какъ и каждый человѣкъ, бываетъ иногда въ такомъ положеніи, что, по необходимости, долженъ говорить неправду. Какъ бы ни было велико отвращеніе воспитателей ко лжи, все таки не слѣдуетъ смотрѣть въ этомъ случаѣ на дѣтей, какъ на преступниковъ; къ сожалѣнію, ложь, при настоящемъ состояніи общества, весьма естественна и даже почти необходима. Когда вашъ сынъ попадется во лжи, дайте ему почувствовать ваше отвращеніе; при этомъ я повторяю вамъ, что ваше негодованіе на мальчика за его ложь будетъ тогда только имѣть на него вліяніе, когда вы сами будете въ его глазахъ правдивы, и когда онъ ни разу не имѣлъ случая услышать отъ васъ неправду; также тогда только ваше негодованіе будетъ имѣть дѣйствіе, когда мальчикъ видѣлъ, что вы строго слѣдили за исполненіемъ своихъ приказаній, что вы исполняли всѣ угрозы и вообще серьезно смотрѣли на данное слово. Если же вы не вполне увѣрены въ этомъ, то ни къ чему не послужитъ ваше негодованіе на ребенка за его ложь, изъ него выйдетъ только одна глупая комедія.

Весьма также неблагоприятно *наказывать одинаковымъ образомъ за всякую ложь*. Надо обращать вниманіе на то, что *побудило* ребенка солгать; потому что ложь не есть еще цѣль, а служитъ только средствомъ къ достиженію извѣстной цѣли. Не слѣдуетъ, какъ только начнетъ ребенокъ говорить, предполагать уже впередъ, что онъ солжетъ; когда же ребенокъ дѣйствительно лжетъ изъ страха или просто легкомысленности, не слѣдуетъ тотчасъ же нападать на него и приходить въ отчаяніе, что онъ совершенно испортился; достаточно сказать ему серьезно: «обдумай хорошенько», или: «говори правду». Эти слова, при хорошемъ воспитаніи ребенка, не останутся безъ надлежащаго дѣйствія; если же они не помогутъ, это значить, что ребенку не разъ уже ложь удавалась. Матери должны особенно серьезно обращать вниманіе на свои разговоры съ дѣтьми, потому что имъ обыкновенно труднѣе приобрести уваженіе къ себѣ, чѣмъ отцамъ; а гдѣ нѣтъ уваженія, тамъ представляется открытая

дорога для лжи. Надо также обращать вниманіе маленькаго хвастуна на все неблагородство и несостоятельность его лжи: «ты хвастаешься, что очень ловко дѣлаешь гимнастику; это очень хорошо, если кто-нибудь можетъ справедливо сказать это про себя; но весьма будетъ глупо, если ты это только выдумалъ и ничего не можешь сдѣлать въ сущности; какъ стануть тогда смѣяться надъ тобой, потому что порядочный человѣкъ говоритъ мало, а дѣлаетъ много». Пристыдивъ такимъ образомъ ребенка за ложь, вы заставите его возненавидѣть ее, такъ какъ она причиняетъ ему такую непріятность. Но послѣ этого необходимо слѣдуетъ ободрить ребенка, потому что весьма легко *наказаніями* и *порицаніемъ* подавить духъ ребенка (воспитаніе же, напротивъ того, имѣетъ цѣлью возвысить духъ дитяти до наибольшей нравственной свободы).

Въ разбираемомъ нами случаѣ ободреніе должно заключаться въ томъ, чтобы указать ребенку средство заслужить похвалу не посредствомъ лжи, а посредствомъ непрерывнаго старанія и постоянныхъ усилій. Ребенку нужно показать, что ложью онъ *больше всего вредитъ самому себѣ*. Если онъ посредствомъ лжи старался избавить себя отъ какой нибудь работы, то это ему не удастся: онъ все таки долженъ исполнить свою работу, и именно въ то время, которое назначено для отдыха, при чемъ должно гораздо строже требовать удовлетворительности этого исполненія. Не достаточно еще сознанія, что ложь не приноситъ никакой выгоды; нужно, чтобы лгунъ *сознался* въ ней, къ своему же стыду. «Видишь, Максъ, ты говорилъ мнѣ вчера, что у тебя нѣтъ больше уроковъ для школы, а сегодня утромъ ты приготовилъ ихъ потихоньку отъ меня; скажи же, въ чемъ ты провинился, назови это настоящимъ именемъ; ты теперь уже никакъ не можешь не сознаться въ своей винѣ». Максу трудно будетъ сказать, что онъ солгалъ (что и есть хорошій признакъ), но все таки не слѣдуетъ избавлять его отъ этого сознанія. Вы можете однако облегчить его, подсказавъ ему: «ты солгалъ», и вы должны довольствоваться тѣмъ, если онъ съ смущеніемъ повторитъ эти слова. Послѣ сознанія своей вины, мальчику станетъ легче на сердцѣ, что и слѣдуетъ поддерживать въ немъ. «Я не сержусь на тебя, милый Максъ, мнѣ грустно только, что ты солгалъ; но отъ сознанія твоей

вины тебѣ стало легче на сердцѣ и я теперь успокоилась; но скажи мнѣ, зачѣмъ ты обманулъ меня вчера, ты вѣдь знаешь, что я тебя люблю и ты можешь говорить все свободно? Тебѣ хотѣлось вчера играть въ саду съ мальчиками? Тебѣ слѣдовало бы сказать мнѣ это прямо; я бы конечно тебѣ позволила, и тебѣ не пришлось бы тогда тайкомъ отъ меня готовить свои уроки, и они вышли бы гораздо лучше. Но это еще не все. Твои уроки дурно приготовлены и теперь уже некогда приняться за нихъ, учитель замѣтитъ это; ты долженъ будешь откровенно сказать ему причину и попросить его отложить ихъ до завтра; вотъ видишь-ли сколько ты надѣлалъ себѣ вреда только одною ложью». Если бы было возможно такимъ образомъ каждому лгуну показать всѣ послѣдствія его лжи, то вѣроятно такого рода ложь скоро бы уничтожилась, потому что всегда можно найти дурное послѣдствіе, которое заставитъ лгуна смотрѣть на ложь, какъ на источникъ своего несчастья, и, слѣдовательно, онъ потеряетъ охоту лгать.

Но такъ можно дѣйствовать только тогда, когда вы имѣете полное доказательство, что ребенокъ солгалъ; если же вы сомнѣваетесь, въ самомъ ли дѣлѣ обманулъ васъ мальчикъ, или въ случаѣ, если виновникъ преступленія еще не открытъ, то вы должны дѣйствовать съ величайшей осторожностью. Въ этомъ отношеніи обыкновенно представляется два случая: или проступокъ такого рода, что его можно и не замѣтить, или же онъ такъ бросается въ глаза, что никакъ нельзя обойтись безъ изслѣдованія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ вы должны сперва убѣдиться, можете-ли вы найти виновнаго и его изобличить. Если же вы не имѣете къ тому средствъ и не вполне увѣрены въ успѣхѣ, то лучше не начинайте разслѣдованія, а то мальчикъ восторжествуетъ и перехитритъ васъ. Если проступокъ извѣстенъ только вамъ однимъ, то лучше не говорите о немъ и ждите, пока какой нибудь неожиданный случай не откроетъ вамъ виновнаго. Если же многіе знаютъ о случившемся, то сознайтесь лучше прямо передъ дѣтьми въ своемъ безсиліи; скажите такъ: «вы всѣ знаете, что сегодня случилось; одинъ изъ васъ, а можетъ быть и нѣсколько, знаютъ также, кто это сдѣлалъ. Я этого не знаю, потому что я человекъ и не могу знать, что происходитъ въ душѣ каждаго изъ васъ; но меня болѣе всего

огорчаетъ то, что я, смотря теперь на каждаго изъ васъ, невольно должна думать: «можетъ быть, это сдѣлалъ онъ»; я должна это думать о каждомъ изъ васъ, между тѣмъ какъ въ этомъ виноватъ только одинъ, сдѣлавшій дурное».

Такъ надо поступать въ томъ случаѣ, когда не знаешь навѣрное кто виноватъ; если же есть подозрѣнiе на какого нибудь ребенка, то слѣдуетъ увести его въ другую комнату и поговорить съ нимъ глазъ на глазъ. Страхъ позора въ присутствii другихъ часто препятствуетъ сознанию; мальчикъ будетъ упорно отрицать и, зашедши разъ такъ далеко, отъ него очень трудно будетъ получить признанiе, особенно если это будетъ хитрый мальчикъ. Если же мы не оскорбимъ его чести, то этимъ уже расположимъ къ себѣ маленькаго преступника, онъ будетъ намъ за это благодаренъ и вообще уступчивѣе, тѣмъ болѣе, что внутренно онъ пойметъ, что совершенно недостоинъ такого снисхожденiя. Вызвать у мальчика сознание вполне зависитъ отъ того, какъ поставить вопросъ. Чѣмъ мы *спокойнѣе и менѣе интимаемся*, тѣмъ болѣе чувствуетъ ребенокъ, что его все таки любятъ и уважаютъ и не смотрятъ на него, какъ на преступника, а какъ на провинившагося; для него будетъ тогда гораздо легче признанiе. *Дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы ободрять и нравственно поддерживать ребенка, но никакъ не подавлять его совершенно.* «Вчера, дѣти, вы испортили въ саду очень много деревьевъ; ты былъ тоже при этомъ и вѣроятно знаешь какъ это случилось; скажи мнѣ, кто это сдѣлалъ, только не называй мнѣ невиннаго; подумай, какъ бы тебѣ самому было неприятно, если бы тебя кто нибудь обвинилъ несправедливо. Что это ты такъ конфузишься? Если у тебя хватило силы сдѣлать эту шалость, то имѣй же силу открыто сознаться въ ней и нести всѣ ея послѣдствiя». Рѣдко не сознается при этомъ ребенокъ въ своей винѣ, а если дѣти *вообще хорошо воспитаны*, то и совершенно не нужно дѣлать такихъ предисловiй. Я знаю нѣкоторыхъ отцовъ, матерей и учителей, которые могутъ совершенно до вѣрчиво придти къ дѣтямъ и спросить: «кто это сдѣлалъ»? Виноватый безъ страха, но притомъ смутившись, называетъ себя. Не происходитъ-ли это отъ того, что посредствомъ признанiя ребенокъ думаетъ избавиться отъ наказанiя? Любовь къ истинѣ этихъ дѣтей была бы тогда слишкомъ ничтожна.

Нѣтъ, хорошо воспитанныя дѣти признаются во всемъ открыто и тогда, когда напередъ знаютъ, что имъ придется нести всѣ послѣдствія своей шалости. Я вовсе не раздѣляю того мнѣнія, что *ребенка надо вознаграждать за его любовь къ истинѣ*; слѣдуетъ смотрѣть на истину, какъ на нѣчто совершенно *естественное* и потому не требующее никакого вознагражденія. Еще можно допустить себѣ сказать какъ нибудь ребенку: «я очень рада, что ты тотчасъ же сказалъ мнѣ правду, я не ожидала отъ тебя ничего другаго. Ты не получишь никакихъ *особенныхъ* наказаній за твою небрежность, но я не могу отклонить отъ тебя послѣдствій твоего дурнаго поведенія. Ты вчера забавлялся и отдыхалъ, такъ сегодня ты долженъ за это работать». Если такіе факты будутъ повторяться часто, то, не смотря на открытое признаніе дитяти во лжи, онъ необходимо долженъ получить и особенное наказаніе за свою лѣность. Если же вы будете такъ снисходительны и оставите эту ложь безъ послѣдствій, то вашъ ребенокъ опять прибѣгнетъ ко лжи и постарается перехитрить васъ. Если онъ дойдетъ до такой наглости и безстыдства во лжи, что спокойно будетъ смотрѣть въ глаза тому, кого обманываетъ, то дайте ему тогда почувствовать всю силу вашего негодованія. Накажите его тотчасъ же, безъ лишнихъ съ нимъ разсужденій, такимъ наказаніемъ, которое унизило бы его. Не старайтесь при этомъ казаться спокойною: вашъ гнѣвъъ будетъ въ этомъ случаѣ законный и благородный, потому что его вызвала защита правды; дайте ребенку почувствовать, что вы должны его презирать, потому что онъ посредствомъ лжи потерялъ всѣ свои права на уваженіе. Это презрѣніе не должно перейти въ ненависть; ребенокъ долженъ въ гнѣвѣ вашемъ видѣть только горе, которое онъ причинилъ вамъ своимъ поступкомъ, и заставилъ васъ прибѣгнуть къ такой строгости.

Въ моихъ письмахъ къ вамъ, Милостивая Государыня, я потому такъ много распространялся относительно лжи, что этотъ порокъ встрѣчается чаще другихъ и искореняется съ трудомъ; онъ можетъ довести человѣка до глубокой нравственной испорченности. Если вы будете руководиться при воспитаніи вашего Макса совѣтами, которые я далъ вамъ въ своей перепискѣ съ вами, то Максъ, хотя и будетъ впадать въ то

или другое заблужденіе и, къ сожалѣнію, лгать иногда, какъ другія дѣти; но все таки, посредствомъ хорошаго воспитанія, вы дадите ему прочную нравственную основу, а разъ внутреннее стремленіе усовершенствовать свою нравственность не такъ то легко искореняется; это стремленіе всегда будетъ обращать его вниманіе на его поступки и облегчать ему сознаніе въ своихъ недостаткахъ.

Оканчиваю мое послѣднее письмо искреннимъ желаніемъ полнѣйшаго вамъ успѣха въ воспитаніи вашего сына; пусть онъ всегда будетъ чистъ передъ Богомъ и людьми. Мнѣ было бы очень пріятно, если бы я могъ сказать, что я своими совѣтами содѣйствовалъ, какъ вашему счастью, такъ и счастью вашего сына.

~~-----~~

A decorative frame made of a ribbon, with a central knot at the top and bottom, and small floral-like motifs on the left and right sides.

ДѢНА 30 КОП.